

Литературный журнал **ЛАВА 42**

Литературный журнал

ЛАВА

№ 42

Харьков
2021

**Литературный журнал
ЛАВА
№42
(2021 г.)**

**УДК 821.161.1
ББК 83.3**

Р е д а к ц и я:

Главный редактор —

Герман Титов (С.-Петербург, Россия)

Редакторы — Татьяна Шеина (Минск, Беларусь)

Андрей Костинский (Харьков, Украина)

Обложка – Ирина Новикова (Москва)

Тексты печатаются в авторской редакции. Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Рукописи не рецензируются.
Редакция информирует об издании только тех авторов, чьи произведения отобраны для публикации, в полемику не вступает и оставляет за собой право на публикацию не полной подборки присланных произведений.
Издание двуязычное: украинский язык и русский язык.
Электронный адрес для писем: kostin-sky@mail.ru
Требования к присылаемым материалам:
Word, информация о себе, фотография и телефон для контакта.

**Издание является неотъемлемой частью проекта
литературного объединения АВАЛ
(основан 19 февраля 2010 года)
(руководитель — Андрей Костинский)**

Підписано до друку 12.12.2021. Формат 60x84 ¹/₈
Папір офсетний. Друк цифровий. Наклад 200 прим.
ПВПП «Слово». Свідоцтво про реєстрацію
видавничої діяльності ХК № 214 від 21.11.2007 р.

© Авторы текстов, 2021
© Литературное
объединение «АВАЛ», 2010
© Ирина Новикова, илл. 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Мargarита МОСКВИЧЁВА (Сумы)

Рассказы: СОН **4** // ЗЕРКАЛЬЩИК **5** // КУРОРТНЫЙ РОМАН **10**
ДВЕ ЧАШКИ НЕДОПИТОГО ЧАЮ **13** // ПРОСТО ОСЕНЬ **14**

Інна СНАРСЬКА (Полтава)

Поэзія: Ё браму сэрца **17**

Людмила НИКУЛИНА (Харьков)

Рассказ: НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ **22**

Сергей МАНУКЯН (Харьков)

Поэзия: С миром на «ты» **28**

Елена ДАНЧЕНКО (Испания-Нидерланды)

Рассказы: КАК Я УПРАЖНЯЛСЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ **34**
ДОМ **35** // Издательство Такое-то **37** // ОКСИД ГРАФИТА **40**

Тата БАРАШКОВА (Харьков)

Поэзия: Одно спасает — любовь **44**

Игорь ОТЧИК (Беларусь-Молдова-Россия-Болгария)

Рассказы: МАРШ АРТИЛЛЕРИСТОВ **50** // ВАЛЬСЫ ШУБЕРТА **54**

Олена МИХАЛЕВИЧ (Сумы)

Поэзія: Бо вірю в долю і, таки, люблю... **69**

Елена САМСОНОВА (Донецк)

Рассказ: БОЛЬШЕ ВСЕГО Я ХОЧУ ПРИТВОРИТЬСЯ НЕ МНОЙ **72**

Валентин Щербань (Харьков)

Повесть: ЛЕТОПИСЬ ХАРТИЛОНА (продолжение) **74**

Карина АУЛОВА (Краматорск)

Поэзия: В сердце вливаешь солнце **84**

Эмилия ПЕСОЧИНА (Германия)

Очерк: ПРИЗВАНИЕ ПРОФЕССОРА ШУСТИКОВА **87**

Рубрика: Г О Р О Д А

Ольга АНДРЕЕВА (Ростов-на-Дону)

Не устаю влюбляться в города **89**

Мио ГРАНД (Москва)

Город сложный, город, сложенный в ладони... **96**

Татьяна ПЕРЦЕВА (Хельсинки)

ГОРОДАЛИКИ **106**

Валерия ТАРГОНСКАЯ (Киев)

АРЗАМАС **112**

ПАМЯТЬ

Наталья РЕБАЛКО (Харьков)

Повесть: САХМЕТ. ПЛАНЕТА ЦВЕТОВ **114**

С у м ы

Маргарита МОСКВИЧЁВА

СОН

Странный сон... Я кого-то хотела догнать.

Во сне услышала звонок в дверь и нетерпеливый стук. Кто-то настойчиво требовал открыть. Открыла, но там уже никого не было. Только слышались шаги по лестнице — кто-то спускался к выходу. Я окрикнула. Никто не отозвался. Пустилась вниз по ступеням.

Оставалось два проёма. Услышала, как хлопнула парадная дверь. Добегаю до неё, распахиваю... Ничего особенного: улица, прохожие... даже никто не оглянулся. Поднялась в квартиру и — тут же проснулась.

Странный сон. Что бы он значил? Впрочем, какая разница.

Умылась холодной водой.

Звонок в дверь. Насторожилась: вдруг и стук будет, как в моём сне. Да, он раздался — нетерпеливый стук. Я в нерешительности. Почему-то возник вопрос: действительно ли я умылась?

Стук повторился.

Медленно подойдя к двери, открыла. Никого. Я отчётливо услышала шаги по лестнице. Кто-то спускался вниз. Странно, почему не лифтом?

Пустилась следом. Бегу, боясь оступиться. Осталось два лестничных проёма. Хлопнула входная дверь.

Не поленилась и спустилась к ней, открыла. По тротуару, вправо и влево идут прохожие. Никого не могу заподозрить. Всматриваюсь, не оглянется ли кто... Ничего не остаётся, как вернуться в квартиру — я в пижаме.

Странный сон, странное утро.

Я снова умылась. На кухне засвистел чайник. Почти одновременно с этим свистом зазвонил телефон: подруга просит срочно прийти. Надо — значит надо. Два глотка чаю, взгляд в зеркало — вперёд.

Спустилась лифтом. На улице многолюдно. Такси? Нет — тут два квартала пройти. Свежий воздух, свежие мысли. Мысли, мысли... даже ни на одну витрину не взглянула.

Вошла в подъезд. Поднимаюсь на второй этаж — подруга ждёт меня в дверях своей квартиры.

— Ты кого-нибудь встретила сейчас? — спросила она.

— Нет.

— Только что кто-то настойчиво стучал мне в двери. Я думала, они вылетят. Открываю — никого и ты поднимаешься по лестнице.

...Не знаю о чём думать.

— Что случилось? — спросила я.

— Мне сон приснился, — ответила она. — Я шла за тобой до твоего дома. Зачем-то поднялась к тебе, но ты перед моим носом закрыла дверь. Я позвонила, ты не открыла. Я начала стучать. Показалось, что тебе нужна помощь. Ты так и не открыла дверь. Я ушла.

— Так это была ты?

Она усмехнулась. Только улыбка скривилась, словно возникло сомнение.

Дальше — пустой разговор. Так и не поняла, зачем приходила.

Следующей ночью выспалась. Хорошо выспалась. Утром встала отдохнувшая, как никогда...

...сообщили, что мир изменился.

ЗЕРКАЛЬЩИК

- Я хочу заказать у вас зеркало.
- Давно этим не занимаюсь, — старик прокашлялся и лишь потом взглянул на молодого человека. — К тому же их полным-полно в магазинах: выбирай — не хочу.
- Мне не хочется смотреться в то, где уже кто-то отражался, — заявил гость.
- Старик усмехнулся: «Да всюду все отражаются. Вот сейчас я отражаюсь в твоих глазах, и что теперь?»
- Гость улыбнулся: «Это меня не пугает. За целый день столько вижу...»
- Так чем же отличается твой взгляд на зеркала?
- Оно должно отражать только меня.
- И тех, кого ты увидел за целый день, — зеркальщик снова усмехнулся. Положив на рядом стоящий стол маленький томик развёрнутыми страницами вниз, хлопнул себя по коленям и поднялся из кресла. Он подошёл ближе к гостю и посмотрел ему в глаза через толстые линзы очков.
- Меня зовут Денис, — тут же представился тот.
- Денис, — повторил старик. — Де-нис, де-низ, где низ. А где низ? — прошёлся по комнате, чтоб размять ноги, оглянулся на промолчавшего гостя. — Да там же, где и верх. Не обращай внимания, это я так.
- Старик предложил гостю присесть — Денис понял, что сделка возможна. Он опустился на старый потёртый диван:
- Значит, вы согласны?
- Да как сказать, — зеркальщик снова уселся в своё кресло. — Смотря, чего ты хочешь?
- Мне нужно абсолютно новое зеркало, в которое я посмотрю первым.
- Ха-ха-ха, — хрипло рассмеялся старик. — Да такого ты никогда не получишь.
- Это почему же?
- Ну вот, в нашем с тобой случае, возмись я за это дело, первым в зеркало посмотрю я — а как иначе? Не хочешь же ты сказать, что я должен изготовить его наощупь?
- Денис засмеялся: — Само собой разумеется. Я о другом, вы же понимаете.
- Так ведь и другое разным бывает.
- Старик опустил руку в карман домашнего пиджака, достал курительную трубку и потёр её: — Джин, выходи.
- Денис усмехнулся.
- Я вот его зову, а он мне в ответ: «Так ты же бросил», — зеркальщик подмигнул гостю и снова положил трубку в карман. — Привычка... — он сделал паузу и снова посмотрел на гостя, — Стёпка мне говорил про тебя. Я ему напомнил, что давно не занимаюсь зеркалами, но он уломал меня встретиться с тобой. Говорит случай у тебя какой-то особый.
- Да, собственно, ничего особенного. Просто я немного предвзято отношусь к зеркалам. Но нужно же знать, как выгляжу, прежде чем выйти из дома.
- Выходит, схитрил Стёпка? — недовольно произнёс зеркальщик. — Я-то думал, ты мне байки какие-нибудь рассказывать начнёшь. За свою жизнь я их столько наслушался...
- Степан Григорич замечательный человек, — подчёркивая своё уважение к старому другу семьи, сказал Денис. — Таких сейчас нечасто встретишь, добросердечный. А к вам я пришёл с просьбой потому... — он замялся, опустив взгляд, потом криво улыбнулся и посмотрел на старика так, словно сейчас откроет нечто самое сокровенное о себе.
- Вы ведь знаете, что зеркала отличные хранители энергии. Если в него смотрелся неудачник, пьяница, злодей — некий психический ток, или энергосистема, — уж это как вам угодно, сохраняется в зеркале и потом перейдет на нового владельца. Мне бы такого не хотелось. К тому же зеркало — это граница между мирами, и в нём могут находиться души умерших или их отражения. Я понимаю, что магазин — иная тема, но и там разные люди проходят за день. Да и в нашем доме часто бывают гости... В любом случае я хочу абсолютно новое зеркало.

— Души в зеркале... — повторил старик. — Да у тебя, дорогой, фобия какая-то на этот счёт. Что такое зеркало? Это отражающая свет поверхность, от-ра-жа-ю-щая. Ты понимаешь, что обозначает это слово?

— Думаю, да.

— Думаешь... Так вот, идеальная зеркальная поверхность может отразить свет от любого предмета, хоть сколько-то способного его отражать, хоть молекулу. И всё, что люди видят в зеркале — присутствует перед зеркалом, а не за ним и не внутри него. И если кто-то что-то увидел потустороннее, хочу этому кому-то сказать, что он, скорее видит параллельное, но способное отражать свет. Так что не всем байкам нужно верить. Я много зеркал сделал на своём веку, и хочу тебя утешить — в них и за ними никого нет.

— Вы хотите сказать, что призраки, которых некоторые люди видели в зеркалах, обитают рядом с теми людьми, просто не всегда отражаются?

— Ну вот, — всплеснул руками старик, — теперь призраки... энергосистем уже мало ему.

— Вы подобные факты отвергаете?

— Фактами, как ты выразился, я такими не располагаю; и в моей практике ничего похожего не случалось. Но упрямо отрицать не буду. Я тоже немало историй на эту тему слышал. И сказать могу лишь одно: помру — тогда и узнаю. И, если желаешь, поищу способ сообщить тебе, — старик лукаво усмехнулся.

— Спасибо, не надо. В общем, как бы там ни было, я хочу иметь новое, так сказать «девственное» зеркало, не отразившее ни чей свет.

Старик усмехнулся: «Да не занимаюсь я этим. Работа уже не по моим силам».

— Я постараюсь обеспечить вас всем необходимым, — тут же ответил Денис, — И оплатить работу готов хоть сейчас.

— Необходимым... хоть сейчас... — повторил зеркальщик. — Скажи, пожалуйста, где я буду выпаривать платину в лавандовом масле? Это если ты хочешь хорошее, прочное, качественное зеркало.

— Я уже продумал эту тему и договорился с приятелем. У них в университете сейчас период каникул и отпусков. Его лаборатория полностью в вашем распоряжении. Там отличная вентиляция. И помощника подыщу толкового. Вы скажите обо всём, что нужно для работы.

— Эх, Денис, — усмехнулся зеркальщик, — стоит ли это того, чтобы посмотреться в зеркало перед работой?

— У каждого свои заморочки. У меня — эта. Так вы возьмётесь?

— Что ж, давай попробуем.

* * *

Пётр Фадеевич был потомственным зеркальщиком; он продолжал дело отца, деда, прадеда... Продолжал, пока этот труд не стал ему непосильным — годы брали своё. Редко кто не слышал о Фадеевиче — он славился своим мастерством; но это тогда — в те времена, которые он теперь вспоминает сидя в старом кресле. Теперь же, не затронь «зеркальную» тему Денис в своём кругу, вряд ли бы он узнал про славного когда-то зеркальщика. Степан Григорьевич — бывший почтальон, был давним знакомым Фадеевича; говорил, что тот даже мог изготовить «волшебное зеркало» по древнекитайским рецептам. На волшебное Денис не рассчитывал, да и зачем оно ему, в сущности?.. А вот новое зеркало от старого мастера получить хотелось. Много предрассудков рождает зеркальная тема. Наслушавшись их отовсюду, суеверный и романтичный Денис решил обратиться к Петру Фадеевичу.

Довольный тем, что уговорить зеркальщика удалось — Степан Григорьевич предупредил, что тот может оказаться несговорчивым; Денис быстро организовал всё необходимое: привезли лист безупречно ровного стекла, реактивы, масло лаванды и гвоздики, платиновую фольгу, словом — всё, что указал зеркальщик. Установили большой стол с приспособлением для нагрева его верхней стороны паром. Денис предпочёл не вмешиваться в процесс и, предоставив всё необходимое, — терпеливо ждал.

Прошло несколько дней, прежде чем хриплый голос в телефоне произнёс слово «готово». К этому времени была сделана и наборная рама из ольхи в стиле модерна. И когда в неё поместили двухметровое зеркало, Денис явился в лабораторию. Оно величественно стояло, накрытое тюлем и перевязанное красной лентой. Лицевой стороной зеркало было обращено в сторону окна, так чтоб никто кроме владельца не посмотрел в него — об этом позаботился Пётр Фадеевич. Денис усмехнулся, развязав ленту, сдёрнул тюль... Такого чистого отражения он не видел ни в одном зеркале. Казалось что всё вокруг промыто дистиллированной водой несколько раз, до сияния. Воздух словно отсутствовал. Тишина...

— Сказочно, — восторженно на выдохе произнёс Денис. — Невероятно!

— Я проконтролировал, что бы после подъёма в него никто не заглядывал, — отчитался зеркальщик. — Оно твоё.

Денис завесил зеркало; его обложили пенопластом и, прикрепив к такого же размера щиту, погрузили в машину. Через полчаса Денис стоял в своей комнате перед настоящим произведением искусства. Он не мог насмотреться в него! Нет, Денис не любовался собой, а был не в состоянии отвести взгляд от прозрачности, которая «дышала» с той стороны. Казалось, что настоящий мир там, за инкрустированной рамой, а здесь лишь помутневшее его отражение.

Своей родне он позволил взглянуть на недешёвое приобретение лишь через порог комнаты: так никто не мог увидеть себя, а лишь само изделие, да как сказочно сверкало в нём отражение светящейся люстры.

Работу зеркальщику Денис оплатил не скупясь, отдавая дань мистическим предрассудкам, как выразилась его сестра. Он считал, что доброе отношение зеркальщика к выполняемой работе оградит от всех курьёзов.

Каждый день теперь он выходил из дома довольный собой, в хорошем настроении. Последний взгляд перед выходом был обращён в зеркало.

Сестра стала ехидно бурчать: — Смотри, смотри. Однажды там себя увидишь девушкой. Понятно, что ей хотелось посмотреться в то зеркало, но к прихоти брата она, как и остальные члены семьи, отнеслась с пониманием; он имеет право на свои капризы, как и любой из них.

Появление желанного зеркала не внесло никаких изменений в жизнь Дениса, всё шло как обычно. Разве что по вечерам при включённой люстре становилось торжественно светло. Иногда Денис пристально всматривался в своё лицо, вспоминая как зеркальщик говорил, что могут отражаться и те, кого он видел на протяжении дня: шутил конечно же, ничего такого Денис не видел.

Дни шли, и зеркало стало восприниматься весьма обычным атрибутом интерьера, как, скажем — напольная ваза у входной двери: купив её однажды на выставке, теперь лишь старались не задеть. Всё новое со временем становится обыденным.

Денис почти месяц работал без выходных, с утра до вечера. Но вот пришло то воскресенье, в которое можно вволю отоспаться. Полдень «стучался» в окно яркими лучами. Денис сладостно потянулся, встал, подошёл к зеркалу и улыбнулся себе. В этот миг в зеркале кто-то отдёрнул оконную штору, и Денис на короткий миг увидел фигуру женщины. Он обернулся к окну — оно ещё было зашторенным, а зеркало отражало только привычный Денису интерьер его комнаты, и его самого с ошеломлённым взглядом. Сколько он ни подходил в этот день к зеркалу, ничего, кроме привычных ему отражений там не видел. В конце концов, решил, что ему что-то привиделось от того, что долго спал и к тому времени не совсем проснулся. Он решил об этом никому не рассказывать, ведь тут же найдутся остряки, мол «оно же у тебя новое»...

Всю следующую рабочую неделю Дениса не покидали мысли о видении, хотя оно не появлялось... не появлялось до следующего выходного, когда в полдень солнце светило в окно. Денис, занятый своими делами, волей случая прошёл мимо зеркала и как раз в этот момент в нём мелькнул свет и фигура женщины — точно так же, как и в прошлый раз. Он снова долго всматриваться в отражения, но возникшего на миг и тут же исчезнувшего видения больше не было. «Воскресные галлюцинации», — подумал Денис, прошёл к книжному шкафу, взял нужную ему книгу и снова заглянул в зеркало: «Никого».

С этого дня он стал приходить на обед домой. Это было неудобно, но за то удалось кое-что выяснить: видение появлялось в зеркале ровно в полдень и только в ясную погоду. Если в комнату не проникали в это время солнечные лучи, никаких галлюцинаций или фантомов, как стал это называть Денис, не было. Кроме того, ему, во что бы то ни стало, захотелось рассмотреть женщину, отдёргивающую штору. Задача оказалась сложной: видение возникало на короткое мгновение и тут же пропадало. Но всё же Денис успел заметить, что женщина молода, у неё вьющиеся светлые волосы, на ней длинный малиновый халат. И то, как она отдёргивала штору, наводило на мысль, что женщина у себя дома. Магазины, фильмы, гости — всё это исключилось сразу; к зеркалу кроме Дениса никто ещё не подходил.

«Зеркальщик, — мелькнула мысль, — он может хотя бы как-то объяснить».

Денис бросился к двери.

— Ты куда, чудак? — окликнула его сестра. — Твой чай...

— После выпью, — отрывисто ответил он, закрывая дверь.

Через минуту он уже нёсся в своём фольксвагене к тому, от кого надеялся получить разъяснения.

Старик сидел в кресле, как и при первой встрече. Он явно не ожидал увидеть снова у себя в гостях суеверного романтика. Денис влетел к нему в комнату с горящим взглядом.

— Что, какая-нибудь энергосистема явиться изволила? — зеркальщик шутливо усмехнулся.

— Она самая, — Денис присел на диван, не дожидаясь предложения.

— Забавно, забавно... И кого ты туда ещё поселил?

Денис долго держал паузу, не находя с чего начать. Упрекнуть зеркальщика было не в чем, а выставить себя клоуном не очень хотелось. Старик был терпелив.

— Вы говорили, что в зеркале может отразиться и тот, кого я видел — я правильно понимаю?

— Да если бы только это, — зеркальщик иронично хмыкнул.

— Ещё вы говорили, что идеальная зеркальная поверхность может отражать до мелочей всё, что находится перед ней. Даже в полутьме реально уловить последний фотон, если ему есть от чего оттолкнуться.

— Верно. И что у тебя стреляет фотонами?

Денис снова сделал паузу.

— Не стесняйся, выкладывай, что у тебя произошло?

— В моём зеркале появляется женщина.

— Хорошенькая? — старик понимал, что шутка может быть неуместной, но всё же смягчит настроение взволнованного гостя.

— Не успеваю рассмотреть. Она появляется на короткий миг, только в полдень и непременно в солнечную погоду.

— Это хорошо, — зеркальщик многозначительно закивал головой.

— Что в этом хорошего? — недоумевал Денис. Сам факт такого явления он не мог расценить, как нормальное и даже принципиально допустимое.

— Так ведь в полдень, с солнышком. Это по ночам ужасы бродят. А днём...

— Да какая разница, в какое время суток у меня появляется аномалия? — на повышенном тоне возмутился Денис. — Это не нормально и этого не должно быть. Но если оно есть, то мне хотелось бы узнать причину такого явления и можно ли как-то от него избавиться? Зеркало мне бы не хотелось нести на мусорку.

— Не скажи, — протяжно прошептал зеркальщик. — Разница есть и она немаленькая.

— Вы мне чего-то не договорили в прошлый раз? Что ещё могут отражать зеркала?

Старик полностью откинулся на спинку кресла: — Да всё, что угодно. Всё, что имеет свою волну: свет, звук, мечты и воспоминания...

— Мечты? — удивился Денис.

— А что тут удивительного, — усмехнулся зеркальщик. — Всё, что связано с воображением сидит в нас — глубоко-глубоко, может на самом дне подсознания. И порой этим воображаемым образам удаётся выбраться сквозь решётки сознания и проявить себя. Так гадают на зеркалах, слышал наверно. Красавица ведь не к ветру обращается, а к

самой себе, к тому самому подсознанию, которое всё знает, всё ведаёт. Оно и отправляет портрет суженного-ряженого, вытаскивая его на поверхность из хранилища всеобщей, но мало кому доступной информации. Да все гадания на этом построены, и никакой нечистой силы там нет. Но сейчас не об этом.

— Вы хотите сказать, что я вижу, как, возможно, моя будущая жена развешивает штору в моей комнате?..

— Развешивает штору? В полдень? — во взгляде старика погас весёлый блеск.

— Именно, — азартно ответил Денис. — Вот только её малиновый халат мне показался старомодным. Вряд ли моя избранница будет любительницей ретро.

— Цвета неспелой вишни, — прошептал старик и закрыл глаза. А Денис продолжал описание таинственного фантома. Ему хотелось донести образ до мелочей. Но трудно было уловить — не то что запомнить, какие-либо детали внезапно появлявшегося и тут же исчезающего видения, оно не позволяло ни за что ухватиться взглядом. Вот разве штора — Денис вдруг вспомнил: она была малахитового цвета.

— Любушка, — тихо произнёс зеркальщик, и сквозь сомкнутые веки просочилась слеза.

Денис умолк и, не отводя глаз, смотрел на старика. В его голове пронесся вихрь предположений, и любое из них было неутешительным. Однако он не решался терять мир, в который на какое-то время погрузился старик. Но тот взял себя в руки, медленно провёл сухой ладонью по лицу, что бы вытереть слезу.

— Кто такая Любушка? — несмело спросил Денис.

— Моя первая жена, — зеркальщик достал курительную трубку и стал усердно тереть её большим пальцем. — Мы прожили вместе меньше года. Она была моей музой. На день рождения я подарил ей мягкий халат цвета неспелой вишни — она так называла этот оттенок красного. Это была моя первая, единственная и самая настоящая любовь. Я не сразу сделал ей предложение... долго ухаживал.

— С ней что-то случилось? — осмелился спросить Денис.

— Да, — старик тяжело вздохнул, — её не стало. А я прожил всю жизнь, храня её образ в своём сердце. Тот день, когда она развесила шторы — был самым счастливым в нашей жизни. Накануне я допоздна работал, был срочный заказ влиятельной особы. Вложился в срок, но устал неимоверно. На следующий день мы с Любушкой хотели уйти в лес и пробыть там до самого вечера — только вдвоём. Постоянная работа, не прекращающиеся заказы... они отнимали меня у неё. И мы решили убежать от всего мира и принадлежать только друг другу. Но я так разоспался в этот день, что ей удалось разбудить меня только к полудню. Она вошла в комнату весёлая, усмехнулась мне и быстро отёрнула штору. В комнату ворвался сноп яркого света — его нам хватило до вечерней зари.

Денис слушал Петра Фадеевича, не смея спугнуть ни единого мига его воспоминаний. Ему подумалось, что отныне он стал хранителем прошлого постаревшего мастера; и зеркало стало чем-то вроде книги с закладкой на одной странице, единственно на которой и раскрывается каждый раз.

Неожиданно Денису пришла мысль показать старику зеркало в один из солнечных дней, когда ему будет удобно. Но тот наотрез отказался: — Я её и так каждый день вижу. Она постоянно у меня перед глазами, никуда не девается...

Ушёл Денис от зеркальщика в смятённом состоянии. Он не мог решить, что же делать со странным зеркалом? Выносить его вон из дома ему не хотелось — очень уж оно по душе ему пришлось; но и хранить чужие воспоминания в своей комнате — не горел желанием. Ладно бы они были в воображении, как впечатление от рассказа старика о своей любви, но тут совсем другое...

Старик посоветовал выставить зеркало под дождь на полчаса, да не вытирать потом сутки, дать воде самой высохнуть. Говорил, что дождевая вода большую силу имеет, да что хорошо бы радужной, то есть той, которую собрать, когда на небе радуга сияет во время дождя.

В конце концов Денис решил зеркало не трогать. Смотрелся в него редко, «полуденных встреч» поначалу старался избегать, но потом примирился, как свыкаются с повторяющимися рекламными роликами — так он убедил себя.

По осени солнечные дни стали редкостью: она сразу пришла хмурая и неуютная. Зачастили дожди. Ветра носили по небу тяжёлые тучи, из которых, казалось вот-вот пойдёт снег.

Сумрачное воскресенье Денис решил провести дома. На улице шёл бесконечный мелкий дождь. К вечеру должны были прийти гости и он помогал готовится к их встрече. В минуту отдыха зашёл в свою комнату, в ней был полумрак от ещё не облетевшей листвы с дерева за окном. Рука едва потянулась к выключателю, как зеркало озарилось ярким светом. Денис быстро подошёл к нему и застыл в молчании... Видение не исчезло, пока Денис не всмотрелся внимательно; оно словно выжидало. В ярком свете на фоне малахитовой шторы стояли обнявшись — женщина в халате цвета неспелой вишни и Пётр Фадеевич; он выглядел намного моложе, но Денис без труда узнал его. Прежде чем видение стало меркнуть, зеркальщик оглянулся на Дениса. Часы в его комнате показывали полдень.

КУРОРТНЫЙ РОМАН

(Букет розмарина)

«Дождь, дождь, дождь... И пришёлся же отпуск на такой сезон... Но, коль пришёлся — нужно его провести так, чтоб он не провёл меня», — рассуждала Мила, рассматривая бегущие капли по стеклу такси, везущего её к курортному городу. Уже видны были его окраины. Несколько минут и раскрытый зонт, сделав доброе дело, дал добежать до дверей корпуса. Двухместный номер с видом на море.

«Вот как придётся все восемнадцать дней просидеть здесь с чашкой горячего чая, укутавшись в плед», — размышляла Мила, выйдя на балкон. Перед её взором шумела завеса густого дождя. Море не просматривалось, хотя до него метров тридцать. «Ему меня тоже не видно», — усмехнулась Мила и пошла в душевую комнату. Ей вспомнилось, как сотрудницы, провожая её в отпуск, рассказывали наперебой истории бурных курортных романов, делились секретами и давали советы.

«Да, тут, пожалуй, только о романах и будешь думать, если дождь заладит на неделю», — невесело размышляла Мила о возможно впустую потраченном свободном времени. В том смысле, что хотелось вдоволь насладиться солнцем, шумом прибоя, запахом морских водорослей, которым в сентябре пропитан воздух — так ей рассказывали. Сама она была на море пару раз — то проездом, то зимой.

Дождь стал мелким. Редкие кипарисы дали возможность увидеть море — вот оно, рядом. Почему бы не пройти по берегу?

Прикрывшись непросохшим зонтиком, Мила вышла из корпуса.

— В такую погоду неплохо бы попить кофейку с чем-то крепким в баре, не правда ли? — зрелых лет мужчина вышел вслед за ней и тут же закурил сигарету.

Мила улыбнулась ему, ничего не ответив.

Купаж, коктейль — всё равно, как назвать мощный замес запахов можжевельника, кипариса и розмарина. Дождь даёт распахнуться аромату этих растений и тот проникает в подсознание и пускает там корни. Миле хотелось этим воздухом дышать, не переставая; заглатывать его непомерными порциями; упиваться!.. О, если бы можно было его взять с собой, увезти домой, как увозят подобранные на берегу камешки и ракушки. Такой воздух должен быть рядом всегда!

С приоткрытыми от упоения глазами Мила ступила на пустой пляж. Мокрая галька хрипло шуршала под ногами, а вокруг — ни души... Серое небо, серое море, серый день.

Мила подняла небольшой камешек и, что есть силы, метнула в воду: хотелось среди мелких кругов от монотонных дождевых капель увидеть всплеск. И как только брызги поднялись над уставшей от дождливого настроения водой, в это место упал солнечный луч. Откуда?.. Мила подняла голову, опустив зонт. Маленькая лунка в сплошных облаках пропустила пучок солнечного света. Его блик на воде стал двигаться к берегу и,

добравшись до ног Милы, исчез. Она снова посмотрела в небо — лунки не стало. Ветер нёс облака дальше и скоро дождь прекратился. С берега уходить Миле не хотелось. Ей казалось, что должно произойти какое-то чудо. Но ничего особенного не случилось, дождь снова усилился, и она вернулась в номер. В нём уже размещала свои вещи вторая постоялица — тусклая блондинка средних лет.

— И как вам погода? — спросила блондинка, с грустью посмотрев на Милин зонт.

— Что поделаться, небу не прикажешь, — улыбнулась Мила.

Они решили выпить чайку за знакомство. У блондинки для этого случая была припасена бутылочка бальзама, который, по её словам, улучшает все оттенки горячего напитка.

Потом Мила отправилась знакомиться с земляками блондинки, заселившимися в два номера на других этажах. Чай везде был разного сорта и крепости.

К утру распогодилось. Мила надела купальник и, пригласив из вежливости соседку по номеру с собой (понимая, что та откажется), отправилась на пляж: блондинка с азартом «чаевала» всю ночь, и выспаться после встреч и знакомств нужно было, как следует — не показываться же новым знакомым в том виде, с которым она была не согласна. К тому же у неё было всё продуманно: для каждого дня — свой наряд; к каждому наряду — соответствующие аксессуары... и только флакон туалетной воды был один, чтоб в любом наряде быть узнаваемой — именно так она и сказала.

Мила ничего такого не предусматривала. В её планах было только море.

На пляже уже грелись отдыхающие. Море слегка штормило, и в воде плескались немногие. Но едва Мила подошла к кромке воды, как волны утихли. Лишь мягко шуршала легко перекатываемая галька. Положив свои вещи, Мила медленно вошла в воду... Та, словно ждала... Небольшие волны подбегали к ней и, будто ладонями, похлопывали по икрам, бёдрам, талии — по мере погружения в воду. Мила сделала глубокий вдох и окунулась с головой. В ушах зашумело. Шум был похож на шёпот, и можно было разобрать слова, а, может угадать, — ей слышалось слово «пришла». Она вынырнула, провела ладонью по лицу и начала плыть, не разбирая куда. Ей было так легко и радостно, что казалось — всё остальное отсутствует в мире, есть только она и море!.. А оно будто ласкало её волнами, мягко поплёскивая по шее, плечам, словно невзначай нахлёстывая на губы. Мила с удовольствием слизывала солёную воду и плыла, плыла... Громкий хриплый голос в рупор оповестил всю вселенную, что женщина в жёлтом купальнике должна вернуться в зону купания. Мила не сразу поняла, что это адресовалось именно ей. Вначале она обратила на это внимание, потом стала оглядываться по сторонам и лишь спустя несколько минут, вспомнила, что на ней купальник жёлтого цвета. Она нехотя развернулась в сторону пляжа и почувствовала, как тяжело стало грести к берегу. В следующую минуту, непонятно откуда взявшаяся огромная волна подняла её и понесла к ошеломлённым купальщикам, которые спешно выбирались на берег. Но у самой береговой кромки волна словно ушла под землю, осторожно поставив на ноги Милу. Все сочли, что женщине в жёлтом купальнике крепко повезло, и только она приняла это как милое чудо, о котором теперь говорили вокруг, с каждым словом переделывая историю на новый лад.

Многолюдные крикливые дни больше не устраивали Милу. Она стала ходить к морю под вечер. Подолгу сидела на берегу, а когда пляж пустел, окуналась в воду — она и море. Оно как-то по-особенному вело себя, едва Мила появлялась на пляже. Стоило ей войти в него, как волны бежали к ней и кружились, пенясь и брызгая искристыми каплями. Ночи напролёт Мила общалась с полюбившейся ей стихией. К утру возвращалась в номер отоспаться. Её соседка спросила как-то: «Нашла себе кого-то? У тебя никак роман завязался».

— Завязался, — с ухмылкой ответила Мила, не желая вступать в беседу.

— А как хоть зовут? Может, я его знаю?

— Может и знаешь. А имя его, как сказал герой гайдаевского фильма, слишком известное, чтобы его называть, — Мила подмигнула блондинке. Та понимающе кивнула и задумалась, точно стала перебирать в памяти портреты потенциальных женихов.

Истёк срок отпуска и Мила, собрав вещи, вышла проститься с любимым морем.

— Прощай, — тихо прошептала она вдаль. — Говорят, что курортные романы мимолётны и недолги. Я не хочу, чтоб это было романом. Я хочу, чтоб это не кончалось, пока чайки будут летать над волнами. Помни: я люблю тебя, Море!

Волна прибоя хлынула к ногам Милы и у самого ранта босоножек остановилась, едва коснувшись их.

Поезд умчал Милу в её привычную обыденность. Снова планы, звонки, встречи, договора. Неделя сменяет другую, ни чем не отличающаяся, от предыдущей. На рабочем столе стоят несколько рамок с фотографиями морских пейзажей. Мила много их «нащёлкала», пытаясь запечатлеть самые-самые неповторимые волны, самые-самые высокие брызги, самые-самые... да всё самое-самое и всё неповторимое. Более удачные разместила вокруг себя, как портреты дорогих сердцу людей.

Месяц за месяцем, год за годом и вот море уже лишь на рабочем столе и в глубине памяти. В эту глубину Мила ныряет изредка, но круговорот дел, потоки ситуаций и требования жизненного уклада не позволяют там находиться, сколько хотелось бы. И желание вырваться к морю постепенно переходило в ранг мечты...

Близилась зима. Непогода межсезонья часто испытывает здоровье на крепость. Мила попала в статистику эпидемиологических отчётов в тот момент, когда была занята своими. Ох уж эта привычка — переносить хворь на ногах в угоду служебным интересам.

Жар не давал покоя, и Мила ушла с работы чуть раньше. Рассеянное внимание не помешало сесть в свой автобус и выйти на своей остановке. В лифте ей стало дурно, и, едва раскрылись двери, Мила чуть не упала на пол. Её тут же поддержала чья-то рука. Она услышала мужской голос, но рассмотреть никого уже не могла, только пробормотала номер своей квартиры. Потом — щелчок замка. Чьи-то бережные руки... кровать... и тот же голос. Наконец, когда её голова коснулась подушки, она почувствовала небольшое облегчение и смогла рассмотреть человека, который ей помог. Молодой мужчина с глубокими синими глазами склонился над ней: «Что же ты так долго?»

— Меня жутко вымотала эта работа. Она мне кажется бесконечной и, порой, невыполнимой. Нет, я справлюсь, я знаю, что нужно и где всё это взять, но у меня уже нет сил, — как в бреду шептала Мила.

— Не волнуйся так, — улыбнувшись, сказал мужчина. — Это я к слову. Хотя ты действительно слишком задержалась. Я уже столько жду...

Он продолжал о чём-то говорить, но Мила не слушала слов, а просто наслаждалась его речью. Ей был приятен его голос. Она чувствовала рядом с собой близкого человека. И не возникало никаких вопросов. Едва она хотела что-то сказать, мужчина прикладывал палец к её губам: «Не переживай ни о чём. У тебя усилился жар, нужно поспать. Я сейчас дам тебе лекарство. А после поговорим, хорошо?»

Мила кивнула в ответ. Он ушёл на кухню и тут же вернулся со стаканом воды: «Выпей».

— Что это? — Мила скривилась, пригубив из стакана. — Солёное.

— Пей, пей, — подбадривал гость. — К утру как на свет народишься. А я побуду рядом. И, кстати, я тебе кое-что принёс, ты это любишь.

— Что?

— Увидишь потом.

— Хорошо. Расскажи мне что-нибудь, — прошептала она, чувствуя, что засыпает.

— Конечно, слушай, — он присел рядом к ней на кровать и стал гладить лоб, щёки, горячую шею. Потом наклонился, обнял её и прошептал на ухо: «Это не кончится, пока чайки будут летать над волнами».

Мила уснула. Ей снилось море. Прохладные волны касались её тела и охлаждали. Она ощущала свежесть бриза, он пах морскими водорослями. И вдруг тот самый неповторимый запах — можжевельник, кипарис, розмарин. Мила открыла глаза. Утро. Никого рядом нет. Голова ясная, жара как не бывало. На стуле рядом с её кроватью стоит стакан с букетом цветущего розмарина, а рядом лежит записка «До встречи».

ДВЕ ЧАШКИ НЕДОПИТОГО ЧАЮ

(В поисках сумасшествия)

Хлопнув входной дверью, Тарас взбежал на третий этаж. Быстро вставив ключ, открыл замок квартиры.

В свои без малого тридцать он был крепок телом и вынослив духом. Темп жизни чётким ритмом отстукивал каждый пункт в расписании на день. Это напоминало спортивное соревнование: что-то вроде кросса, в котором, пока, неучтён финиш. Изредка он позволял себе рассуждать о правилах и принципах своей жизни. В подобные моменты в душу закрадывалось сомнение — стоит ли это всё такой гонки?

Привычно захлопнув за собой дверь, Тарас направился в ванную комнату. Проходя мимо гостиной, ему показалось, что в кресле у зашторенного окна кто-то сидит. Отец с матерью были за границей и в ближайшие два месяца появиться не могли. Ни соседям ни друзьям ключи, вроде бы не давал.

— Ты кто? — скорее для самоуверенности спросил Тарас, никак не ожидавший услышать ответ.

— А ты куда пришёл?

— К себе домой, — ответил он, попятившись.

— Тогда это — я, — прозвучал спокойный, глубокий голос, от которого Тарасу почему-то стало не себе.

«Галлюцинации от переутомления», — подумал он и, не сняв куртки, бросился к крану с холодной водой. Плеснув пару раз себе в лицо, Тарас взглянул в зеркало. «Да, такой вид должен вызывать сострадание», — пробормотал своему отражению. Наспех промокнув лицо полотенцем, он открыл дверь из ванной комнаты и... оказался перед входной дверью в подъезд своего дома.

«Всё! Отпуск! Иначе сойду с ума», — подумал Тарас.

Не спеша подошёл к своей квартире. Ключ с трудом влез в замочную скважину. Тут он вспомнил, что так и должно быть. Недавно, вынимая из кармана пачку сигарет, он уронил свой ключ в реку. Дубликат оказался каким-то не притёртым. «Одно из двух, — думал он, — либо у меня начались проблемы со здоровьем, либо кто-то воспользовался моим ключом, забрался в квартиру и решил разыграть со мной комедию».

Войдя, он сразу направился в гостиную. Там никого не было.

«Ну, вот. Значит всё в порядке. Сегодня полный отдых», — решил Тарас.

Он смело подошёл к плотно зашторенному окну и раздвинул гардины. Набрал в телефоне чей-то номер.

— Ир, привет.

— Привет, привет, — раздался ироничный голос.

— У вас всё без изменений? Как ты и говорила, сегодня в семь?

— Вообще-то да... — таким же тоном ответила Ира.

— Я постараюсь не опоздать.

— Не поняла.

— Что здесь непонятного — встречаемся в семь, — заявил Тарас.

— Ты же сказал, что не придёшь.

— Когда? — возмутился он.

— Пару минут назад.

Тарас потёр рукой свою густую коротко подстриженную шевелюру.

— Слушай, Ир — я, наверное, в какой-то мере не в себе. Кажется, у меня от перегрузок крыша едет. Заверяю: я точно приду.

— Но я уже заказала столик на пятерых.

— Поспешила. Ничего, думаю это поправимо.

— Хорошо, я сейчас перезвоню. Но больше никаких изменений, — категорично заявила Ира.

— Абсолютно никаких, — ответил Тарас. — Мне сейчас остро необходим отдых.

Он положил телефон на журнальный столик и спокойно направился в ванную комнату. Стал под душ и долго обливался то тёплой, то холодной водой. Потом перешагнул

борт ванны, взял большое банное полотенце и, обмотавшись им, вышел из ванной комнаты...

— Да что же это такое?! — вырвался у него крик.

...Он снова стоял у двери подъезда: в куртке, брюках, нащупывая в кармане ключи от своей квартиры.

Нервно вытянув из кармана телефон, Тарас набрал номер. Сигнал вызова казался бесконечным, но всё же голос раздался — сухой и недовольный.

— Слушаю.

— Ир, у меня что-то не ладится. Не знаю даже, как это объяснить...

— Два дня назад объяснять надо было, Тарасик.

— Не понял!.. — выкрикнул он в недоумении.

— Что тут непонятного? Позавчера тебя весь вечер ждали пять болванов.

Подождали-подождали, пока всё остынет, огляделись по сторонам, убедились, что нас уже рассмотрели все и, успокоив официанта, что всё в порядке, приступили к очень холодным закускам, не зная за что поднимать бокалы.

— Тогда я точно сошёл с ума, — растеряно проговорил Тарас.

— Бесспорно.

— Ира, я действительно не могу понять, что происходит. Возможно, мне понадобится помощь.

— Что у тебя стряслось, — уже более доброжелательным тоном спросила Ира.

— Я тебе перезвоню.

— Звони.

«Ну, ведь надо же что-то делать», — думал Тарас, взявшись за ручку подъездной двери.

— Ты будешь заходить или нет? — вдруг послышалось из окна Тарасовой квартиры. Во всяком случае, так ему показалось.

— Теперь не знаю, — тихо пробормотал Тарас.

Он ещё немного постоял у двери, но тут она открылась и из подъезда вышла соседка с первого этажа.

— Здравствуйте, Галина Фёдоровна, — поприветствовал её Тарас, стараясь не показать своего волнения.

— И тебе здравствуй, Тарасик.

Он вошёл в подъезд, поднялся к своей квартире, вставил ключ в замочную скважину и медленно, как будто не желая того делать, повернул его. Оставив дверь распахнутой, прошёл в гостиную. Перед зашторенными окнами в кресле кто-то сидел.

— Кто ты? — робко спросил гостя Тарас.

— Да знакомились же недавно, — раздался тот же тихий глубокий голос.

— Значит, я в прошлый раз не расслышал, — более уверенным тоном ответил Тарас, не решаясь проходить вглубь комнаты.

— Можешь назвать меня своим сомнением.

— У меня что, раздвоение личности?

— Ну почему раздвоение?..

— И какой личности? — сыронизировал Тарас...

...В двери послышался звук открывающего замок ключа. Родители Тараса вошли в квартиру. Щелчок выключателя — и вся комната в ярком свете люстры. На столике у окна между двух кресел стоят две чашки недопитого чая.

ПРОСТО ОСЕНЬ

Переполненное уличное кафе в жаркий день — норма. Всё живое пытается найти тень. А тень с прохладительными напитками — просто спасение.

Парень с двумя бокалами холодного пива быстро отыскал взглядом свободный стул за столиком, где сидел разморенный зноем старик.

— Не помешаю? — коротко спросил парень

— Присаживайся, — вяло ответил тот.

Молодой человек залпом выпил первый бокал и огляделся по сторонам. Не сложно было заметить — что-то его гложет, и это не жара.

Он украдкой взглянул на старика. В общем-то, стариком соседа по столику назвать было бы неправильно — так, первое впечатление. Седой — да; сутулый — в жару и не так ссутулишься. Одет просто. По всему сразу видно — этот вопрос его волнует меньше всего.

— Какие грустные глаза, при такой-то молодости, — первым начал разговор седой мужчина.

Парень поднял на него смелый взгляд.

— Тебя как зовут, грустный? — продолжил тот.

— Вадим.

— И что же тебя так опечалило, Вадим?

Вадим снова поднял глаза на навязчивого собеседника и отвёл взгляд в сторону:

— Так, — нехотя начал он, — был на выставке. Хотел прийти к открытию, но опоздал. Явился, что называется — под занавес.

— Что, стоящая выставка? — прищурился, спросил сосед по столику.

— Для кого как, — не очень учтиво ответил Вадим. — Лично для меня — больше, чем стоящая. Друзья мне говорили, что я должен увидеть это.

— Позволь угадать, — перебил его мужчина, — ты художник?

— Теперь не знаю, — ответил Вадим тоном полным порыва отмщения себе самому, а за что — уже неважно.

— Что так? — не переставал интересоваться сосед по столику.

— Думал, что я художник, — в его голосе появились эмоции, — а сегодня выяснилось, что это было самомнение. Всё чепуха. Дым. И вообще, думаю, уже пепел.

— Да за что ж ты так себя?

— Там, в галерее, — продолжал Вадим уже с азартом, — сейчас выставлены работы гениального автора! Мастера! Всё, что он изображает, имеет сложную, я бы сказал, анатомию его многогранного мира.

— О, как? — с любопытством глядя на молодого собеседника, сказал мужчина.

— Да вы посмотрели бы. Это заметит даже самый далёкий от искусства человек. И ребёнок ощутит в этих работах присутствие преимущества над всем.

Вадим эмоционально описывал свои впечатления от увиденного. Он разгорячился, как окружающий кафе июльский день. А седой мужчина с лёгким вниманием слушал его, попивая из своего бокала.

— Значит, тебе понравилось? — подытожил он, скорее для себя.

— Не то слово, — ответил, не скрывая своего восхищения Вадим. — Если хотите, могу провести, показать.

— Да нет, — ответил тот, — я это уже видел, — и в его взгляде появилась тень грусти, дополненная ироничной ухмылкой.

— Зря, — заявил Вадим. — Посмотреть эти произведения никогда не будет лишним.

— И такое может быть, — ответил седой мужчина. — Только скажи, пожалуйста, что тебя из всей той экспозиции так огорчило?

— То, что я так никогда не смогу, — отчеканил он.

— А зачем тебе — так?

— Это гениально. Это современно. Востребовано.

— То есть — конъюктурно, хочешь сказать?

— Может и так, — ответил Вадим, — но это только подтверждает, что мастерство этого автора так значимо сейчас для людей.

— Потребителей, — поправил его мужчина.

— Я бы так это не назвал, — сказал Вадим. — Хлеб мы тоже потребляем, но без него никак. Пусть банальный пример, зато нагляднее некуда. В прочем, можете отзывать на этот счёт как угодно: от этого ни талант автора, ни его мастерство меньше не станут.

— Спасибо, спасибо, — с той же ухмылкой проговорил седоволосый собеседник.

Вадима пронзила мысль, что он взболтнул чего-то лишнего.

— Так это вы? — робко спросил он.

— Да, дорогой, — небрежно ответил тот.

Вадим изменился в лице. Он не мог определиться: сидеть ему или встать? Если встать, то зачем? Если сидеть — как вести себя дальше?

— Не волнуйся, — сказал художник, угадав мысли молодого поклонника своего таланта. — Ты очень юн.

— Мне скоро тридцать, — попытался возразить Вадим.

— А точнее?

— Двадцать четыре.

Художник искренне рассмеялся.

— Ты ещё невообразимо юн, — повторился он. — Я не относил это к твоему возрасту. Но, видно, всё является совокупностью.

Он покрутил в руке опустошённый бокал и попросил плеснуть в него ещё немного прохладительного спасения — так он называл пиво, обращаясь к официанту.

— А я сам брал бокалы, — сказал Вадим, обратив внимание на обслуживание в летнем кафе.

— Это не есть неправильно, — ответил художник. — С одной стороны — тебе не втерпёж, с другой — есть к чему стремиться.

— В каком смысле? — удивился Вадим.

— В самом обычном — житейском. Я здесь давно завсегдагай. Много лет. Меня уже стены этих домов запомнили настолько, что узнают из всех даже полностью укутанного в плащ, с головы до ног.

— А-а, — понимающе отреагировал начинающий художник.

— Каких-нибудь выставок пятнадцать-двадцать, — продолжал тот, — и ты тоже сможешь просто сидеть, а тебе — просто будут приносить, даже если ты ничего не заказываешь. Главное, чтоб это были приношения, а не подаяния. Вот для этого и нужно трудиться. Это уже будет называться тем самым моментом, когда хорошо откормленный тобою талант, как благодарный сын, начинает кормить тебя. И никогда не слушай бред, вроде того, что художник должен быть голодным. Че-пу-ха! — сказав это слово, мужчина засмеялся. — Главное — быть художником.

В этот момент ему официант принёс большой бокал пива.

— Ну, просил же неполный, — раздосадовался он, — я свою норму уже выпил. Впрочем, спасибо.

Он предложил Вадиму разделить с ним этот бокал. Тому за счастье было вообще находиться рядом с этим человеком... он ничего не ответил. Он просто не знал, что сказать и как стоило отреагировать на предложение.

Не дожидаясь ответа, художник разделил объем своего бокала поровну, больше не задавая вопросов.

— А теперь о главном, — сказал он, сделав глоток. — Никогда не изменяй себе! Ты не такой, каким должен, или хочешь быть. Ты такой — какой есть. В тебе то содержание, которое можешь показать ты, и только ты. Причём показать таким, каким его видишь ты, а не каким это хотят увидеть у тебя. Тебе дано то, что только ты можешь почувствовать. А перекликнется ли оно с другими — пусть это тебя не беспокоит. Найдётся с кем перекликнуться — перекликнется. Совершенствуй только себя. Теперь я это могу говорить уверенно. Пойми, что ты никогда не сможешь сказать миру о чём-то так, как это сделаю я, точно так же как и я не в силах сказать твоё. Мало ли кто, что, где и как выразил? Это всё — общая беседа, и ты можешь в неё вставить своё слово. Своё! Понимаешь? И если его услышат собеседники — ты полноправно можешь дальше говорить во весь голос. Но сначала научись говорить: о своём и по-своему.

Вадим притих, будто его загипнотизировали. Он благоговейно ловил каждое слово собеседника, а когда тот прервал свою речь, чтоб сделать очередной глоток, робко спросил:

— А ваша картина в углу, справа... Вся такая тёплая и грустная...

— Это осень, милый друг, — задумчиво ответил художник. — Просто осень.

Седой художник встал из-за стола, достал из сумки сложенную панаму стиля «сафари», надел её и, обернувшись к Вадиму сказал:

— Заходи ко мне в мастерскую, если обещаешь не стать мной.

П о л т а в а

Інна СНАРСЬКА

Ў браму сэрца

* * *

Білим по білому тче заметіль,
вікна і двері в зиму поснулі,
щастя стареньке долю пряде
з рідного пір'ячка горлиці-гулі.

Сиплються, сиплються роки-сніги
щастячка-щастя в срібне відерце...
Кожна дорога і друг дорогий —
ближче до серця, ближче до серця.

* * *

Раніше співали іволги,
А тепер лише крукам летовище,
Басурманських ночей
Романи і повісті.

Яничари в любов
Батогами догралися,
Одинокий двобій,
До зими — як до старості.

А я повірила наче,
Що ти — це я,
Половинка терпляча,
Степова, моя.

Затуляєш у холод,
Даруєш кров.
А насправді — картинки горталися
Про любов.

Римувалося справно,
Ганяло кров,
Відьми зілля приправили,
А де ж любов?

Острів птахів насправді —
Зола в руці,
Лише слід, як підранок,
Хрестиком на щоці.

* * *

*«Вчера и всегда под вербой у края пруда...»
Марцелиус Мартинайтис*

Коли мене ще не було
Під вербою, на віях річки,
Дзвеніло літо і гуло,
Птахами линули сторіччя.

Ще не було, ще не було...
Дороги бігли босо в хмари,
Ще будувався Вавилон,
І хтось читав рядки Хаяма.

Була і заздрість, і печаль,
І Каїн вже пішов на брата,
Рогнеда гасла, як свіча,
Царями величали катів.

Вже все було, вже все було...
Я тільки верба біля річки...

* * *

Тоді я була крилатою,
тою, що подобалася тобі.
«To by or not to by?»
Завжди є вибір —
римовані вірші або верлібри
у тому вимірі,
де я подобалася тобі.

Чи та крилатість зробила кращою?
Тепер говорити все важче нам.
Ню малював, а я заховалася в панцир равлика.
Еврика. Любові динаміка.
А равлик — зливам названий брат.
Час зупинився. Біжить назад...
І Бог ще тільки дає імена
тваринам, пташкам, тобі й мені.

ПОЕТУ

*«... очі безсилі перед мовчазним народженням квітки».
Марцеліус Мартінайтіс*

Все головне народжується з тиші,
Мовчи, чекай і проростай у ніч,
Доріг немає над гілками вишні, —
Пірнай, пливи, відроджуйся у ній.

Все що болить, що мило і що свято,
Зернятком, пуп'янком, вогнем твоїх зіниць

Народить світло в тиші тій завзятій,
Народить світло і врятує мить.

Те світло згасне, все це буде потім,
Про це ти знаєш — все живе горить.
І буде попіл, ранком буде попіл.
Та буде мить!

Б Е Л А Р У С І

Вочы мае — вякі,
Я мяняла вас на шаўкі,
Я мяняла вас на рыззё,
А ў руках — адзін чарназём.

Каб ты срэбрам быў, чарназём,
Я б цябе захінула рыззём,
Загарнула б цябе ў шаўкі, —
Толькі веру маю пакінь!

Я — чарніца гэтай зямлі.
Я — званіца,
 мой звон памяні.
Я — блудніца,
 даруй, не гані,
Не кідай у мяне камяні.

ЧОРНА-БЕЛАЕ

*«Мы, як і нашыя дамы,
пабудаваныя на снезе...»
Рыгор Барадулін*

На снезе нашыя дамы,
Дзе коміны дымяць зямлі,
І зазямляюцца снягі
У чорны сон маёй тугі.

Ідзе па снезе чалавек,
Нябёсны і зямны навек,
Дрыжыць на веях белы смех,
І першародны муліць грэх.

Растане снег
І сыйдзе грэх
У прочкі, проч,
У бела-ноч...

А чорна-белымі снамі
Дамы ляцяць і ляцяць над намі...

ВЕЧНАСЦЬ

Адкуль прыходзіць трава,
 півоніі ды язьмін?
 Куды павяртаецца поўня?
 Сёмае кола дрыжыць на вадзе,
 нібы ад каменьчыка,
 кінутага дзяўчынкай ці хлопчыкам —
 сынам, унукам...

Я стаю на беразе рэчкі
 і гляжу на ваду.
 Квітуюць язьмін і півоніі,
 распускаецца поўня, —
 па колу, па колу,
 па кровазвароту жыцця...

Нехта кідае, кідае каменьчыкі,
 а кола звініць, і звініць, і звініць...

КВЕТКА ГАРЫНЬ

Кветка гарынь гарачая,
 Гнуткая, як струна,
 Гняўлівы дзень перайначвала,
 Струмянела, цякла.

Кветка гарынь гарэла
 Кожным пялёсткам сваім,
 Шалам душы і цела,
 Адценнем маці-зямлі.

Захлыналася кветка ў пяшчоце,
 Цішыні збавення майго
 І таго, хто сядзеў напроці
 Таямнічых снягоў.

* * *

«Я — тут, я — тут!» — стукаю ў браму сэрца.
 Атруты столькі вакол, столькі раптоўнай смерці.
 Стукаюся... Толькі лядок зары...
 Зірні мне з надзеяй у вочы, зірні,
 Такой заінелай, нясмелай...
 Птушкай белай лётаць хацела,
 Толькі цяжкое цела...
 Карацелі дні, даўжэлі ночы,
 Зірні мне з лагодай у вочы...
 Ваўчынай сцяжынай прарочай
 Бягу ў гушчар лясны проці ночы.
 Нашча выпіваю зару, гавару...
 А ў адказ крумкачынае: «кру-кру-кру».

* * *

Па беламу — трава,
 Па чорнаму — няволя.
 Галосіць удава
 Савою ў чыстым полі.
 Па чорнаму — снягі
 Пярыны сцеляць душам.
 Дзе волаты ляглі —
 Там і сірот задушаць.
 А пушчы хараство
 Спяліць птушыны вырай.
 Лятучае яство
 Успомніць сны пра крылы.
 Успомніць даўніх дзён
 Жывую таямніцу:
 Хто ў вышыні — анёл,
 Той на зямлі — крыніца.
 А прашчур скажа нам:
 «Не будзі яко черві...»
 І херувім, як храм
 Асвяціць шлях вячэрні.

ІДЗІ ПА ВАДЗЕ

— Без паветраных замкаў
 і ветру на мулкім дне?
 — Ідзі па вадзе!
 — Без словаў астылых, мілых,
 у радасці і бядзе?
 — Ідзі па вадзе!
 — Мятліка крылы, ластаўкі пералёт,
 зіма, галалёд... Надзея дзе?

 — Ідзе па вадзе!

Х а р ь к о в

Людмила НИКУЛИНА

НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

«Сегодня день будет жарким, потому что с самого утра уже нечем дышать», — думала она, поднимаясь по лестнице здания суда в свой кабинет. Как всегда, она с восьми часов уже на работе, хотя рабочий день начинается с девяти утра. Но что поделать? Многолетняя привычка приходить пораньше, чтобы успеть подготовиться к процессу, у нее выработалась давно. Сегодня она будет слушать уголовное дело по обвинению Зацепина Игоря Николаевича в совершении мошенничества. Перелистывая материалы дела, судья знакомится с фабулой обвинительного акта, делая отметки на отдельном листе бумаги.

— Так, ну и личность, — рассуждает она вслух. — Ранее неоднократно судим, вновь совершил преступление в период условно-досрочного освобождения, взял у прохожего мобильный телефон позвонить и скрылся, присвоив его. Да, еще тот голубчик, проблем не оберешься. А что у нас тут по доказательствам? В реестре перечислены данные о потерпевших, свидетелях, протоколах следственных действий... Ладно, разберемся в заседании.

— Лена, — обращается она к своему секретарю, — проверь явку, пока я выпью чашечку кофе.

Помощник судьи, Марина, очень толковая девочка с двумя высшими образованиями, подает судье только что приготовленный свежий кофе. Вообще аппарат судьи состоит из трех человек — судьи, секретаря судебного заседания и помощницы судьи. На данный момент они все имеют высшие образования, юридически подкованные и достаточно грамотные. Еще бы, такая ответственная работа, связанная с судьбами людей.

— Вот что тут поделаешь? — говорит судья. — Не могу отказать себе в этом по утрам и именно в суде. Не пойму, с чем это связано? Но именно утром этот напиток заряжает меня на целый день. Именно утром, — повторила она, подходя к окну и открывая его настежь.

— Вот жара будет!!! Жаль, что кондиционер сломался, как мы перенесем это лето? Не знаю. Надо волосы подколоть, чтобы не было дискомфортно, да и дрескод судьи не мешало бы придерживаться, — размышляла она. — Марина, где ежедневник? Сколько еще сегодня предстоит дел рассмотреть кроме этого?

— Да вот же он, — помощник торопливо подает его судье.

— Ничего себе, еще пять гражданских дел и десять административных. Если уголовное пойдет, то по остальным делам пусть подождут, переносить на другую дату нежелательно.

В этот момент в окно залетела какая-то птица и стала кружиться по кабинету, цепляясь крыльями за стены, мебель.

— Марина, срочно иди сюда! — почти закричала судья.

Марина стала ловить ее руками, но птица металась из угла в угол, как сумасшедшая. Тогда девушка взяла папку и стала бегать по кабинету, размахивая ею во все сто-

роны. Она нечаянно задела бумаги, которые находились на письменном столе, и они вместе с уголовным делом слетели на пол. Помощник вместе с судьей бросилась их собирать, а птичка незаметно выпорхнула из окна наружу, оставив после себя так внезапно возникшую неразбериху.

— Такая маленькая, а столько шума наделала! — запыхалась Марина, аж веснушки на ее покрасневшем лице выступили.

— Пейте кофе, Галина Назаровна, а то остынет. Я сейчас все поправлю. Не волнуйтесь.

— Да, да... конечно, Мариночка... Я не волнуюсь, — ответила судья, а про себя с тревогой подумала: «Это не к добру, плохая примета. Мало того, что артериальное давление высоко, а тут еще жара и это сложное дело».

После птицы у нее осталось какое-то неприятное ощущение дискомфорта, запаха какого-то — не то сырости, не то плесени, как из разрушенного погреба потянуло.

Пытаясь уйти от этого состояния, судья опять подошла к зеркалу, начала машинально поправлять прическу, увидев в нем отражение своего побледневшего лица, подкрасила губы, привычным движением надела мантию и направилась с делом к залу судебного заседания, где секретарь уже проверила явку лиц, прибывших в суд, ввела координаты дела в компьютер, чтобы при помощи звукозаписывающего устройства можно было осуществлять полную фиксацию судебного процесса.

Войдя в зал, она прошла к креслу и предложила присутствующим присаживаться, но тревожность нарастала и преследовала вместе с запахом этой внезапно залетевшей птицы. От выпитого кофе колотилось и вроде бы аж останавливалось сердце. Горло сдавливали спазмы. Это бывало с нею и раньше, она не переживала по этому поводу, знала, что начнется процесс и все пройдет, в худшем случае, можно незаметно выпить таблеточку.

Обвела взглядом присутствующих. В зале кроме отдельных граждан также находились журналисты с видеокамерами, конвоиры, доставившие ее подсудимого в суд из следственного изолятора.

А вот и группа поддержки на месте. Она встретила взглядом с Точёным, который смотрел на нее вызывающе нагло. Здесь же находились Будуин и Белый, его дружки по отдаленным местам.

«Думаешь, отведу, — думала про себя. — Нет, это ты блефуешь, мразь. Хватило совести в суд придти после такого. Он что, специально явился покрасоваться, может быть, думает, что его взяла? Не парься, браток, скоро назад поедешь и никакой «закон Савченко» не поможет. Лучше бы на фронт пошел Украину защищать, но такие, как он, там не нужны, не достойны. Хотя почему ребята молодые в боях на Донцеком направлении от пуля погибают, а Точёный и Зацепин живут? Пришел тут отслеживать, что будет говорить его дружок, какие показания будет давать. Да если Зацепин откроет рот, он не только в подельниках окажется, сам в подельники запишется, потому что такие все, как один, на самом деле, трусы. Смотрит он. Жаль, что судебный процесс является открытым для всех, а то я бы его на порог суда не пустила, чтобы не разводил тут...»

Но почему этот навязчивый, сверлящий душу запах, раньше ведь такого не было?

«Что смотришь, тварь, под амнистию попал? Долго не продержишься. И почему в этом законе не прописано таких, как ты, сразу же на передовую, на фронт отправлять. А то вон соседка моя воет по ночам, как одинокая волчица, сына убили, только гроб привезли, а его больше нет. Вот как такое пережить? Бедная, она так постарела, что узнать невозможно. А Точилины живут.

Таких уродов и земля не примет. А вот еще Дериев П. О., получивший пожизненное содержание. Работника полиции при преследовании застрелил, просто так, целился в ноги, а попал в сердце. Такое хладнокровие на процессе она еще не видела. Давал пояснения так, как будто бы ему все должны. Вот ничтожество! Тогда, после заседания, она впервые за столько лет работы закрылась в кабинете и не выдержала — расплакалась. Да потому, что каждый процесс судья через себя пропускает, а здесь молодой па-

рень погиб, только что поступил на юрфак, мечтал быть юристом, мама не вынесла — инсульт разбил. Господи, защити людей от преступников! Спаси и сохрани!»

Вообще судебный процесс за новым уголовно-процессуальным кодексом Украины, которым полностью изменен порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел, ей не совсем пришелся по душе, поскольку, следуя этому порядку, в суд прокуратурой передается лишь обвинительный акт и реестр материалов досудебного расследования. Все доказательства о виновности либо невиновности лица суд добывает самостоятельно в процессе рассмотрения дела по существу. Но самое существенное заключается в упразднении института доследования.

Итак, судебное заседание начато.

«Ну что такое? Просто тошнит от этого запаха». Ведь она раньше за свою судебную жизнь слышала разные запахи — и бомжей, и перегарных алкашей... Одним словом, людей, опустившихся на самое дно и искалеченных своими руками судеб, но это ноющее подспудное предчувствие с запахом мрачной птицы...

Зацепин... Зацепин... Худощавый, среднего роста, уверенный в себе. Такой же циничный взгляд, как и у Точеного. Ничего, у суда найдутся доказательства, чтобы справедливость восторжествовала. Хотя, небось, он тоже амнистию дожидается. Ничего. Все равно назад вернется. Ведь зона — его дом родной».

Прокурор огласил обвинительное заключение, и судья приступила к установлению личности подсудимого. Он назвал свою фамилию, имя, отчество, дату рождения, конечно же, не работает, а вот прежних судимостей букет, вновь совершил преступление в период условно-досрочного освобождения.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, сейчас главное для нее определить его психологический портрет. Только между судьей и подсудимым может сложиться диалог без слов. Глаза преступника — вот истинное отражение его сути. И чем опаснее преступник, тем легче его обнаружить. Рецидив шлифуется годами, но его признаки опытный судья определяет без промаха... по взгляду ...

В этот момент она почувствовала неожиданный дискомфорт в груди, сопровождающийся переходом в резкую загрудинную боль. Она потянулась рукой, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу на блузке, находящейся под мантией... Но все куда-то поплыло... И в таком полубредовом состоянии она ощутила тот же невероятно мерзкий запах, забивающий дыхание...

— «Скорую!» Скорее вызывайте «скорую», — доносился издали чей-то крик. — Зовите скорее председателя суда...

Сверлящий взгляд Точеного... «Да, он может убить ее. Почему он на свободе? Недавно одного судью убили в его же квартире, и всех членов его семьи, среди которых была беременная женщина. Нет, не просто убили, а обезглавили... Это преступление до сих пор не раскрыто... А вот...»

Её мысли начали путаться. Перед глазами, как в тумане, поплыли лица... Зацепин... Точилин... «Секретарь, где Зацепин? Почему темно? Темно...»

Она увидела себя со стороны, сидящую в зале судебного заседания и ведущей судебный процесс по делу по обвинению выдающегося писателя Н.В. Гоголя. Да, именно его. В судейской мантии, с нагрудным знаком судьи Украины, а он стоит за трибуной, вцепившись обеими руками в ее края. Маленький какой-то, совсем худой, с болезненно-блестящими глазами. Справа от нее сидит прокурор, важно перелистывая страницы уголовного дела, которое он по-своему ходатайству передаст суду в порядке разрешения ходатайств, слева — защитник подсудимого, молодой человек лет тридцати, который вместо того, чтобы думать о том, как правильно выстроить линию защиты, постоянно отвлекается, передает обвиняемому какие-то совершенно не относящиеся к делу документы.

В зале находятся какие-то люди, их много, но они одеты в старинные одежды, судя по красивым шляпам дам и черным фракам мужчин. Они о чем-то переговариваются, поддерживая свое общение аристократическими улыбками... Вот, в полуобороте от нее, стоит, поправляя пенсне, какой-то солидный дворянин... Вот чопорная дама, одетая во

все синее, размахивает веером перед своим припудренным личиком... Зацепин в мелькнул между ними. Он...

Все, как в тумане, плавающем среди множества движений и жестов... Она пытается огласить от имени суда, какое дело будет слушаться, но губы не слушаются, а слова, как тянущиеся нити, становятся все протяжнее и длиннее. Но в этот момент громко открывается окно, и потоки свежего воздуха обжигают ее лицо, возвращая второе дыхание, после чего она устанавливает личность подсудимого.

— Гоголь Николай Васильевич, — спокойно отвечает он. — Родился восемьсот девятого года, марта двадцатого дня в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии в семье помещика, продолжателя рода Гоголь-Яновских. Меня назвали Николаем в честь чудотворной иконы святого Николая, хранившейся в церкви села Диканька, проживаю там же, работаю... пишу по-прежнему... ранее не судим...

Даже в таком отключении она понимает, что перед нею великий писатель, она спрашивает, признает ли он себя виновным и готов ли давать показания по предъявленному обвинению.

— Нет, не признаю, но показания давать буду, — сосредоточенно отвечает он, слегка покачиваясь.

— Тогда скажите, почему вы здесь?

— Ваша честь, — обратился он к ней, поправляя упавшие на восковой лоб русые волосы, — позвольте сначала мне задать вам несколько вопросов?

— Суду вопросы не задают, — отпарировала она.

— Нет, вы все же ответьте, — уже несколько раздраженно настаивал он. — Почему вы, женщина, избрали себе такую профессию и по какому праву вы сейчас взяли судить меня? Разве это правильно? Возможно, вам и не понравились мои мотивы в комедии «Ревизор», связанные с образами судебных чиновников, судопроизводством, взятками и страхом перед ревизией. А может быть, вы осуждаете уездного судью Ляпкина-Тяпкина, который свои обязанности не выполняет, пусть городничий во всем разбирается. Но вы не забывайте, что при всей комичности моих образов я всегда уповал только на Высший Суд.

— Не подумайте, что явились на какое-то судилище, лично я вас не сужу и не осуждаю, — торопилась объяснить ему она. И неожиданно для себя, вопреки своему статусу и процессуальному положению, она вдруг перешла на позицию защиты, обратившись к прокурору с такими словами:

— Господин прокурор, на каком основании вы выдвинули обвинение автору «Мертвых душ» и «Вечеров...»? Это же вы довели его своими обвинениями до состояния неизбежности... Это из-за вас он сжег второй том «Мертвых душ»!!!

— Кстати, подсудимый, — продолжала она, обратившись к Гоголю Н. В. — Николай Васильевич, в силу каких обстоятельств вы оставили родной дом и проживали в России?

— Я не помню, не знаю... Спросите у моей матушки... — По его лицу катился выступивший крупными каплями пот, подчеркивая и без того его серую бледность.... — И все же вы устроили суд надо мной, — настаивал Гоголь. — Тогда позвольте узнать и мое мнение. Я не буду осуждать вас, потому что вы моя землячка и любите мои края, как и я. Меня интересует лишь одно: почему вы выбрали меня и так же, как и я, обожаете уединение? — После этих слов он оставил трибуну и медленными шагами направился прямо к ней... Остановился... Прищурился, вглядываясь в черты ее лица... — Не отвечайте, не надо... И не вам меня допрашивать, хотя вы и судья, не судите меня судом земным, я многое не успел, но все мои повести еще впереди. Люди забрали мой череп, но не меня. Вот и вы, тоже, извольте хранить свою душу потому, что судья не может быть без души.

— Что вы! Разве судья на земле, перебирающий тома Законов, может судить такого одаренного писателя, как Вы, живущего вечно?

— Меня никто не может ни судить, ни осуждать! — почти вскрикнул он, судорожно держась за лацканы своего изношенного сюртука. — Потому что я и не здесь, и не там, да и работу свою еще не закончил, продолжаю писать...

— А вы думаете, что судья — это награда!? — продолжала оправдываться она. — Да это такая ноша, которую я держу много лет на плечах, боясь пошатнуться, чтобы другие не заметили... Моя должность забрала у меня если не все, то всех, кого я любила и кем дорожила. Эта рутинная работа привязала меня цепями к мантии, звенья которых могут разлететься в одночасье, вместе с заслугами и почетом под аплодисменты меняющейся власти... — говорила она, чуть волнуясь. — Но, хотя бы скажите, почему вы ездили в Италию? Вы были больны? — настаивала она, снимая с себя мантию и приближаясь к подсудимому.

— Да, я был болен, но не телом, а душой, я прятался от нее, потому и путешествовал по Европе, уезжая так далеко...

— От кого? — продолжала допрос она, протягивая к нему свои руки и чувствуя холод, идущий от его пальцев.

— От смерти... Она гонялась за мной повсюду, но так и не догнала. Понимаете, я не могу умереть... — После этих слов он взял ее за руку и повел из зала. Они долго шли по незнакомой дороге, устланной разноцветными мальвами. Вокруг никого, лишь густые кустарники по обе стороны кланялись своими ветвями, как бы участвуя в их потустороннем свидании.

— Смотрите, видите, сколько я уже написал, а у вас еще все впереди, не останавливайтесь и не отвлекайтесь на пустяки, — тихо проговорил он, поднимая голову к небу, откуда посыпались бумажным дождем его рукописи, которые медленно кружились и с шелестящим шорохом опускались вниз, обволакивая их пространство прозрачной, переливающейся в движении белизной, с бегущими рядками живых букв неповторимого гоголевского почерка...

В этот момент ее что-то толкнуло, она очнулась, увидев наклонившихся над нею людей в белых халатах и масках, но невидимая волна отбросила ее назад и вновь понесла по длинному коридору далеко-далеко, где она гуляла по лугам, усеянных разнотравьем, пила хрустальную воду из бьющихся из-под земли родников, гонялась за махровыми бабочками...

— Мама, мамочка моя! Ты же тоже родилась и выросла на реке Пселл. Ты там его встречала? Так и ты тоже до сих пор жива? А почему ты сейчас здесь?...

— Да, я сейчас здесь и хочу тебя предостеречь, если ты забыла, кого судишь, ведь это же сам Гоголь, который в своих произведениях так выстрадал нашу с тобой Украину, что тяжело смеяться сквозь его слезы и его незаметную для всех трагическую судьбу... Не судите его, да не судимы будете...

— Мамочка, если бы ты знала, как мне трудно, как мне тяжело... Многие этого не понимают, но крест, который я несу, избрав профессию судьи, с каждым годом становится все тяжелее. Только бы не упасть, не споткнуться, не подвести мой суд... — По ее телу пробежала легкая дрожь, и она судорожно открыла глаза.

— Просыпайтесь, просыпайтесь. Операция закончена, — слышит она, как из трубы, чей-то голос и вновь проваливается...

Половина седьмого утра. В палате тихо, только легкий шорох жалюзи на окнах и чьи-то еле различимые шаги по коридору.

Она открыла глаза и осмотрелась по сторонам.

— Что со мной? Где я? — вопросы сменялись один за другим. — Как же хочется пить...

— Не волнуйтесь, — раздался рядом чей-то женский голос. — Вы в реанимации, все уже позади.

— Меня что, с работы забрали? — спросила она, одновременно понимая, что случилась беда, ее сердце не выдержало нагрузки, оно остановилось на глазах у всех... «Вот обидно, лучше бы никто этого не видел, не хотелось выглядеть беспомощной перед уголовниками. Ну, да и черт с ними, пусть порадуются».

Она тихонечко приподнялась.

— Родственникам сообщили?

— Да, они сейчас с вашим врачом общаются, там же и ваши коллеги по работе.

— Дайте мне мой мобильный телефон, — обратилась она к вошедшей дежурной.

— Вам нельзя сейчас, — тихо ответила медсестра.

— Тогда передайте, пожалуйста, моему секретарю пусть дело Зацепина переназначит на более близкое время, у него срок содержания под стражей заканчивается.

— Непременно передам, не волнуйтесь, вам сейчас надо спокойствие соблюдать. — И продолжила: — Вы бредили, с каким-то Николаем разговаривали.

Судья молча отвернулась к стене и закрыла глаза.

«Господи, значит, жива, значит, еще успею закончить все свои дела. В Полтаву поеду, на родину к себе, тянет меня туда, Николай Васильевич, тянет...» — катились ее уставшие мысли к нему, своему спасителю...

Х а р ь к о в

Сергей МАНУКЯН**С миром на «ты»****КИТЫ**

Киты голубые, выдуманные очень давно,
 И сегодня, тяжелые и очень живые,
 И монстры, выдуманные недавно тобою —
 Живут под кроватью без прописки, порою.
 «Южный крест» висит-освещает дорогу китам
 Над головами.
 В комнате ночью тебя атакуют монстры-спамы —
 Топчи их ногами.

Если завтра (похоже) исчезнет последний кит,
 Набитый пластиком и капроном-сетями,
 В нашей галактике остынет еще один скит.
 Сегодня мы, сапиенс, выбираем между сетями.
 Марк Цукерберг выбрал музу с Вьетнама,
 У Дж. Леннона была японка:
 Восток — это тонко.
 Стив Джобс — след армянский,
 От яблока срезается ломтика кромка.
 Любовь-нелюбовь, музыка — цифра от громко
 До последнего спама, нежного шума и гама.

Разум сверху иль в нас расставляет новые сети.
 Уже устарели истории про Уфо и Йети.
 Мы с опаской смотрим на бумажные книги
 (настоящие книги — не сенсор).
 Не опоздать бы сбросить в костер,
 Ведь вериги?
 Растет градус — на нас наступает пустыня,
 Вытягивай карту — первый плод будет дыня
 По Кельвину, Цельсию иль Фаренгейту.
 Сны ужасов снятся не только Б. Гейтсу.

И про книги и градус, черт побери,
 Писал, упреждал же Рей Брэдбери.
 Про прогрессы в «железе» и пустые капища,
 Минусы компов, в характерной манере
 Выдал точно и прочно академик Капица.
 Их теперь нет. Телевизор тупит,
 Беспокойная Джолли и славный Бред Пит

Наступают, пугают троичные коды.
 Беспокоят, мельчают генотипы и фонды,
 Холодные цифры и мрачный декор.
 В США рассчитали новый забор.

Головное железо на период отстало.
 Мозг вошел в ступор, ведь не из стали.
 Век назад насморк лечили семь дней
 А сегодня пройдет за неделю. Попали.
 Магнитные рельсы, ионные соты,
 Коллайдер в разгоне, фидеров дроты.
 Не убавилось дел и теперь у сексотов.
 К. Маркс гремит громом даже Оттуда,
 «Капитал» застрял комом, каждой книгой и томом.
 Мировые финансы — фейк, ниоткуда.
 (90 процентов признал форум в Давосе,
 Неравенство, голод, неразбериха.
 Элита шуршит, четверть мира в поносе)
 Уолл-стрит фабрикует количество мотов,
 История Глобал — новых гадов и готов.

Давно уж в Европе нет жилища у волка,
 Минус кирхи, костелы — проблемы божьего толка.
 Крепчает сапиенс. Старый бог не указ:
 Жизнь по кодам, в Сети, смартфон под заказ.
 Тревожно открыться, комфортно под маской
 Умиляться и прыгать от счастья по Маску.
 Надев рюкзачок, оставив предков и дом,
 Не повинуюсь завету — Христу,
 Поев изомеров, вознесенный тату,
 Появляется в мире рассерженный гном.
 Потребляющий и выбрасывающий в год миллионы тонн
 не растворяемого в земной среде пластика, играющий с атомом,
 уже не верящий в свой интеллект, поэтому ожидающий в экстазе
 грядущего наступления искусственного.
 Поиски смысла остались в XX-ом.
 Закат на Европу?
 Может, рассветы иные
 с накатом пускаются на просторы земные?

Одиночеством и тоской переполненные люди, вооруженные
 «облачными» технологиями и напуганные аутсорсингом,
 в поисках надежного коучинга, бродят в лабиринтах виртуальных
 задач и свершений.
 Может, нить Ариадны, ключи от решений
 Укажут киты, что плывут в океане
 Тяжелыми дохами — ритм и фонтаны.
 Чуть смеясь, безмятежно надеясь, как дети,
 На продолжение жизни на синей планете

С МИРОМ НА «ТЫ»

СМИ строчат лентой:
 Ирина Б. замечена новым браком,
 НАТО распознано новый атом.
 Смирно выстроился экипаж
 Натасканный,
 На палубе — ажиотаж.
 Натовский адмирал проводит последний инструктаж,

Крейсер направляется в Смирну.
 Рейс пока мирный в Бирму.
 По пути караван посетит
 Святые места:
 Две тысячи лет назад здесь недалеко
 Волхвы, освещенные звездой,
 Посетили пещеру с младенцем Христом
 и оставили золото, ладанку и смирну.

С миром на «ты» обращаться непросто,
 Музыка слушать и понимать — проще.
 Как сходить в гости,
 Как на скорости в сто
 Остановиться у знака «стоп».
 Игра в кости.
 Новые новости (благие ли вести?);
 Ученые нашли петлю времени,
 Теперь можно заглянуть в суть пространства и темени.
 500 лет назад бакалавр ученый в окрестностях Болоньи
 В темноватой аптеке
 трет мак в плошке керамической
 В поисках лекарства от страха, для покоя
 От греха и убивающего рака.
 То же время, другое место, южные степи.
 Праздник — след языческий. Макогон.
 Опять ступа и пестик.
 Масло набирается в жбан.
 У кого больше, тот — пан.
 Зерна черные на бублики и ковриги,
 Осушаются бутылки и кухли,
 спотыкаются о пороги ноги.
 Остановилось время на миг и скакнуло.

Сегодняшнее племя.
 Маковая соломка. Такое же молочко.
 Но другие сны. Новая морфология.
 Инфляция, эмансипация.
 Другая фармация.

СМИ. Новости. «Телеграф»:
 Эсминцы застряли в океане, в огне.
 Звезда шоу оказалась в го*не.
 Копперфильд под нажимом судьбы раскрыл секрет:
 Человек на сцене исчезает в миг.
 Бред? Нет!
 Чистая механика и правильный свет.
 Лучший «Гамлет» поставлен в кукольном театре.
 Номинация на Нобеля! Почему бы и нет?
 (Шекспир не против, нате сонет!)
 Миграция новая: Исландия-Йорк.
 Не верит в эльфов уже и Бьорк.

От такого всякого тянет на музыку сольную,
 И даже — с болью.
 Иногда совсем тихую, чуть слышную.
 Рубиновый камень с морской солью.
 О чем эта музыка?

Не о войне. Где:
 На таран идут самолеты,
 На танках ревут моторы,
 На тачках курят пленные,
 На табак не богатые.
 Молчат убитые.
 — О жизни на земле...
 Натасканных с сада листьев курится дым.
 За домиком — лесная чаща.
 В доме открыты окна с сине-белыми занавесками.
 На широком экране бежит с счастливым лицом
 В легком белом платье Наташа Ростова.
 Неважно, в чьем исполнении, равно своя
 Одри Хепберн или Мила Савельева.
 На столе — самовар рядом с сиренью,
 Чашки с чаем, мед и пирог с маком,
 Четыре стула. У стены — пианино. Партитура.
 Смирились со своим счастьем.
 В ладу с миром.
 Вдали чуть слышно гудит паром.
 Простые вещи даются даром.

КРАСНО-СИНЕЕ

Красная совесть.
 Синяя память.
 Белая зависть.
 Черная кость.
 Где же тот гиперболоид,
 Который расплавит железную трость?

Желтое солнце.
 Зеленые травы.
 Жухлый листочек.
 Серые нравы.
 Откуда же дунет порывистый ветер,
 Который наполнит оранжевый парус?

Ночь опустилась,
 Голубеньким пахнет.
 Луна одиноко бледно кукует.
 В фиолетовом свете звуки затихли,
 Только кузнечик свое счастье куёт
 В серенькой тиши.

Спят как убитые,
 Но недобитые,
 Красная совесть,
 Синяя память,
 Белая зависть.

ЧЕРНО-БЕЛАЯ ФОТОГРАФИЯ

Простая фотокарточка в свете,
 Черно-белая,
 На ней — дети.
 Целых трое, и вишня спелая над головою.

А может, не вишня, и вообще,
 Ошибочка вышла.
 Если присмотреться, одна из них — мама.
 Такая молоденькая, вы не поверите,
 Классная дама.

Но не совсем Дама,
 Но классная точно, и музыкальная.
 Улыбка, ямочки на щечках.
 Солнечные зайчики нас и смутили,
 На пару лет отложили
 Поездку до Роттердама.

Поближе — мальчик с пальчик
 Наверное, собирает Марки,
 Девочка — Аленький цветочек,
 Клубочек в платице марком.
 Мама — посередине, присела пчелкой,
 Веселая, та самая челка.

Вроде бы ничего великого.
 Ну что тут знаменитого?
 Просто солнечный круг, небо вокруг,
 Мальчик и девочка,
 Как на детской картинке,
 И мама — посерединке.

НЕОБЫЧНЫЙ КОНЦЕРТ

*На краю плодородной земли
 Сталкеры гибли,
 Комбайны секли!*

Пока расставляли пюпитров пасьянс,
 Из дома подался маленький Ганс.
 Стучат из-под клавиш детские дзен.
 Тенью мелькает картинка Бизе.

Ганс шмыгнул за великом
 В старый гараж.
 Прощай же на веки,
 Мамаша Кураж.
 Выкатил велик на бургерский бан,
 Закинул за спину жестяной барабан.
 «Духовные» встали. Отставлена «медь».
 Внуки шалмея токуются впредь.

Кураж не последнее дело, не гость.
Гобой пищит «Фа», волнуется трость.
Новые ноты: звуки «Дождь» или «Гром».
Кларнет пригублённый поет в уни-хром.

Черные дудки доводят до ЛЯ.
Еще не конец: чернее рояль.
Крышка открыта: нет ноты на Лю!
Но тонкие пальцы выводят «Лю-б-Лю»

Блеск звуков,
Ирония мысли,
Ноты лукавят,
Композиторы смыслят.
Витают над залом какой-то божок.
Под занавес плачет английский рожок.
Грусть иль радуемся — все же ничья.
Нам остается журчанье ручья.

Испания — Нидерланды

Елена ДАНЧЕНКО

КАК Я УПРАЖНЯЛСЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

(рассказ голландского геолога)

— Вы хотите услышать что-нибудь про мои поездки в Китай? Хотите, чтобы я поделился самыми яркими впечатлениями? Ну, вот вам, слушайте.

В начале восьмидесятых годы прошлого века, вместе с коллегами из института Геологии и минеральных ресурсов Циндао, сподобился я проводить исследования в дельте Жёлтой реки. Циндао — это город на востоке провинции Шаньдун, находится на берегу Жёлтого моря. Речные отложения — в геологии они называются депозиты — были уже прилично изучены нами по почвенным разрезам — стенам многометровой высоты в огромных канавах, вырытых для нового портового комплекса. В Голландии такие канавы называются слотами.

Однажды мне нужно было пройти от одного слота к другому, примерно километр. На дворе стоял апрель. Не могу сказать, что было очень жарко — в этой провинции Китая температура в апреле пятнадцать, максимум двадцать градусов. Вокруг будущего порта раскинулась пустыня: ни деревца, ни цветочка, ни пенёчка. Только какие-то редкие чахлые кустики на растрескавшейся почве. На бурой сухой, пыльной земле под синим небом — незначительная и неприметная растительность и больше ничего. Простор: ни горизонта не видно, ни цивилизации. Солнце печёт нешуточно, а я шёл без кепки.

Шёл я, значит, шёл, как вдруг услышал позади себя звук поскрипывающих колес, сначала еле различимый, потом явный. Обернулся и увидел двух волов, запряжённых в повозку, а на повозке немолодого погонщика-китайца. Китаец жестом любезно предложил меня подвезти.

Я не стал отказываться, к тому же, у меня появилась живая перспектива поупражняться в китайском языке: коллеги-геологи говорили со мной на английском, «в люди» выходить времени не было — мы трудились в поле с утра до ночи. В поле и ели, ланчи и обеды нам привозили. А я китайский язык немного учил в Утрехте, перед поездкой — по телевизионной передаче «Нихао», что значит по-китайски «Ты — хороший». Этим выражением китайцы начинают знакомство, это что-то вроде нашего «Привет!». Телевизионный курс вела симпатичная китайячка и я учился в основном благодаря ее обаянию и внешним данным. Но моего начального, вернее сказать, почти никакого, курса было недостаточно, чтобы хорошо говорить по-китайски. Поприветствовав погонщика, я сел на повозку возле него. Погонщик ответил таким же приветствием. Надо было что-то говорить дальше, чтобы показать ему свое расположение. Во всех странах мира принято спрашивать о детях, если хочешь высказать симпатию к незнакомцу, поэтому я продолжил вопросом: «Ни йо дуошао хайци?», что значит: «Сколько у Вас детей?». На это китаец ответил мне, что у него один ребенок. Я знал тогдашнюю политику Китая и ответил с энтузиазмом: «Йеге хайцэ хао, лианге пухау», что значит: «Один ребенок хорошо, двух — нельзя». Высказанный мной стандартный китайских лозунг тех лет привел китайца в волнение, тот начал что-то эмоционально и быстро лопотать, чего я совсем не понял. Мое непонимание не ускользнуло от внимания моего воловьего таксиста и он спросил меня, откуда я родом.

— Хэ-лан, — ответил я, что означало: «Голландия». Интересно, что название моей страны китайцы придумали изображать двумя иероглифами: первый обозначает реку, а второй — цветок. В комбинации получается очень красиво: «речной цветок». Иерогли-

фы подбирали по звучанию — «Хэлан» звучит похоже на Холланд, — и по зрительным ассоциациям: моя родина — страна рек и цветов, замечу в скобках, не всегда речных, но кувшинки и в голландских реках водятся.

Погонщик же услышал слово «Хэнань» — так называется провинция в центральной части Китая, гораздо западнее Циндао. Надо сказать, что в Китае разные языки и диалекты — страна большая. Но иероглифы везде примерно одинаковые и погонщик, остановив волов, начал для меня рисовать на клочке бумаги слова, предположив, что я не понимаю циндаоский диалект. Я был загорелый, с бородой, и погонщик волов не понял, кто я, будучи уверенным, что я из Хэнаня. В то время обычные китайцы-селяне не имели в домах телевизоров и не путешествовали даже по своей стране. Они понятия не имели, как выглядят люди в другом регионе Китая. Но я не смог прочитать китайскую грамоту! А ведь все дети в стране учатся читать и писать сызмала. Погонщик пришел в ужас. Он пригляделся ко мне повнимательнее и понял, что я не совсем китаец: борода рыжая, глаза серо-голубые. Разочарованию его не было предела: он распинался перед каким-то «янг гвайдзе» — иностранцем, а иностранец не знал даже китайских иероглифов. Его уважение ко мне полностью испарилось, когда мы приблизились к слоту и я спрыгнул с волов, сказав китайцу на прощание: «Тцай джен» — до свидания. Погонщик даже не кивнул мне на прощание.

ДОМ

Из больницы меня выписали в конце мая, а первого июня мы с мужем поехали в Альпы, на ежегодные полевые работы со студентами. Поехали, хотя мои врачи были решительно против. После операции я ходила с трудом.

Еще в апреле, когда я лежала в больнице, моя мама, с которой я постоянно нахожусь на телефонной связи, окольными путями давала понять, что в Орше не всё в порядке. До конца так и не поняла, что же именно там произошло. Мама недоговаривала.

Моей полуслепой маме 93 года, она живёт одна. Последние полтора года у неё есть приходящая помощница по хозяйству. Нашла я её по объявлению, которое дала в феврале 2015 года. Летом 2016 года, после полугода деятельности нашей сорокаторехлетней девушки, всё было более-менее в порядке. Год назад я приезжала в Оршу и убедилась, что с ней можно иметь дело. За год мамина помощница рассталась с мужем, запила, а вдобавок, ещё и загуляла. И у неё это стало так хорошо получаться, что она, приходя к маме раз в неделю (вообще-то, заключенный между нами договор предусматривал ежедневные приходы на четыре часа с одним выходным в неделю), закуривала сигарету и за чашкой мамино кофе рассказывала о своих похождениях, которые она догадалась еще и на коммерческую основу поставить. Мама терпеливо слушала. Деваться было некуда — родная дочь болела далеко за границей. Иногда помощница приводила своих кавалеров-клиентов к нам в дом. Нет, вы не подумайте ничего такого — они просто сидели на нашей кухне и разговаривали. Мама их выгоняла, но они продолжали сидеть. Молча и мирно. А иногда даже улыбались и мама, сквозь пелену на глаукомных глазах, смутно видела их зубы.

Зарплату, впрочем, помощница исправно получала ту же самую. От городского собеса и от меня.

Из-за операции и оздоровительной поездки в Альпы я запланировала приехать в Оршу в июле. В июле не получилось. Врачи заставили меня обследоваться еще раз, а муж посадил под домашний арест ещё на месяц. Наверное, он был прав. Вообще-то, когда СОЭ 124, а не 30, не смешно уже никому. Обследовали меня не торопясь, нехотя, экономя слова при объяснениях и даже на компьютерную томографию не отправили. После пяти анализов крови (а каждый биохимический анализ — это по пять больших пробирок) мои вампиры развели руками и сказали, что не понимают, почему СОЭ такое высокое, отняв у меня и беспомощной матери еще месяц. И вот тогда я резко развернулась и полетела в Минск.

Взяла такси в Смолевичи. Из Смолевичей на поезде приехала в Оршу. Случилось это второго августа. От слабости шатало. Приехала в мамин дом и... в глазах потемнело. Шла по мусору, по чёрному от грязи дому — жить и дышать в таком невозможно. В холодильнике оказалась торичеллиева пустота, что и следовало ожидать. Мама сидела голодная и несколько недель немытая, потому что помощница запила в аккурат перед моим приездом. Положение несколько поправил мой сын и мамин внук, приехавший в тот же день из Москвы на полтора дня — бабушку навестить. Он успел встретить мой поезд, вынес неподъемный чемодан с подарками из вагона, нанял такси. Сбегал в магазин, накупил продуктов, чая, соков.

Вместо общения с сыном и мамой в первый день я три часа драила унитаз и ванную комнату: туда нельзя было зайти. Санузел отмыла, но сын уехал.

На следующий день вымыла в трёх водах маму, проветрила и поменяла ей постель. Начала кормить её как следует: суп и второе. В тот же день уволила помощницу, которая до сих пор почему-то не появилась в собесе за трудовой книжкой. Начала через знакомых искать новую. А потом... потом нашла в оршанском блокноте нужные телефоны — уборщиц, ремонтников, строителей. Самой убирать и ремонтировать усадьбу сил не было...

И понеслось...

В доме выходила из строя одна система за другой. Починив одну из них, я собиралась на вокзал за билетом в Москву, где у меня скопились неотложные дела, но лишь заносила ногу за порог, как ломалась следующая система. Сгнивший водопровод погнал меня на Водоканал — оформить заказ на работы. Бригада работала неделю. Рыли траншею на нашем непаханом годами огороде — 1,80 метра глубиной и 8 метров длиной: делали обводку. Сгнивший под полом водопровод, рискующий взвиться фонтаном прямо в маминой спальне, отключили. Бригада работала так споро и хорошо, что я, помимо оплаты счета, одарила её бонусом — раздала по бутылке молдавского вина и протянула сумку самых крупных и спелых яблок из нашего сада — закусить.

Сделала шаг в сторону вокзала. Но тут выяснилось, что вышла из строя канализация. И восходит солнце и заходит оно же. И наступило время сантехника. Сантехник пришёл, починил, и починил на совесть. Правда, в процессе работ он самостийно взял паузу на несколько дней, не предупредив. Он знал, что мне надо срочно уезжать, но в Орше время течет как клей из тубика. Это ж вам не Москва какая-нибудь. И даже не Минск. Лаги под полом в ванной успели сгнить за непонятно какой период времени и в этом никакой сантехник не виноват... Ремонт можно делать лишь изнутри ванной, подняв кафель на полу, а уничтожать его не хотелось. Положение у нас, как мне объяснили — «пятьдесят на пятьдесят». Надеемся, что мама не провалится вместе с ванной в подпол. И я снова осторожно посмотрела в окно, в сторону вокзала. Не тут-то было! В Орше похолодало и чтобы включить отопление, вызвали газовиков, которые моментально узрели трещину на трубе на крыше, в которую вмонтированы трубы от газового котла... Оставлять мать с треснутой трубой и риском отключения отопительной системы невозможно. Выручил, как всегда, наш знакомый Иван, строитель-золотые руки. Ваню я и мама носим на руках, балуем, предлагаем пообедать, попить хотя бы чаю, когда удастся нашего дорогого мастера заполучить. Потому что он не только золотые руки, а еще и человек хороший. Входит в положение. За день сам купил цемент, влез на крышу и обмазал трубу. Сказал, что штукатурка послужит индикатором — если трещина начнет расти, надо будет ехать и строить трубу заново.

Я боялась смотреть в сторону вокзала, смотрела в другую, так, в превентивных целях, а ведь в Москву попасть тоже когда-нибудь надо. За ремонтами пропустила день рождения внука. Люди, ожидающие меня в Москве, обиделись. Сын не понял.

Дом мстил за год отсутствия и ему было всё равно, что произошло за это время со мной и мамой. Ему было всё равно, что я кручусь целыми днями: готовлю, убираю, мою, ухаживаю за мамой, устраивая её дела, вожу к врачам её и себя, сдаю анализы крови и прохожу следующую серию из бесконечного сериала медицинских обследований, ищу новую помощницу, уже по рекомендации, и снова, слава Богу, нахожу. Ему было всё равно, что еще одна бригада неделю вырубала — нет, не белорусские, а какие-то амазонские джунгли в его саду и ему стало легче дышать. Что и я там работаю, под фруктовыми деревьями... Дом капризничал, скандалил, кричал, что не может боль-

ше стоять без хозяйки, что ему нужен уход! Я понимала, что дом тоже человек, гладила его по ощерившимся от муки заброшенности и одиночества кирпичам и объясняла, что не могу дать ему больше, чем могу. Он плакал. Плакала и я, обняв его за угол, сидя на отвалившемся куске полого внутри фундамента. Листья ландышей под яблоней пожухли, примятые башмаками бригады по уборке сада.

После истории с трубой взяла сама себя за шиворот и заставила поехать к билетным кассам, иначе дело моё будет совсем уж труба и я останусь в Орше навсегда, как в городе Зеро. Дрожащими руками взяла билет в Москву, заплатила.

В самый последний день в доме перегорело электричество... но я уже привыкла к забастовкам маминого жилища. Электрик пришел по первому моему зову и сделал обводку (самое употребительное мной слово тем горячим белорусским летом), пообещав, что придет в следующую среду — уже без меня в доме — и доделает работу поцивильнее — закрепит провод на стене. Электрик оказался классным парнем. Он ехал в лес по грибы, но в машине у него был провод, и он не поленился и заехал к нам. Пришел с товарищем, который стоял рядом с ним и моей мамой, лежащей на постели, и шутил. А я уже не могла улыбаться, с билетом в сумке на ночной поезд. Мама пела электрикам песни на французском языке. Подарила им плитку шоколада. Я тоже оказалась на высоте: заплатила за провод, работу и отдала свою последнюю бутылку молдавского вина с символической этикеткой «Бон Вояж». Мы расстались друзьями. Господи, приведи их снова в наш дом, чтобы они проводку доделали, чтобы мама не споткнулась о провода! Я же их первый раз в жизни видела. А вдруг придут вовремя?..

В тот же самый последний день выяснилось, что мамин «Атлант» не холодит. В Москве у меня тоже стоит «Атлант». Они хорошие, наши белорусские холодильники, и морозильники в них работают исправно. А вот холодильная часть быстро выходит из строя. Надо снимать заднюю панель и менять маленькую такую штучку. Одну. И за это платить три тысячи российских рублей. Это в Москве. В Орше, наверное, поменьше, потому что завод-изготовитель поближе и расценки несколько другие.

У мамы теперь хорошая помощница. По рекомендации, непьющая. Надеюсь, без меня она найдёт мастера по холодильникам и организует ремонт.

Верю, что телевизор в ближайшие дни не сломается, и крыша не потечет — ее мы перекрыли два года назад.

Издательство Такое-то

Здравствуй, дорогой мой фэйсбук. Вот пишу тебе, а слезы в глазах давно высохли. Все равно пишу. К кому же мне еще воззвать, кому еще пожаловаться, кому рассказать эту историю, как не тебе? Это все равно, что пожаловаться самой себе, ну, может быть, еще и моему дорогому читателю, которого ты мне подарил... Спасибо тебе, дружище, спасибо, родимый. Знаю, что ты, единственный на свете фэйсбук, меня не осудишь и поймешь — человек вообще (а я такая, как все) склонен к жалобам, если с ним без причины плохо обходятся. Вот плохо, несправедливо и, главное, непонятно — почему и за что. К осуждающим меня заранее — убедительная просьба пройти мимо и не комментировать, все равно не заплачу.

Однажды я скомпоновала книгу. Там было всего два постоянно действующих персонажа: Янрик и я, остальные менялись в зависимости от наших перемещений и много места в рукописи не занимали. Книга состояла из очерков-впечатлений и некоторого количества рассказов не о путешествиях. Те, кто меня знает, в курсе того, что на протяжении многих лет мы вели цыганский образ жизни, только вместо кибитки у нас была малолитражка по имени Ситроен Два. На фотографии можно увидеть ее близняшку, а нашу замарашку не фотографирую, потому что наша не успела умыться и причесаться, чтобы людям в приличном виде показаться. Сообщаю, что она жива-здорова и передает вам всем приветы.

Ну вот. Ездили мы, значит, галопом по Европам, иногда нас заносило самолетами в экзотические страны (там мы брали машины напрокат). И я писала, мне хотелось поделиться тем, что я видела, а именно: красотой мира.

Книженцию свою предлагала наобум разным издательствам, безо всякого блага, стрелок и собираемой информации о редакторах. Наивная потому что была.

И вот 1 октября 2019 года прямо в дороге, прямо в машине, получаю письмо от некоего редактора из одного небезызвестного издательства, называть которое не буду, потому что ты, мой ненаглядный, проницательный и умный читатель, его хорошо знаешь. Имени редактора называть не буду, можно обозначить его Иксом. Или Игреком. Икс — это 24-я буква латинского алфавита, а Игрек — 25-я. На всякий случай обозначаю редактора цифрами 24-25. Ну а что здесь такого, в нашу-то эпоху тотальной цифровизации и виртуализации?

Итак, получаю я милейшее письмо следующего содержания:

«Уважаемая Елена, здравствуйте!

Меня зовут 24-25, я — редактор издательства такого-то. Во-первых, хочу искренне извиниться перед Вами из-за столь долгого нашего молчания. Во-вторых, поговорить о книге. На мой взгляд, в Вашей рукописи содержатся идеи нескольких книг, из-за чего утрачивается целостность или, если угодно, фокус рассмотрения. Вы захватываете несколько интересных сюжетов, которые, в итоге, переполняют книгу. Я подумал, что из всего множества сюжетов для серии о путешествиях нам было бы интересно выбрать именно «номадическую» линию, линию русской путешественницы, живущей вдали от родины. Но это бы потребовало пристальной доработки: исключения и переработки ряда фрагментов и привлечения новых глав (если таковые есть). Согласились бы Вы на концептуальную переработку книги?

с уважением, 24-25»

Я, разумеется, с энтузиазмом согласилась на переработку книги. Выбрала только очерки о путешествиях и скомпоновала новую книгу.

16 октября 2019 года пришло следующее письмо:

«Елена, здравствуйте!

Простите, что пропал, сильно заболел. Но теперь возобновляем переговоры. В ближайшие дни я Вам напишу подробно, а пока хочу спросить — есть ли у Вас еще какие-нибудь географические главы или фрагменты?

с уважением, 24-25»

Заметим в скобках, что эпидемии ковида тогда еще не было. Далее последовал ряд моих писем редактору. Их было не шибко много, потому что редакторы, сами знаете, народ нервный, занятый и беспокоить их нельзя, иначе могут обвинить в корреспондентском терроризме, а это — не дай Бог!

Наконец, приходит очередное письмо от 26 ноября 2019 года:

«Дорогая Елена, здравствуйте!

Я ответил Вам уже довольно давно, но, как вчера выяснилось, ошибся в написании адреса. Бывает же такое...

Спасибо, что прислали новый фрагмент. Я работаю/думаю, как можно удачнее решить композицию будущего издания. Думаю, к началу декабря пришлю Вам первый примерный план книги. Быстрее не получается, так как периодически отвлекаюсь на другие проекты... но у нас еще есть время, я поставил Вашу книгу в план на 2020 год.

Искренне желаю Вам здоровья.

Ваш 24-25»

Далее, после моих крайне редких вопросов о книге (я же все-таки автор бывалый, меру вопросам знаю) прилетело письмо от 21 мая 2020 года:

«Дорогая Елена, здравствуйте.

Прошу прощения за молчание. Не волнуйтесь, все наши договоренности в силе.

Из-за вирусных и экономических пертурбаций нам пришлось сократить издательский план на этот год: вернее, разнести его на два года. По всей видимости, Ваша книга переносится на вторую половину 2021 года. Приемлемо ли это для Вас? Я работаю над редактурой (как я и писал, довольно значительной) Вашей книги (довольно часто отвлекаясь на текучку, к сожалению) и в июле пришлю Вам первую версию редактуры. Меня заинтересовали тексты (далее шло перечисление текстов). Быть может, у Вас есть еще подобные 2-3 текста?

Берегите себя.

с уважением, 24-25»

Дополнительные материалы редактору присылала, писала, волновалась, с ума сходила: понравятся-не понравятся? Предлагала написать еще, благо материал имеется.

Вся эта болтовня, понятное дело, ничем не закончилось, потому что ничем не началась. Когда я связывалась по телефону с милейшей заместительницей главреда издательства Такого-то, она меня мило, очень человечно успокаивала приятным голосом и говорила, что книга никак не может вылететь из плана, потому что редактор 24-25 ее в план поставил.

Все это время я наблюдала, как неупомянутое мной издательство Такое-то выпускает подобные книги — с очерками о путешествиях, но, разумеется, не мою книгу. Ну, кто я, в принципе, такая? Меня никто особенно не знает, тусоваться возможности нет, живу не в России и даже за границей нахожусь вдалеке от центров культуры, нерасторопна, да еще и болею, вот какая незадача-то.

Последнее письмо от замглавреда пришло 14 сентября уже этого, 2021 года, разумеется, после моего отчаянного уже запроса:

«Елена, здравствуйте!

Прекрасно понимаю Ваше возмущение, но о причинах такого поведения 24-25, к сожалению, ничего не могу сказать. Во-первых, большинство сотрудников издательства продолжают работать дистанционно (в том числе редакторы серий). Во-вторых, и это главное, 24-25 отчитывается о своих планах/решениях и проч. ...(тут прозвучало громкое имя весьма уважаемой женщины, владелицы издательства), но никак не мне. Я стараюсь связаться с 24-25 (он также далеко не всегда отвечает на мои письма и звонки) и выяснить ситуацию с Вашей книгой.

Всего доброго, Имярек (замглавред)»

Тогда я попробовала зайти с тылу, чего сильно не люблю и всячески избегаю всю жизнь. Нашёлся добрый человек, который знает лично владелицу неупомянутого издательства и попросила его написать письмо ей, владелице. Добрый человек написал.

Случилось очевидное-невероятное. Сегодня (уже почти вчера) пришла прелестная грамотка следующего содержания от, не поверите, редактора 24-25.

«Дорогая Елена, здравствуйте!

К сожалению, концепция серии о путешествиях претерпела серьезные (кардинальные) изменения и я исключил Вашу книгу из издательского плана. Мне очень жаль, что так получилось, я виноват перед Вами. Тем не менее, уверен, что у Вашей будущей книги будет хорошая судьба.

Еще раз простите.

с уважением, 24-25».

Да уж... счастье-то какое, прям невероятное! Доброму человеку, написавшему письмо владелице не издавшего мою книгу и водившего меня за нос два года издательства (не она же лично водила, в конце концов, там целая гоп-компания работает), я сообщила об отбое.

Говорят, из спасиба шубы не сошьешь. Из уверенности в будущем моей книги, сначала включенной в план, потом, через ДВА ГОДА, выкинутой на улицу вежливыми словами, тоже не сошьешь — ни шубы, ни обложки, ни книжки.

И вообще, не нужны они, вежливые слова вежливых обманщиков. Грош им цена, если они не подтверждаются делом. А еще меньше гроша эти слова стоят, когда, наоборот, веско подтверждаются — обманом и играми-шутками. Заберите их себе, воспитанные и вежливые, и играйте друг с другом на здоровье. Отойдите, пожалуйста, будьте так любезны, от меня, сытой по горло обещаниями и словами, они хороши только в книгах, которые ими пишутся. И — Бог вам всем судия.

ОКСИД ГРАФИТА

Мы сидим на пляже на складных стульях и жмуримся от удовольствия. Сегодня море особенно чистое. Прозрачное. В четыре часа дня золотые переливчатые нити в зеленоватой воде похожи на большие медовые соты, только соты не колеблются, а нити в воде дрожат и свободно плавают между бликами спелого дневного света. От зрелища невозможно оторваться: зеленоватая прозрачная вода и геометрически правильный, но искривленный живой линзой воды и постоянно извивающийся золотой узор, образуемый солнцем, завораживают.

Все-таки отрываю глаза от моря, потому что вижу краем глаза: к нам на большой скорости движется пара: мужчина и женщина. Мужчина идет спокойным размеренным шагом, а женщина, опережая его, летит, восклицая на нидерландском языке:

— Как приятно встретить соотечественников на испанском побережье!

Пара движется от парковки, на которой стоит наша машина с голландскими номерами. Понятно: они заметили желто-синий номер с буквами NL. Он на самом деле выделяется среди испанских номером на белом фоне.

Господи, как же мне никого не хочется видеть!... Кроме моря, ничего и никого!

Голландка я относительная, но на всякий случай начинаю улыбаться. С трудом, опираясь на палку, поднимаюсь со стула, на который плюхнулась недавно, дабы насладиться редким зрелищем воды, прошитой золотыми нитями...

Худенькая бледная женщина лет примерно семидесяти, с забранными в узел волосами, протягивает ко мне руки и почти обнимает меня за плечи. Не привыкшая к бурной радости к своей скромной особе со стороны голландцев, я теряюсь, не зная что сказать. Янрик тоже поднимается со стула и протягивает руку ее спутнику — высокому мужчине с пышной гривой седых волос и артистической бородой.

Мы познакомились, обменявшись именами. Мефрау* назвалась Ринске, а спутник ее — Хансом. Не успела я объяснить, что я не совсем голландка (акцент все равно выдаст мою неголландскость), как женщина начала горячо тараторить. Она рассказала, что они сбежали из Нидерландов от коррупции. Мои брови невольно поползли вверх, что означало молчаливое: если в Нидерландах коррупция, то что тогда в Африке?

— Вы не знаете, что там делается! Всех подряд заставляют прививаться, а мы не хотим! Вот и сбежали сюда, в Испанию.

Знаю (мы недавно оттуда), но не говорю. А спрашиваю, где они поселились. Выяснилось, что в Уэркаль Овэра. Уэркаль Овэра — городок, находящийся недалеко от нашей деревни, в горах. Довольно живописное местечко, там много зелени и отвлекающих от страшных ковидных мыслей пейзажей... Чуть ли не единственное в наших краях место, где чудесным образом сохранился лес — испанцы не до конца вырубали его в конце шестнадцатого века, когда активно строили флот.

В моей озадаченной голове замелькали мысли: «А как антиваксы голландского разлива пробрались сюда, в Альмерию, без QR-кода? В самолет их вряд ли пустили бы, в поездах проверяют наличие прививки и поездами, с многочисленными пересадками ехать сюда, за две с половиной тысячи километров неудобно, долго и дорого; машиной можно проскочить, но рискованно — на границах могут остановить с проверкой». Уже в июне, зная, что к морю мы поедим в сентябре, Янрик проел мне плешь, ежедневно талдыча, что я немедленно должна пойти в прививочный пункт и сделать укол астрозе-

ники. Если честно, я хотела быть уколотой пфайзером, но моя возрастная группа могла получить в Нидерландах только астрозенику. Угрозами отмены поездки к морю Янрик допиллил меня до того, что я сдалась астрозенике на милость (к пфайзеру, несмотря на мои многократные звонки в голландские медицинские учреждения, меня не допустили, и это отдельный рассказ) и до сих пор жива. И все-таки, как мефрау и менеер** приехали в Испанию?.. Может быть, они приехали с ПЦР-тестом? Все может быть.

Узнав, что я привита дважды, женщина пришла в ужас:

— Вы хоть знаете что содержится в прививке? Там оксид графита (по-нидерландски grafeepoxide)! У вас кровь черная!

— Мефрау, — отвечаю, — у меня только вчера брали кровь из вены. — Показываю исколотые руки в синяках. — Я своими глазами видела: моя кровь красная.

Из моих вен взять кровь на анализ — это вам не пальцами щелкнуть. Это процедура мучительная и для меня и для медсестер. В испанской поликлинике несколько сестер позавчера пытались, и только одной, самой старшей, это удалось. Ежедневно я принимаю две капсулы прадаксы — разжижителя крови, и после аналитической экзекуции мои вены заклеиваются пластырем в нескольких местах, чтобы кровь не текла по рукам понапрасну.

— Вы почитайте, почитайте об оксиде графита в интернете!

Я согласно киваю головой:

— Почитаю обязательно.

— По глазам вашего мужа я вижу, что он не верит в то, что я говорю! Но вы все-таки почитайте в интернете.

Краем глаза слежу за Янриком. Он подбирается, выпрямляется и внутренне отчуждается от незваных собеседников: его серо-голубые глаза цвета Северного моря темнеют совсем незаметно, но я знаю все их оттенки, а также их значения. Спутник мефрау неподвижно и молчаливо стоит, по его одобряющему взгляду на нее видно, что мнение партнёрши — это и его мнение. Я все подмечаю, и тем не менее поступаю по-голландски, а именно смягчаю ситуацию:

— Мефрау, мой муж прислушивается к любой информации, но он по роду занятий — ученый, правда, не биолог, а геолог, а привык любую информацию проверять. Наши смартфоны на пляже не всегда ловят интернет. Вот когда мы придем домой, мы обязательно почитаем в компьютере об оксид графене. Спасибо за то, что предлагаете задуматься о вакцине, это, увы, всех касается.

— Вы в курсе того, что вакцина может привести к тромбозу?!— не унимается мефрау. — К инсульту! К инфаркту!

Янрик делает два шага назад и подбирается еще больше. А мне, как пережившей тромбоз, микроинфаркт и даже легочную эмболию, становится интересно. Я изображаю живейший интерес к теме и начинаю слушать вводную лекцию о «графеноксиде», который, по объяснению Ринске, не что иное, как первый двумерный материал, достигшей стадии коммерческого применения. Его используют, например, для изготовления прозрачных проводящих пленок для мобильных телефонов, в медицинской диагностике, в некоторых лекарствах, в компьютерной промышленности, просто в промышленности для обеззараживания отходов, поступающих в почву. Это самый легкий из твердых материалов и, в принципе, позитивный порошок, с гораздо лучшими очищающими свойствами, чем активированный уголь. Но, содержащийся в антиковидных вакцинах, он, по словам мефрау, увы, наносит вред. Я не отвечаю за достоверность информации, а могу только передать слова пришелицы, взявшей меня в оборот — в этикие информационные тиски.

Оказывается, нас заставляют носить маски, даже если мы вакцинированы (хотя многожды доказано, что её защита от вирусов иллюзорна), потому что маски содержат наночастицы оксида графита, которые мы вдыхаем (в эту галиматью я сразу не поверила и до сих пор не верю).

— Знаете ли вы, почему нас продолжают проверять с помощью ПЦР-теста, несмотря на то, что неоднократно было сказано, что этот тест ненадежен на 95%? (я читала много раз, что примерно пятьдесят на пятьдесят). А вот почему: на кончик тампона нанесен наноразмерный оксид графена, который попадает прямо в мозг. Вы знаете, почему они хотят абсолютно всех отвакцинировать? Потому что содержащийся в РНК-

вакцинах наноразмерный оксид графена превращает вас в ходячую антенну и усилит работу опасных белков (я запомнила только словосочетание «гидрогель Дарпа»). Вы посмотрите, посмотрите в интернете!

...я согласно киваю головой: посмотрю, дескать, уговорили. Но мне, честно говоря, уже надоедает слушать словесные ученые излияния. Мне так хочется вернуться к созерцанию воды, смотреть не море, сколько захочу, и быть совершенно свободной в своем роскошном занятии! Ковидной информации мне и дома хватает: у нас имеется телевизор и компьютер — стоит только нажать на кнопку, как прямо в мозг в изобилии поступает ковидная шелуха, отшелушенная журналистами и (как бы) независимыми экспертами! А я хочу хоть немного поблаженствовать сию минуту, успеть до зимы запастись витаминами позитива!

Меффрау Ринске не понимает:

— Он преобразует электромагнитный сигнал от передатчика, например, мобильного телефона в сигнал, который понимает живая клетка и на который реагирует. Значит, человека можно легко превратить в биоробота. А знаете, почему людей нужно ревакцинировать каждые шесть месяцев против гипотетических новых штаммов?! Для того, чтобы восполнить запас графена, который, вопреки утверждениям некоторых, организм постепенно устраняет!

Забегая вперед, скажу, что в интернете посмотрела и ужаснулась: дапра гидрогель (hydrogeldarpa) — это искусственное вещество, которое создает преобразователь между электромагнитным сигналом и живой клеткой. Значит, при введении антенн мобильных G-5 всем нам копец! Мы превратимся в биороботов, управляемых на дистанции!

Ученая голландка несет и несет, бурный поток информации, в котором я уже не все разбираю от усталости, не иссякает. Янрик уже откровенно не слушает, поворачивается спиной к соотечественникам, неспешно раздевается и идет в воду, оставив меня в качестве заложницы-слушательницы.

Между делом Ринске успевает мне поведать, что у нее рак легких с метастазами и ей совершенно не подходит голландский климат. В этом я ее поддерживаю. Голландский климат не подходит никому, даже самим голландцам, он не годится ни к черту, там вечные дожди и пасмурное небо, а здесь, в Испании, все наоборот — небо вечно голубое, без облаков, много солнца, и море не похоже на Северное. Средиземное море — голубое, зеленоватое, доброе, по-гостеприимному теплое — в нем можно купаться с апреля, иногда с марта и по ноябрь. А в Северном — дай Бог, чтобы с конца июня до, в лучшем случае, начала сентября. Северное море мутное, Средиземное — прозрачное. Северное море всегда холодное, даже в июле и августе, примерно как Средиземное в ноябре. Температура в Средиземном море в ноябре плюс семнадцать-пятнадцать и здоровые люди могут купаться хоть круглый год, а в серой водичке Северного моря столько же градусов может содержаться в июле.

Голландская лекция заканчивается неожиданно. Ринске уносит в сторону от магистральной темы вакцин и ковида, женщина неожиданно переходит к совсем уж страшной теме детского жертвоприношения. Дескать, в Нидерландах развито воровство детей из детских домов и социально неблагополучных семей для культовых жертвоприношений. Типа, их закапывают на кладбищах, а посвященные в ритуальные ужасы люди приносят цветы.

— Куда именно приносят? Те, кто приносит цветы, знают, где именно похоронены дети? — из меня автоматически выскакивает вопрос. По образованию я журналист, при любой нестыковке в рассказе собеседника, я задаю наводящие вопросы.

— Ну не будут же люди перекапывать кладбища! — восклицает Ринске.

Все, тушите, как говорится, свет. Полиция в Нидерландах и кладбище перекопает при исчезновении хотя бы одного ребёнка. Общество все-таки гуманное, несмотря на не совсем гуманную медицинскую систему. Мне отчаянно захотелось сбежать от Ринске. Прямо в одежде — в море. Я оцениваю свои географические позиции: за спиной у меня скала, слева — море, справа — большая вилла, огромное имение, отгороженное забором с закрытой калиткой (хозяева приезжают в сезон, а он давно закончился). Остается тропинка, ведущая к деревне Посо-дель-Эспарто, между скалой и виллой. Или, может быть, пройти по пляжу к автостоянке за спиной Ринске? Значит, надо сказать, что у меня срочная встреча в Посо-дель-Эспарто, потому что обогнуть Ринске и Ханса и

проскочить к стоянке я, может быть, и сумею, но машину завести — вряд ли. Ключи где-то в одежде Янрика, и машину я не вожу. Я набираю воздуха в легкие, чтобы что-нибудь соврать, как — о, Боги! Спасибо, спасибо, родимые! — из воды, отряхиваясь, выходит Янрик, и я могу переключиться, заговорив с ним.

— Ну как водичка? — я не узнаю свой дрожащий голос.

— Отличная! — бодро отвечает муж. Ринске, вероятно, прочитывает мои мысли и одновременно мысли Янрика и начинает его обвинять в ретроградстве. Но Янрик крепок, как скала за нашими спинами. Он отвечает, я уже не помню что, потому что мои ноги стали ватными и в голове шумит отнюдь не море. От слабости я уже падаю... Положение, однако, надо спасти, в конце концов, всякий имеет право на заблуждения, а хамить людям, даже незнакомым, не хочется.

— Ринске, — говорю я, — а есть какое-нибудь лекарство от злой вакцины?

— Купите антиоксидант глутатион. Или цистеин, он способствует синтезу глутатиона, и очистке организма. Зайдите в любую тьенду***, где продаются биодобавки.

Согласно киваю головой, моля богов, чтобы пришельцы куда-нибудь исчезли. И боги меня услышали.

— Спасибо за беседу, Елена (разве это было беседой? Монологом, разве что), — Ринске снова обняла меня и вдруг выдала с выражением нечто странное:

— А вы любите, обязательно любите! — резко повернулась и пошла назад, к стоянке. Ее молчаливый спутник последовал за ней. А я осталась с непроизнесёнными вопросами: а любить-то кого? Или что? Ну, море я люблю, это понятно. Своего сына люблю. Внуков. Янрика люблю. На протяжении монолога Ринске я ни разу не заговорила о любви — как мои сердечные чувства могут помочь человечеству в борьбе с ковидом?!

Села на пляжный стул, призадумавшись. Посмотрела на море. Золотые нити из воды исчезли. Волшебство закончилось.

* Мефрау — обращение к женщине в Нидерландах, «госпожа».

** Менеер — обращение к мужчине, «господин».

*** Тьенда — небольшой магазин в Испании.

Х а р ь к о в

Тата БАРАШКОВА

Одно спасает — любовь

ЛЮДИ — ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

Немного сутулые.
Немного лыдые.
С сеткой морщин под глазами
ходят по улицам взрослые дети.
Вот девочка,
которая хотела
просто играть нарядными куклами.
Учить их в игрушечной школе.
Сидит день за днём она в банке.
Она там директор.
Вот мальчик,
любивший машинки.
Владелец большой компании.
Владелец 5 машинок.
Но на них у мальчика больше нет времени.
Эта взрослая девочка
с синими тенями
каждый день играет в кафе официанткой.
Приходит поздними вечерами домой,
устало снимает влажные туфли.
Давящую резинку на блузе.
Синие тени с век.
Ложится в объятия одеяла.
А что, она, в принципе, так и мечтала.
И только во сне помнит,
что мечтала быть стюардессой.
Носить красивую синюю форму.
Летать через небо в дальние страны.
И мальчик во сне играет в свои машинки.
И девочка в куклы тоже.
И все взрослые дети вспоминают,
ради какой игры появились на свете.

ВСЕЛЕННАЯ СПИТ

Снится ей, что у неё 7,5 миллиардов детей.
И каждый день то война, то карантин.
Иногда выпадают мирные дни.
Каждый верит, что он у Вселенной один.

Беспокойно ворочается Вселенная с бока на бок,
 в это время цунами слизывает сушу,
 в океане вот-вот уйдет на дно миноносец,
 ныряя как поплавок.
 Извергается вулкан,
 посылает человечеству голову пеплом,
 но всё зря, не доходит суть
 и на лицах нет раскаяния.
 Но иногда Вселенной снится,
 что она заново родилась.
 Что заботливые руки пеленают её,
 несут домой, растят.
 Как маленькую девочку, питают молоком,
 учат говорить букву «р»,
 ведут за руку в дивный сад,
 разбитой коленки не стесняясь,
 заботливо вплетают синие банты в смешные косички.
 И за эти сны,
 где можно играть в куклы
 и в классики прыгать,
 Вселенная прощает всё:
 тушит вулкан,
 баюкает океан
 и укрощает ветер.

СЛОЖНО, МАМ

Сложно быть взрослой дочерью.
 Ловить первую седину в ещё пышной пряди.
 Ребёнка за воротник, чтоб не в лужу.
 Откровенные взгляды на облегающем платье.

А помнишь, мам,
 ты ходила со мной на пристань великой реки,
 ты смотрела, как на камеру играют
 эпизод «Жестокого ромansa» молодые актёры
 и нежно заливалась румянцем?
 Как на Новый год и просто так
 приходили в уютный дом гости,
 ты надевала новенькие заграничные джинсы
 и кружилась с бокалом в танце?
 Как не пустила упрямую дочь-подростка
 с Анькой на вечеринку?
 Правильно не пустила.
 В материнском сердце таится странная сила.
 Знает всё наперёд и видит насквозь,
 словно рентген.
 Ты передала дальше,
 и теперь она в моей пульсации вен.

Сложно, мам,
 уговорить тебя заняться здоровьем.
 Пойти уже на эту йогу,
 лечебную физкультуру или на что там ещё.
 Остаётся смотреть, как устало сутулишь плечи.
 Ты сама говорила мне в юности,

что грудь колесом — не спина.
 Стараюсь, конечно,
 но почти невозможно уговорить тебя.

Помнишь, мам,
 над мутными водами быстрой реки кружили чайки?
 А в другом нашем доме, что на Шекспира,
 росли под окнами ровные полосы круглых клёнов.
 Я взяла это всё в свою взрослость.
 Как шифровку об уютном и солнечном детстве,
 где мама с папой — красивые и молодые.
 Я теперь живу в доме на берегу реки
 с мутными водами и белой чайкой.
 Под моим окном выстроились в линию
 круглые шапки клёнов.

Сложно, мам,
 ощущать себя одновременно ребёнком и мамой.
 Говорить детям «бабушка»,
 а сердцем снова видеть тебя девушкой-мамой —
 в модных джинсах,
 с пышными медными волосами,
 в очках с дымчатыми стёклами.
 Держать равновесие дочки-матери, детства-зрелости.

Очень сложно, мам.
 Одно спасает — любовь.

■ ■ ■

Горе качаю движениями плавными,
 костюм собираю в дорогу праздничный.
 Землю руками бросаю влажную,
 к весне подготовленную, в дождях промокшую.
 Песню пою нетвёрдым голосом,
 хор голосов подпевает детский мне.
 Бокал поднимаю уже не за здоровье,
 и за столом больше места нет тебе.
 Горе качает уже меня саму.
 Боль застилает вперёд десятки лет.
 Сердце мое стрелой продырявлено,
 да только рядом второго сердца нет.

ТИТАНИК

В первый день горя ты налетаешь на айсберг.
 Чувствуешь смертельность пробоины,
 но двигатели ещё работают.
 Да, на палубе уже нет танцев.
 Ты бросаешь сигнал «SOS!» близким.
 Суетишься о чем-то, пытаешься заняться делами.

Закидываешь удочку о работе — пахать теперь за двоих.
Второй день двигатели работают,
но трюм уже заполнен.
Огонь в печах шипит и гаснет.
Держишься, но уже непонятно, за что.
На палубе по-разному.
Кто-то сдержанно плачет в салфетку.
Кто-то катается с ором по полу.
Кто-то с каменным лицом и пересохшими веками.
На третий идёшь на дно.
Вода заливает.
Палуба провалена.
Читаешь соболезнования,
открываешь сообщения, отвечаешь.
Но не понимаешь.
Слова, как разорванная пачка риса,
рассыпаются на пол.
Соболезнования.
Но ведь он жив. Или нет?
Пишут по работе.
Но ты уже на цыпочках коснулась дна.
Все расплывается перед глазами.
Крепко вгрызаешься в ил на четвёртый день.
Тут проведёшь остальное время.
Идёшь по квартире и вдруг плачешь.
На ровном месте.
Корчишься, ползёшь к балконной двери.
На коленях стоишь у окна.
За ним то ли весна, то ли зима.
Одним словом, мерзость.
Кажется, тепла уже не будет снаружи
и внутри никогда.
Ешь, пьёшь. Все без вкуса.
Не потому что вирус,
после него это у тебя уже всё вернулось.
А механически. Просто потому что надо.
Скулишь.
Воешь.
Орешь.
Дышишь.
И так по кругу.
Ровно до того момента, когда рядом дети.
Ты теперь опора и центр.
Детям страшно,
потому что опора из тебя сейчас как кисель.
Титаник будет лежать на дне.
Потом его поднимут, рассмотрят, отреставрируют.
Двигатель с глубоким вздохом
заведётся и начнёт работу.
Но однажды на палубу выйдет Он.
Вы ведь мечтали
о кругосветном путешествии на корабле.
Он будет верно ждать часа,
когда вы оба, молодые и счастливые,
снова встретитесь.

МАЛЬЧИШКИ ВЧЕРАШНИЕ

Превратились в седых и утомлённых,
под глазами круги от долгих часов бессонных
и рваного графика.
В разговорах — заказы, клиенты,
бешеный трафик, некогда встретиться...
Разве что на выходных на часик,
где-то между прогулками с алиментными детьми:
— А давай махнём в популярный супермаркет,
накупим там полезной еды,
усыпанной почем зря семенами чиа?
Заговорим, как в юности, на стол поставим пиво,
а потом и нормальную закуску.
И черт с ними, этими семенами,
до чего же они на этих мелких тараканов похожи,
помнишь, бегали у нас по общежитию?
Слушай, у тебя и рожа сейчас, Серёжа,
восемь на семь в обхвате.
А когда-то были тощими оба,
пили дрянное пойло, заедали чем придётся,
на родительские деньги шиковали неделю,
а три остальные подряд занимали.
Помнишь Таньку, жила на одном этаже?
Блондиночка в махровом халате.
Стала модной фифой, женой депутата,
админресурс пустила на диету и пластику, не узнать.
Подошла в клубе недавно,
томным голоском напела,
чтоб сыграли для неё и девчонок
что-то эдакое, чтоб как в юности
до упаду трясти танцпол.
А в глазах вселенская грусть,
хоть стой, хоть падай, хоть вешайся на первом столбе.
Серый, ты помнишь?
Нравилась она тебе, да не сложилось.
Все к лучшему, точно тебе говорю.
Женились, разводились,
по несколько детей в разных гнёздах,
всех и не упомнишь.
Впрочем, что мы с тобой о грустном?
Как-то живём, под жёлтой звездой местечко выбили,
наколядовали, поднакопили «капусту».
Год такой выдался, что не пожелаешь врагу,
из-за него подмывает вспоминать прошлое,
ностальгировать, подвывать на луну.
Но времени нет:
клиенты, кредиты,
воскресный выгул детей, новые жены.
Забей, Серый, забей свежий косячок
и давай отпустим друг другу грехи.
И пусть внешне поизносились,
почти старики, мы с тобой все ещё молоды.

РЕБЕНОК — ЛИШЬ ГОСТЬ В ТВОЕМ ДОМЕ. НАКОРМИ, НАУЧИ И ОТПУСТИ

Роди.
 Держишься руками за край,
 адскую боль отдаёшь правильному дыханию.
 В крик нельзя — теряешь силу.
 Силы надо много.
 Ещё, ещё и ещё разок.
 Наконец, кричишь, тебе вторит другой голос.
 Новая жизнь, которую месяцы носила телом,
 качала бёдрами, баюкала сердцем —
 вот она, отсоединилась.
 Нет физической нити, нет больше пуповины.
 Первая ступень к отсоединению только что пройдена.
 Но ты ещё об этом не думаешь:
 только дышишь, плачешь, смеёшься,
 первый раз берёшь на руки.

Накорми.
 Новый человек ест 12 раз в сутки, 10, 9, 8...
 Первое тертое яблоко.
 Укол в подсознание:
 на миллиметр удлинилась невидимая нить.
 Вот совсем забывает о молоке.
 Смотри, уже ест ложкой.
 Что за дурацкие чипсы в твоих руках?

Научи.
 Учишь не путать день с ночью.
 Не ползти на край кровати.
 Не жевать собаке ухо.

Учишь «ладушкам».
 Надувать мыльные пузыри.
 Дружить.
 Держать кисточку.
 Складывать слова.
 Решать примеры.
 Мириться с любимыми.

Отпусти.
 Вчера ты его родила,
 сегодня это подросток,
 завтра выпускной в институте.
 Тебе остаются сношенные пинетки
 и гигабайты фотографий.
 Чужие младенцы изумляют:
 и со мной это было?
 Новый человек выше тебя на три сантиметра,
 умнее и мудрее на будущее вперёд.
 Любуешься, нервничаешь,
 держишь в руке последние сантиметры невидимой нити.
 Что дальше?
 Быть.
 Равными взрослыми.

Беларусь-Молдова-Россия-Болгария

Игорь ОТЧИК

МАРШ АРТИЛЛЕРИСТОВ

С однокурсником встретились случайно, в метро. Разговорились. Оба никуда не спешили, поэтому поднялись наверх и зашли в какое-то кафе. Как водится, вспомнили общих знакомых, кто где и чем занимается. Потом, под пиво и рыбное ассорти пошли традиционные воспоминания:

— А помнишь военные сборы после четвертого курса? «Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовут Отчизна нас...».

— А наш взвод орал: «Вьется, вьется знамя полковое, командиры впереди. Солдаты, в путь! А для тебя, родная...».

— Да, погоняли нас тогда капитально. До седьмого пота. Помнишь, какое жаркое было лето, в семьдесят пятом?

— Ты что! Асфальт плавился. А мы на плацу, в самую жару, рубим его сапогами. Гимнастерки у всех были в разводах, вечером соляную пыль стряхивали. И назначали строевую в предобеденное время, в самый солнцепек. Специально, что ли?

— А ты как думал! Помнишь полковника Абалмасова? Насчет трудностей. Которые закаляют настоящих мужчин.

Как не помнить! Это был настоящий полковник, бравый вояка полутораметрового роста. Его фуражка с высоко задранной тульей составляла существенную часть молодецкой фигуры. Особенно запомнилось его первое выступление, когда раздолбайская команда старшекурсников прибыла на территорию военного училища и выстроилась перед казармой. Расхаживая перед строем долговязых студентов большими шагами, как это делают низкорослые мужчины, он строгим голосом ставил перед нами учебно-боевую задачу: «Товарищи курсанты! Меня зовут полковник Абалмасов. Мне поручено руководить военными сборами на вашем курсе. С глубоким прискорбием констатирую, что, невзирая на годы обучения на военной кафедре, об армейской службе вы не имеете ни малейшего представления. А большинство из вас к этому вообще непригодны. Тем не менее, перед получением звания офицера запаса, вы должны пройти завершающий курс обучения и успешно сдать государственные экзамены. И мы выполним поставленную перед нами задачу! Чего бы вам это ни стоило. Понятно, что за этот месяц мы не сможем сделать из вас боеспособных защитников Родины. Однако сборы являются хорошим поводом показать вам, как это делают настоящие мужчины. И если для этого окажется недостаточно естественных трудностей, мы создадим вам их искусственно. Напоминаю, что в советской армии действует принцип единоначалия, то есть, беспрекословного подчинения приказам командиров. Этот и другие законы армейской службы доходчиво изложены в воинских уставах, которыми вам в ближайший месяц придется руководствоваться. Независимо от погоды, времени суток и вашего желания. А те из вас, у кого такого желания не возникнет, смогут на практике ознакомиться и с дисциплинарными разделами этих мудрых наставлений. Итак, резюмирую формулировку! То есть, повторяю для тех, до кого не дошло с первого раза: ваша задача: в полном объеме и без эксцессов пройти программу сборов и успешно сдать государственные экзамены. Вопросы есть? Вопросов нет. Желаю успехов в боевой и политической подготовке!».

Эта краткая, содержательная речь несколько пригасила наши улыбки и шутки (в том числе прозвучавшее из второго ряда: «Формулирую резюмировку!»), а также общий разгильдяйский настрой, который обычно складывается в среде молодых балбе-

сов, незанятых конкретным делом. Мы, студенты московского института, со столичным превосходством поглядывали на казавшуюся нам армейски-косной обстановку периферийного военного городка. Особенно умиляли расставленные по территории училища плакаты наглядной агитации с лозунгами вроде знаменитого ленинского «Учиться военному делу настоящим образом!». Однако начиная со следующего дня наше веселье стало убывать. Как оказалось, полковник Абалмасов слов на ветер не бросал, в чем мы скоро убедились на собственной шкуре.

Надо отдать должное нашим командирам, скучать нам не пришлось. Трудностей, естественных и искусственных, оказалось достаточно. Первичные армейские навыки столичным оболтусам прививал майор Султанов, который отвечал за стрелковую, физическую и строевую подготовку. В кратком вступительном слове он напомнил нам о принципе единоначалия: «Правило «я начальник — ты дурак» является незыблемой основой воинской дисциплины. Для ее поддержания у командира имеется достаточно средств, предусмотренных уставом и практикой армейской службы. Которая показывает, что слишком умные и смешливые курсанты проходят курс молодого бойца в усиленном режиме, чего я вам от всей души не желаю». Свои краткие и выразительные выступления майор Султанов завершал фразой: «Ясное дело! Это должен знать каждый!».

И уже первые дни сборов подтвердили его слова. Началось с утреннего подъема. Вскочить, одеться и встать в строй нужно было за сорок пять секунд, пока горит зажженная спичка. Потом отработывали идеальную заправку постелей и бравый внешний вид. Его обеспечивали ежедневная подшивка подворотничков на гимнастёрках, сушка портянок и доведение сапог до зеркального блеска. Сюда же входили навыки обращения к командирам, быстрота построения, слаженная ходьба под строевую песню и уход за стрелковым оружием. Продемонстрировав порядок неполной сборки и разборки автомата Калашникова, из деталей которого у меня в памяти осталось несколько терминов вроде «антапка» и «пенал с принадлежностью», Султанов предложил выполнить эту простую, на первый взгляд, операцию в установленный нормативами срок. Для большинства из нас это оказалось непосильной задачей. Еще более серьезные проблемы вызвала чистка оружия, поскольку здесь в дело вступил субъективный фактор. С каким-то садистским удовольствием майор Султанов снова и снова находил в стволах автоматов видимые только ему одному пятнышки и возвращал их нам со словами: «Говорят, свинья всегда грязь найдет. Но стрелковое оружие должно быть в идеальном состоянии! В боевых условиях от этого зависит жизнь солдата. Это должен знать каждый!».

— Ясное дело!

— А я не могу забыть, как возвращались с плаца, после строевой подготовки. Странное состояние: сверху печет солнце, а мы насквозь мокрые, и ноги чавкают в сапогах от собравшегося в них пота. Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось на сборах, я отвечаю одно слово: «Сапоги!».

— Так оно и есть. В армии без сапог никуда.

Что да, то да. В советской армии царил настоящий культ сапога. Утренняя зарядка, строевая подготовка, полоса препятствий и марш-броски, стрельбы на полигоне и занятия в учебных классах, чистка оружия и подгонка обмундирования, политинформации и походы в столовую, наряды на кухне и уборка территории — все делается в сапогах. Включая легкую атлетику на стадионе и художественную самодеятельность в клубе. Письма любимым тоже пишут не снимая сапог. И в увольнение, за пределы части, военнотрудовой отправляется в начищенных до блеска сапогах. Сапоги не снимаются от подъема до отбоя, с раннего утра и до позднего вечера. Без сапог разрешено только спать и мыться в бане.

— А как за ними ухаживают!

— Ну, это отдельная песня. Настоящие виртуозы из обычных кирзовых сапог делают произведение искусства.

— Я и не представлял, что процессу чистки обуви можно посвящать столько времени, сил и творческой энергии. Помню, в первый же день, Султанов трижды возвращал меня к щетке и ваксе, пока я не устранил все невидимые глазу дефекты на задней части каблуков.

— А наматывание портянок?

— О, это особое искусство!

И осваивать его нам пришлось сквозь кровь, пот и слезы. Правда, вначале к этому важнейшему армейскому навыку отнеслись несерьёзно. Но тот, кто не овладел им с первых же дней, испытал потом адские муки. Сразу после установочной речи полковника Абалмасова нас направили на склад, где выдали пилотки, форму и кирзовые сапоги. Примерка этого выстиранного, бывшего в употреблении обмундировании сопровождалась взрывами здорового бессмысленного ржания. В результате команда приобрела столь комично-бравый вид, что сам Султанов едва не прослезился. С тем же зарядом глуповатого юмора прошли курс обучения наматыванию портянок. Однако уже к вечеру следующего дня кое-кто имел кровавые потертости ног от плохо усвоенного урока, и им было уже не до шуток.

Именно так, через конкретные тактильные ощущения, приходило понимание роли и значения портянок и сапог в воинской службе. Трудно представить себе что-то более неестественное, чем тяжелые кирзовые сапоги в разгар жаркого лета, но нам пришлось иметь это сомнительное удовольствие весь месяц. Впрочем, к концу сборов эта форма обуви уже казалась нам вполне удобной. А каким сладостным был момент прощания с ними! Невозможно передать то чувство освобождения и легкости, которое мы испытали, сменив военную форму на штатскую одежду и обувь. Казалось, взмахни руками — и взлетишь! Вспоминая такие моменты жизни, понимаешь, как мало нужно человеку для счастья. Иногда для этого достаточно переобуться.

— А мне особенно запомнились гимнастические упражнения. В сапогах на брусках — картина маслом! А как сдавали нормативы по физподготовке, помнишь? Майор Султанов принимал. Сначала подтягивались и прыгали через коня. А потом кросс на полторы тысячи метров, по гаревой дорожке стадиона. В тех же кирзачах.

— Ну, это уже в конце сборов было, все уже привыкли...

— Не скажи! В нашем взводе был такой курсант Гандкин. Не помнишь? Ну, не важно. Знатный был сачок. Из всех видов спорта был знаком только с преферансом. Признавался, что больше сотни метров в жизни никогда не бегал. Естественно, до финиша еле добрал. Таких атлетов набралось несколько.

«Придется помочь товарищам», — сказал майор Султанов и назначил дополнительный забег. И мы уже знали, о чем идет речь. На примере настоящих курсантов. К началу наших сборов основной состав военного училища, на базе которого они были организованы, уже выехал в летние лагеря. Но не весь. Однажды, направляясь на занятия, увидели неприятно поразившую нас картину. По дорожке городка мимо нас пробежала группа курсантов, при этом одного из них, бледного, задышающегося, с каким-то полубезумным взглядом, подталкивали в спину, громко матерясь, двое других. Оказалось, что это была пересдача экзамена по физической подготовке. Командир взвода и несколько сильных курсантов заставляли слабака уложиться в норматив, чтобы не портить общую оценку взвода. Когда мы подошли к линии финиша, эти худые, обессиленные пацаны с бледно-зелеными лицами лежали, тяжело дыша, по обочинам дорожки. «А если кто не уложится в норматив?», — спросил кто-то из наших. «Будет бегать, пока не уложится», — спокойно ответил командир. В тот момент мы еще не догадывались, что нам тоже предстоит нечто подобное.

— Ну и как, помогли товарищам?

— Ясное дело! Применили к отстающим проверенный прием. Я лично бежал за Гандкиным и подталкивал его в спину. В общем, кое-как на тройку вытянули. Но тут случилось самое интересное. Курсант Блинов, которому поручили заполнять ведомость, ошибся и поставил Гандкину четверку. Просматривая ведомость перед тем, как утвердить ее своей подписью, Султанов обнаружил ошибку. Блинов признал свою вину и предложил аккуратно исправить оценку. «Да как можно?! Исправить официальный документ?! Это преступление!». «Что же делать?», — спросил пристыженный Блинов. «Довести курсанта Гандкина до четверки!», — приказал Султанов. Надо было видеть в этот момент лицо несчастного Гандкина...

— Ну и как, довели?

— Помню, что его гоняли по стадиону. А выполнил или нет, не знаю. Может, и простил его Султанов.

— А если бы по ошибке поставили пятерку?

- Ну, ты изверг!
- А в нашем взводе все сдали, сразу.
- У меня тоже проблем не было. Для меня самым тяжелым испытанием был караул. Особенно ночное патрулирование. Точнее говоря, предутренние часы, с четырех до шести. Это были два самых мучительных часа в моей жизни. Как я хотел спать! Это было невыносимо. Глаза закрывались сами собой, хоть руками разжимай. Вспомнился гоголевский Вий: «Поднимите мне веки!».
- Это для вас, салаг, был эпизод. А я в этих караулах научился спать с открытыми глазами.
- У меня такое случалось потом, на работе, особенно на послеобеденных совещаниях. И что характерно, никакие волевые усилия не помогают. Как ни сопротивляйся, хоть щипай себя, хоть язык прикусывай. Сон приходит сам собой, замещает окружающую обстановку...
- Хуже всего, если за рулем.
- А у меня так и было. Наломался за выходные на даче, устал, а отдыхать некогда, чтобы успеть до пробки. Пообедали и выехали.
- Обед — это главная ошибка.
- Я это понял потом. Сначала ничего, а потом как-то незаметно начало тянуть в сон. Стал бодриться, встряхивать головой, а оно все накатывает и накатывает. Останавливаться, терять время неохота, вроде бы едешь и едешь. И вдруг, без какого-либо перехода сон заместил в мозгу реальность. Сидел за рулем с открытыми глазами, но вместо дороги видел уже что-то другое, какое-то совещание на работе. Очнулся от вскрика жены, когда машина съехала на обочину...
- Скажи спасибо, что не на встречную. И что ехал не один.
- Пришлось остановиться, покомарить минут двадцать. После этого за руль с полным брюхом не садился. Понял, что организм сильнее нашего сознания. Но тогда, в наряде, еле выдержал...
- Да, насчет жратвы. Помнишь, как кормили на сборах?
- Ты что! Особенно запомнилось первое посещение столовой. Обед состоял из бледных капустных шей, ржавой рыбешки с пшенной кашей и серого киселя с кусочком белого хлеба. По-моему, его тогда никто не съел. Сочли неудачной шуткой повара.
- Ну, это поначалу...
- Да, кочевряжились недолго. Уже на третий день пришло понимание истинного вкуса простой и здоровой армейской пищи. Все съедали подчистую. Даже знаменитую перловую кашу-шрапнель. В качестве еды сомнений не было — речь шла только о количестве.
- А в воскресенье добавляли какую-нибудь булочку, пару карамелек или яблоко. Это вообще шло как праздничный обед.
- А там же еще был гарнизонный буфет...
- А что в нем было? Бледное печенье, каменные пряники да теплый лимонад. Тошнотный ассортимент. Я там ничего не покупал. Решил для себя, что надо пройти это испытание без послаблений.
- А разве там можно было расслабиться? Об увольнении и речи не было. Да и свободного времени, практически, тоже...
- А так и задумано. Чтобы дурь в голову не лезла. Личного времени должно хватать только на подшивку подворотничков и чистку сапог. Ну, еще перед отбоем написать письмо да почитать газеты в «красном уголке». Там был и телевизор, но его не разрешали включать. Стоял для украшения интерьера.
- Нет, был один случай. Когда коллективно смотрели репортаж о полете «Союз-Аполлон». Помнишь? О стыковке советского и американского космических кораблей.
- Да, был такой эпизод. Тогда еще отменили занятия, в связи с важным политическим событием...
- А помнишь сами эти занятия? Это сонное царство?
- Да уж. Особенно после обеда. После нагрузок, да еще солнце в окна. С дремотой бороться было невозможно. А преподаватель бубнит что-то о порядке развертывания подразделений гражданской обороны — ну полный транс! Мучительные были занятия...

— А наш иногда подавал команду: «Встать, кто спит!». И вначале кто-то вскочил, под всеобщий смех.

— Правда, был один забавный момент. Когда изучали принцип действия атомной бомбы и устройство атома, кто-то спросил: а что находится между атомным ядром и электронной оболочкой? И препод поднял его на смех: «Что за глупый вопрос? Конечно, воздух!».

— А у нас на задних столах мух ловили, развлекались. Наловчились связывать их по несколько штук ниткой и запускать. Они там были большие, жирные. Когда летели звеньями через класс, очень оживляли обстановку...

— Не представляю. Это же надо обладать мастерством Левши.

— Вот такие были виртуозы. Изощрялись, от скуки.

— А мне запомнился случай во время полевых учений. Мы же по военной специальности решали расчетные задачи для пуска оперативно-тактических ракет. На специализированных ЭВМ. Правда, мы их до того и в глаза не видели. Не говоря уже о ракетах...

— И не увидишь. Считай полвека прошло. Все это добро давно сдано в металлолом и переплавлено во что-то более приличное...

— Ясное дело! А оказались зеленые ящики с ручками, в будках вездеходов. А электропитание обеспечивали дизель-генераторы. Они должны были находиться на расстоянии двадцати метров от автомобилей с вычислительной техникой. Нужно было прибыть на заданную позицию, выгрузить дизель-генератор, оттащить на положенное расстояние, завести, включить аппаратуру и выполнить боевую задачу.

— Было дело. Помню, перли их, стокилограммовые чушки...

— А у нас кто-то внес рационализаторское предложение: «Товарищ майор, а зачем тащить этот дизель-генератор? Давайте выгрузим его там, где надо, и отъедем на двадцать метров».

— И правда!

— Оказывается, нельзя: «Вы плохо читали наставление, товарищ курсант! В нем ясно сказано: автомобиль должен прибыть на точку выполнения боевой задачи. А не на точку размещения дизель-генератора. Так что взяли и понесли! В темпе вальса. Иначе будете таскать его, пока не уложите в норматив».

— Да, памятные моменты...

— Школа жизни, однако.

ВАЛЬСЫ ШУБЕРТА

Молевой сплав — способ транспортировки древесины по рекам, при котором бревна плывут по течению самостоятельно. Лес заготавливают зимой, в таежных местах северного Урала, а весной сталкивают в паводковую воду притоков Камы. В нижнем течении их собирают в плоты и отправляют по Волге в южные, безлесные регионы страны. За короткое время паводка нужно сплавить огромные объемы древесины. Уже в июне уровень воды падает, и часть бревен застревает на берегах и отмелях, в протоках и затоках. Река на всем протяжении закреплена за сплавконторами, которые должны обеспечить прохождение древесины и полную зачистку берегов на своем участке. Вот на эту работу и нанимают сезонных рабочих. На месте выдают инструмент: багры, крючья, топоры, бензопилы и одежду: брезентовые куртки и высокие, по самый пах, резиновые сапоги. Живут шабашники в спартанских условиях — в какой-нибудь пустующей школе, рабочем общежитии или на барже, переоборудованной в общежитие, так называемой брандвахте. Питание обеспечивает повар, который готовит еду из привезенных продуктов, в основном из круп, макарон, тушенки и плиточного чая с хлебом. Кому этого мало, докупает жратву в местных продмагах, за свой счет. Расходы на еду и дорогу вычитают из общего заработка, так же, как премии бригадиров и зарплату повара. Завтрак и ужин на месте, а обед развозят на катере по реке, по точкам работы.

Народ в бригады собирается случайный, кому по жизни не хватает денег: инженеры, шоферы, рабочие, алиментщики, даже бывшие зэки. В семидесятые-восемидесятые годы на лесосплав часто ездили подзаработать инженерно-технические и научные работники, получившие трудовую закалку в студенческих отрядах. По национальному составу коллективы тоже разношерстные: русские, украинцы, узбеки, татары, евреи, грузины, молдаване. Нравы в бригадах простые. Сама обстановка и работа буквально за несколько дней уравнивает интеллигенцию с работягами. А потом все обрастают бородами, и кандидата наук от досрочно освобожденного не отличишь — ни по виду, ни по жаргону. К тому же полный отрыв от цивилизации — ни телевидения, ни газет. Лишь по вечерам кто-нибудь включает радиоприемник, чтобы сквозь скрипы эфира поймать новости, в основном спортивные. Где-то через неделю информационной диеты народ начинает развлекать себя сам: рассказывают анекдоты, байки, истории из жизни. Обязательно выделяется какой-то мастер художественного слова, самодеятельный массовик или тамада с отработанным репертуаром.

Утром катера развозят лесосплавщиков, вооруженных баграми, крючьями, бензопилами, по руслу реки. Сама по себе работа простая, но тяжелая. На каменистых, быстрых участках бревен застревает немного, а вот на отмелях и в затоках собираются огромные массивы, и разбирать их — задача нелегкая. Лес в основном идет товарный, хвойный, по большей части ель. Но попадаетса и береза — древесина сорная, годная лишь на дрова. А еще осина — стволы чудовищных размеров в длину и в обхвате, с розовым соком, выступающим из-под серой коры, словно кровь, и удивительно нежным запахом на спиле. Эту древесину обычно пускают в раскряжевку (распил), на местные нужды. Условия на лесосплаве тоже не курортные — оводы, комары, мошка, а бывает, что целыми днями льют дожди. Они в тех местах идут часто и на любой вкус — обильные летние с грозами, спокойные грибные, нудные осенние с изморосью. На открытой воде от сырости не скроешься, и согревает шабашника сама работа. Зато природа в верховьях Камы девственная. Вода кристально чистая — пить можно прямо из реки, без опаски. А в заводях — чайного цвета, горчащая, настоящая на затонувшей древесине. С катера на большую глубину просматривается каменистое дно, а если повезет, можно заметить тени крупных тайменей. По холмистым берегам — темные еловые леса и светлые пятна земляничных полей. А сверху глянешь — Вишера до самого горизонта, петляет в таежных дебрях, поблескивает на излучинах, теряется в голубой дали, а по ней россыпью — бревна. Плывут и плывут, днем и ночью.

Цель шабашника — заработать побольше и свалить побыстрее. Время уходит на работу, еду и сон. Пару часов после ужина — отдых: пишут письма, читают, играют в карты, домино, кто-то покручивает колесико хрипящего радиоприемника. Но скоро с коек начинает доноситься похрапывание, и наломавшиеся за день шабашники засыпают. А из реальных радостей жизни — банный день. В субботу — укороченная смена, баня, ужин и расслабуха. Промокшие, но довольные предстоящим отдыхом бригады выгружаются с катеров, убирают инструмент, стаскивают сапоги, развешивают на просушку робы и портянки и поочередно отправляются в поселковую баню. После бани, распаренные, розовые, надев более-менее цивильную одежду, с шутками и смехом собираются в столовой. Перед ужином бригадир лично выдает по бутылке водки на троих. Банный день — дело святое. А больше — ни-ни! Сухой закон. Но после тяжелой рабочей недели даже эта наркомовская норма греет душу шабашника. Гуляем, братва! Порадовал и повар: сварил картошку, купленную у местного населения, а еще расщедрился на деликатес — селедку с луком, а на десерт — чай с печеньем и повидлом. Как мало, в сущности, нужно простому человеку для счастья! Особенно острого после тяжелой работы, скудного быта и плохой погоды. После ужина умиротворенные шабашники разбрелись кто куда, а мы с соседом разговорились:

- Ты, я вижу, первый раз на лесосплаве.
- Да вот, начальник предложил, у него знакомый тут шабашил...
- А кто? Не, такого не знаю. Сюда мало кто второй раз едет. Особенно из вашей интеллигенции. Тут бабки на халяву не сорвешь. А пупок надорвать можно. И не важно, сколько ты институтов окончил.
- Да и не поможет оно, высшее образование, — бревна ворочать.

— Не в том дело — поможет, не поможет. Ты себя правильно поставил. У меня глаз набитый. Вижу, кто тянет, кто сачкует.

— В стройотрядах приходилось вкалывать. Нагрузки привычные. А вот обстановка тут другая. Жлобства много, не нравится мне это.

— А сюда народ другой ездит, ему бабки нужны, а не романтика.

— И по руководству заметно. Бригадир, Евсеев, порядки установил как на зоне. Делай, что велено, и пикнуть не смей. Крутизну свою показывает. В первый день вышел, темп работы задал, а после обеда слинял. А потом его на реке ни слухом, ни духом.

— Ну, это ему по должности положено. Ты ему не перечь особо. Он сюда давно бригады возит, порядки знает.

— На жратве экономит. Макаронами этими каждый день давимся...

— А если разносолами питаться — что домой привезешь?

— Сухой закон завел, а сам поддатый по вечерам...

— Выпивает с начальством, клинья подбивает. Тут главное не то, что ты сделал, а как он наряды закрыл. Ты пробовал норму выполнить? На раскряжовке — девять кубометров в день на человека. На каждого! На троих — двадцать семь! Сам подумай: это реально?

— Диктатуру установил: делай, что говорят, с местными не трепись. Меня мастер спросил, сколько сделали, а я ответил: где-то третью часть бурта разобрали. Это еще на первой неделе было. Что тут такого? А он на меня накинулся: «Зачем болтаешь? Отвечай, что не знаешь. Твое дело работать, а наряды писать — дело бригадира».

— Правильно он тебе сказал. Лучше помалкивай. Тут все мухлюют, с этими нарядами. Местные тоже в интересе. Фонд зарплаты с нами делить — чей карман ближе? Мы приехали на месяц, а им весь год что получать? Вот и зажимают. Нас тут в прошлом году накололи с расчетом. Бугор предупредил, чтобы следили, как отмечают объемы. И чтобы ручкой писали в наряды, а не карандашом. Да мы и сами записывали. Прикидывали — поскольку выйдет. Вроде бы неплохо. Ладно, закончили, отметили это дело, наутро поехали в контору за расчетом. Приходим в кассу — не выдают. Вроде как денег не привезли. До вечера волюнили. Народ уже бузить начал. Ну, в конце дня стали выдавать. Смотрим: не те бабки! В чем дело? Кассирша говорит: все по нарядам выдаю. А ну, покажи! А там половина объемов исправлена, в меньшую сторону. Да еще, блин, в наглую — поверх первых записей. Где учетчица, мать вашу? Нет ее, в отпуск уехала. Народ зубами скрипит, матерится, а что делать? Они же, суки, нарочно расчет на пятницу назначили. Оставаться тут до понедельника, искать начальство? В милицию, к прокурору? Где оно, в этом поселке? В город ехать, там искать? Кто будет этим заниматься? Всем тут осточертело, домой охота...

— На то и рассчитано.

— Так оно и вышло, блин. Поматерились, взяли портвейна, килек каких-то, выпили и закемарили до утра. А утром сели на «Комету» — и в Пермь. А оттуда самолетом в Москву. Кто-то грозился писать в прокуратуру — куда там! Через неделю все забылось...

— А как Евсеев допустил? Он же наряды подписывал.

— А он раньше смотался — вроде как в Москве срочные дела...

— Так его и нужно было брать за шкуру! Он, может, все знал. А, может, и в сговоре был...

— А его тоже не могли найти. Слинял куда-то...

— Да ясно куда! На черноморском побережье его надо было искать.

— Да был потом разговор! А он руками разводит — теперь чего делать, полгода спустя? Ну, кто-то обозлился, обматерил его, а другие молчат — на следующий год хотят ехать. А он тех, кто бузит, не берет. Так что не выступай особо. Нам тут осталось недолго. Главное — бабки получить. А через месяц забудешь эти дела. Сам-то женат?

— Женат. Пацану скоро год будет.

— Понятно: жена в декрете, на жизнь не хватает. Сюда все по необходимости едут. Кому взнос за кооператив платить, у кого очередь на «Москвич» подходит, а кого алиментами задавило...

— А Витек сказал, что дубленку турецкую обещали достать, за пять сотен. И ради этого сюда поперся! Пижон. Я понимаю, цветной телевизор купить или холодильник, а ради дубленки так корячиться?

— А может, у человека мечта жизни. А живете с родителями?

— Да в коммуналке! Соседи достали...

— А оно неизвестно, что лучше. С родней бывает даже хуже. Я это дело знаю, сам прошел. Я-то женился в шестьдесят седьмом, в мае месяце. Да не верил я тогда в эти приметы! Хоть и говорили люди. Это уже после армии было, когда работал на заводе. Я в шестьдесят втором призывался, весной. Тогда еще три года служили. Отдал долг Родине по полной, от приказа до приказа. Да ничего, нормально, по специальности служил, в авточастях. В гаражах ошивался. КРАЗы и ЗИЛы армейские обслуживали. Я там отца всю дорогу вспоминал. Он меня на завод водил, еще пацаненком, показывал, как их там собирают. А ты сам школу молодого бойца проходил?

— Проходил. Но мимо. У нас военная кафедра была.

— Понятно. По легкой линии, значит, пошел?

— Ну, пошел. А ты чего не пошел?

— Да на кой оно надо! Пять лет мозги сушить. А потом протирать штаны за копейки. Я на сдельной вдвое больше могу зашибить. Если захочу. Только заводиться не надо — чтобы расценки не срезали.

— Это называется «повышение производительности труда». У Высоцкого даже песня есть, про бывшего флотского офицера, на шахте...

— Не, не слыхал. Короче, отслужил нормально. А после дембеля так и пошел потом, по автомеханике...

— С отцом, значит? Рабочая династия?

— Кончай ты эту хрень пороть! Династии какие-то выдумали, блин. Я на «Москвич» пошел, в Текстильщики. Машину хотел надывать. Там своим продавали без очереди, по разнарядке. Сначала на сборке был, нормально выходило. Ну, и детали прихватывал, помаленьку...

— Это дело такое...

— Не одобряешь? Да я вижу! Все так делали, понял! А я что, рыжий? Да и смотрят плохо, если не как все. Как таскали? Да запросто: вынес со сборки на себе, а потом в сумку — и через забор. Схема отработанная, только нагнать не надо. А кто зарывался, было дело, попадались. Да я ушел оттуда скоро, перевелся в инструментальный. Достал он меня, конвейер этот. Он же не останавливается, зараза. Особенно в понедельник тяжело, пока не втянешься. Халтурили? Ясное дело. Если каждую гайку затягивать, озвереть можно, в психушку попадешь...

— А я читал про это. Как американцы на автосборке работают. Тоже конвейер не любят...

— У Форда, что ли?

— Нет, в Детройте, в «Дженерал моторс». Тоже на потогонную систему жалуются. Один, который кузова сваривал, признался, что тоже халтурят. Зато, говорит, знаю, как машину проверять при покупке...

— А у нас и проверять не надо: купил «Москвич» — сразу гони в гараж. Гайки протягивать. Если доедешь, конечно. И еще надо смотреть на дату выпуска — не брать после праздников и выходных.

— Вот и он о том же.

— Да чего базарить! Конвейер, он и в Африке конвейер. Короче, перевелся я тогда в инструментальный. Заработок там стал поменьше. А все равно после армии казалось, что деньги большие. И стал увлекаться. После работы — в пивную с пацанами, а в выходной и в кабак завалимся. Ну, и на танцы, под этим делом. А там, сам знаешь, по дури молодой, сцепишься — слово за слово, и пошла метелица. То с разбитой мордой домой приду, то в рубашке рваной. Матери все эти дела скоро надоели. Пора за ум браться, говорит, какой пример младшему подаешь. Отец тоже не одобрял. Ну, а я как раз познакомился с Веркой. Родители, когда узнали, стали подбивать: давай, мол, определяйся...

— И что, сильно зацепила?

— Да не то, чтобы сильно. Ну, симпатичная, фигурка так, ничего. На танцах познакомились, в нашем доме культуры. Я ее раз пригласил, другой, потом проводил, как полагается. А она жила недалеко, в Кузьминках. А работала тоже на заводе, в бухгалтерии. Ну, потом в кино сходили, туда-сюда, так и сошлись. Как жили? Да вроде нормально, как все. У ее родителей обретались — в «распашонке» двухкомнатной, в «хрущевке». Комнату они нам выделили, ничего не скажу. А в семидесятом сынишка родился. Нет, мне малец в тягость не был. Ну, бывает, заплачет ночью, понятное дело. Сама-то она, Верка, шустрая девка была, справлялась. Да и теща помогала.

— Ну вот! Жил, как у Христа за пазухой...

— Да чего-то душновато мне было за пазухой, по молодости лет. А может, не нагулялся еще. Они всю дорогу на дачу меня тянули. По Рязанке у них было шесть соток, на электричке от «Ждановской» ездили. Весь участок картохой да огурцами с капустой засадят — ступить негде. А потом заготовки делают. Как хомяки — все в норку, в норку!

— А что плохого? Мои родители тоже каждую осень капусту и огурцы в бочках квасили, картошку на зиму в подпол засыпали. И нас помогать заставляли. Все так жили. На подножном корму...

— А хрен его знает! Чего-то меня это раздражало тогда, крохоборство ихнее. Молодой был, пожить хотел. А не корячиться на них. У нас-то дачи отродясь не было. Отец сам из деревни сбежал, из колхоза проклятого. А эти, как назло, под выходные, когда матчи самые интересные, начинают зудеть: огород поливать, картошку окучивать, сарайчик поправить. Я им тогда сказал, куркулям этим: чемпионат мира начнется — меня не трогайте, я его четыре года ждал, дни считал.

— А я в семьдесят четвертом, после третьего курса, уже сам был командиром отряда, в Астрахани.

— А что вы там строили, на юге? Коровники, что ли?

— Да это только так называлось, что стройотряд. Мы там помидоры и арбузы собирали. Состав был — десяток пацанов и сотня студентов...

— Круто! Гарем у тебя был неслабый. Да и остальным хватало...

— Куда там! Я там как белка в колесе вертелся. Не до любви было. И работу, и быт обеспечить, и местную шпану отгонять, чтобы не случилось чего. Вечером падал за мертво, спал как убитый. Но хоть выспаться было можно — там нас от комаров пологи спасали. Над каждой койкой был полог из марли, специальным составом пропитанный...

— Хитро, блин! А сюда чего этот полог не привез?

— Да вот никак себе простить не могу — знал же! Хоть какой кусок марли нужно было взять — морду на ночь закутать. А то за день наломаешься, и ночью спать не дают. Да еще эта брандвахта раскаляется за день, духотища — уснуть невозможно. В Касимовке, в бараке, условия были лучше: комнаты с окнами, и даже электричество. Я надеялся, что хоть на этой барже, в трюме, комаров не будет, а их тут вон сколько. Я одного такого гада, кровью напитавшегося, на письме раздавил — чтобы увидели там эту романтику, оценили мой трудовой подвиг. И как они в этот глухой трюм пролезают?

— А хрен их знает! Я уже рукой махнул. Вытряхиваешь их утром из постели, а подушка вся в кровавых пятнах. Пока не уснешь, бьешь их на морде, а потом все равно засыпаешь — хрен с вами, жрите! Сосите, гады, пролетарскую кровь.

— А ты заметил, что днем комаров меньше? Я и подумал: может, их ветром разгоняет? И решил одну ночь на крыше баржи покемарить. Затащил туда матрас и одеяло, уместился — хорошо показалось. Ветерок поддувает, природа вокруг, речка плещется, закат во все небо. А это было как раз двадцать второго июня — самый длинный день в году. А в этих местах солнце, считай, и не садится...

— Так чего ты там, на крыше, и не поселился? Как Карлсон.

— А там их было не меньше. И ветерок им не особо мешал. А под утро зябковато стало, да и спать на свету непривычно. Не сон, а так что-то, в разбивку. А не отдохнешь, весь день настроения нет...

Да, утро. Самое неприятное воспоминание от шабашки. Сквозь сон слышна команда: подъем! А вставать — ох, как неохота! Наломавшись накануне, лежишь бревном — мышцы скованы, гудят и ноют, руки-ноги как коряги, боль в стертых до крови ладонях. Особенно тяжело под конец первой недели, когда начальный запас сил уже кончился, а

новый еще не появился. Состояние отвратительное — бессилие, вялость, слабость. Чувствуешь себя тряпкой, шевелиться неохота. Любая работа кажется мукой. Упасть бы и лежать трупом. Где угодно: на земле, на бревнах, на камнях — лишь бы не трогали. В эти дни все двигаются замедленно, как сонные мухи, не слышно ни шуток, ни смеха. Но выхода нет — нужно терпеть. Постепенно организм втягивается, привыкает к работе, появляется энергия, мышцы набирают силу, а к концу шашки уже сами просят на грузки.

Но утро — это всегда утро. Надо вставать. Народ нехотя поднимается, одевается, кряхтя и бурча, потом, прихватив мыло и полотенце, вылезает из трюмов на палубу. Так, теперь спуститься по трапу на берег, исполнить в кустах туалетные дела и умыться в реке. После неизбежных макарон с тушенкой и чая с хлебом, можно прилечь минут на десять. Но вот слышен гул и толчок причалившего катера. Пора! Влезать в полупро-сохшие сапоги, натягивать опостылевшую брезентовую робу и грузиться на борт. А если всю ночь моросил дождь, и все вокруг насквозь промокло, настроение совсем мрачное. Бригада шабашников лезет на катер и кроет погоду и в бога, и в мать. А небо обрывками мути укрылось и сеет унылую мелкую сырость. Искусаны гнусом небритые рожи, до крови ладоней изодрана кожа, сырые портянки, корявые роботы, и все надоело до черта, до гроба! Но разве плохая погода виновна, что ты здесь шабашишь, ворочаешь бревна, под небом далекой таежной реки? — Закуривай, что ли, пока, мужики.

До места минут двадцать. Народ набивается в тесную каюту катера. Доминошная команда собирается у столика, чтобы сыграть пару партий, остальные дремлют под равномерный шум мотора. А если дождь стихает, выбирают наверх, располагаются на палубе, свесив за борт ноги в огромных резиновых сапогах. Под ними — несколько метров чистой воды, сквозь которую виднеется каменистое дно, а иногда мелькает темная спина тайменя, мгновенно уходящего в глубину. Катер идет вдоль поросшего темными елями берега, светлых полян, каменистых отрогов, осыпей, мелей, и за каждым поворотом открывается новый вид — красота! И даже фотография осталась с палубы утреннего катера: небритые рожи шабашников на фоне поблескивающей на солнце реки с полосками плывущих по ней бревен.

— Ты вот в семидесятые со студентками развлекался, а мне те годы и вспоминать неохота, камень на душе лежал. Даже домой не хотелось идти с работы. Придешь в этот гадюшник, а с порога — недовольные рожи. Только сынишка и радуется, бежит навстречу. Все им не так, все не по нраву: работяга, бензином воняет, ногти черные. А я еще на свадьбе заметил, как вся ее родня на наших косо поглядывала. Мол, я ей не пара, мол, они культурные, а мы простые. Да и у меня к ним душа не лежала. Жлобская семейка была. И говорили с какими-то намеками, и шуточки были поганые, с подковырками. А я мужик прямой, этих дел не люблю. Но сначала держался, думал, при-тремся. Да и пацана жалко было. Помню, взял его на майский парад, в заводскую колонну, на плечах по Красной площади нес, он потом во дворе хвастался...

— А они что, шибко культурные были?

— Да хрен их знает! Особой культуры не замечал. Да на хрен она нужна, ваша культура! Если вы сами ехидны. Ну, было пианино в доме. Теща на нем иногда что-то брэнчала. Вальсы Шуберта, что ли. А Верка к пианино и не подходила, хоть ее пять лет в музыкальной школе мучили. И Кольку потом туда записали.

— А чего? Нормально. Может, у пацана способности.

— Да я не против! Хоть и не видел, чтоб у него особый интерес. Я его в футбол учил играть. По выходным, бывало, выйдем на площадку, начнем возиться с мячом — ребятня сбегается со двора, тоже играть хотят. Ну, я им пару финтов покажу, потом поделю на команды, мячик брошу, они и бегают за ним всей кучей. Смотрю — и душа оттаивает. А он, Колька, когда гол забьет, подбежит ко мне, вспотевший, волосенки ко лбу прилипли, прыгает, радуется — нет слов. А когда домой идем, в глаза заглядывает, спрашивает: папа, хорошо я играл? Хорошо, говорю, а самого прямо слеза прошибает. А эти все гундосят: с детьми бегаешь, перед соседями позоришься, люди деньги в дом несут, а не дурью маются. И ребенка от учебы и музыки отвлекаешь, футболом своим дурацким. И пошло-поехало...

— Но ты же ему учиться не мешал? И не помогал особо? Ну, это не важно. Кто, как не отец, сына мужиком воспитает?

— А ты им попробуй объясни. Они же всей кодлой наваливаются. Чего, мол, на стадион его берешь? Чего там смотреть? Как двадцать два здоровых бугая за мячиком бегают? А другие придурки на них смотрят и орут. Кто туда ходит? Одни алкаши. Пьют, матерятся — какой пример ребенку?

— Да куда им, бабам, это понять!

— О том и речь. Что там плохого? Нормальные там люди. А пацану среди мужиков жить, а не за мамкину юбку прятаться. А тесть чему его мог научить? Ни спортом, ни футболом не интересовался. И не пил почти. Ненормальный был какой-то, как старовер. Сам в какой-то конторе штаны протирал. И тещу туда же пристроил. Жлоб он был, вот кто. Командовать любил, задолбал их обеих. А когда понял, что я не поддаюсь, взъялся. И Верку на меня стал накручивать. Сволочной мужик был, хуже бабы. Мы-то с ней вначале нормально жили. Ну, бывало, поцапаемся, по мелочи. А ночью помирился. А тут прихожу со смены — не узнаю Верку. Уроды! Ей же, дочке своей, жизнь испортили.

— Выпивал?

— Да не пил я! Вначале. Ну, на футбол пойдешь с ребятами, пивка дернешь для настроения. Потом, конечно, стал принимать понемногу, чтоб на душе полегчало. Но чтобы в запой — такого не было. А ты, я вижу, хоть под интеллигента косишь, а в прошлую субботу, после бани, сильно набрался. Где был-то хоть, помнишь?

— Сначала помню, а потом — ни хрена не помню.

— Ты тут аккуратнее. Тут народ простой. Нарвешься по пьяни — дадут по голове, и концы в воду. Всплывешь где-нибудь в Каме...

— Да я вообще не хотел пить! И когда ехал сюда, тоже настроился держаться. Ну, захватил с собой бутылку спирта — на случай непогоды, для профилактики. Да какое там! Началось прямо в поезде — не успели из Москвы выехать. Зашел к Гришке поговорить, а там уже процесс идет. Пригласили, конечно. Ну, и пошло-поехало: за знакомство, за начало сезона, за погоду. Под тошнотные вафли какие-то, пряники...

— Было дело. Весь вагон гудел.

— А бугор — ни слова. Он же на собрании объявил сухой закон.

— А он это специально. Дал народу пар выпустить. Чтобы весь запас по дороге выпили. Он в этих делах опыт имеет.

— Понятно. А мы воспользовались, по дурости. Вспоминать противно. Как пел Высоцкий, все хорошее в себе доистребили. Из поезда в Менделеево уже выгружался народ без признаков интеллекта на лицах. А потом в двадцатиместный автобус втиснулись тридцать пьяных рыл с рюкзаками и месячным запасом продуктов. И десять часов ползли, мучаясь от похмелья и докупая бухло в сельмагах. Романтика, блин!

— Ну, так и деньги нужно было подчистить у контингента. Чтобы на месте соблазнов было меньше. Да и к публике присмотреться. Всякий народ попадается. Вроде спокойный мужик, а выпьет — дуреет, в драку лезет. А ему, Евсееву, на хрен такие приключения?

— Да, там многие себя показали. Особенно Витек. Помнишь, когда уже на месте были, в поселке Харино? Когда весь запас портвейна в сельпо выбрали. И кильку в томате. Картошку у местных купили, в костре пекли, на берегу. А Витек вообще отрубился. Как сидел на бревне, упал на спину и лежит, раскинув руки, остекленевшими глазами в небо смотрит. Поднимаем, а он снова падает, как болванчик. Думали, что концы отдал. Хотели в реке освежить, да бугор удержал...

— И хорошо, что заметил. Утопили бы его там, сдуру.

— Зато я искупался, по пьяной лавочке. Вроде как на Каму приехали, а ее не видно, она была за песчаной косой. Ну, плюхнулся и поплыл через протоку. И даже вода не показалась холодной. А запомнилось, что чайного цвета была, и горчила, корой отдавала...

— Это от топляка. На древесине настояна.

— Ну, переплыл протоку, косу перешел. А за ней — главное русло. Глянул и прибалдел — по всей ширине лес идет, сплошным потоком. Бесшумное, плавное движение. Завораживающая картина!

— Ну, это в первый раз интересно. А потом привыкаешь.

— А погуляли тогда капитально. А потом бугор гайки закрутил.

— И правильно сделал. Тут по-другому нельзя — и нагрузки, и техника безопасности. Только в банный день и под контролем. Водку сам закупает. И выбор дает: бутылку на троих или банку сока...

— Так я в первую баню сок выбрал. Мы тогда, кто не пил, решили за земляничкой сходить. Местные сказали, что километрах в пяти, на вырубках, земляничные поляны есть, просто сказочные. А идти нужно поверху, по линии электропередачи. Поднялись на холм, свернули на линию и двинули по трассе. И точно, где-то через час вышли на вырубку. А там, и правда, земляники немеряно. Да высокая, кустистая, ягоды крупные, гроздьями висят. Ну, полазили часок, собрали по литровой банке. Пора и назад. Но чего-то устали малость, и показалось нам, что быстрее дойдем, если срежем угол, пойдем по гипотенузе, по направлению к Вишере. Ну, углубились в лес, прошли минут пятнадцать, и тут начался бурелом. Идти стало тяжеловато — через стволы перелезать, завалы обходить, через ельник густой продираться. И появилось сомнение, что дойдем быстрее. Вернуться, что ли? Оглянулись, а куда возвращаться уже непонятно. Да и времени жалко, и сил...

— Да вы, блин, охренели! В тайгу поперлись наугад. В тайге короткий путь не самый близкий. Да и не любит она таких шуток.

— Это я на всю жизнь запомнил. Сто раз пожалел, что не пошли той же дорогой. А в тот момент — что было делать? Нет, говорю, мужики, надо идти вперед, на Вишеру выходить. Ну ладно, пошли дальше. Еще полчаса идем, по нашим расчетам уже должны бы на реку выйти, а ее и близко нет. Смотрим вперед, ждем просвета, а лес только гуще. Тут уже какое-то волнение появилось...

— А направление как держали? По солнцу?

— Да, шли точно на запад. На закат, на светлую область неба.

— А в высоком лесу можно обмануться, особенно под вечер. Бывает, смотришь на светлую область и думаешь, что это запад. А на самом деле это закатное солнце в облаке отражается.

— А там лес такой пошел, что неба почти не видно. Еловая тайга, она и днем страшная — серая, глухая, непроглядная, не пропускает ни луча, ни ветерка, ни травинки. Сучья сплетаются, глаза выколотить норовят, а тут еще дело к ночи идет. Народ приуныл, стали роптать на меня, как на Сусанина. А я, хоть виду не подаю, начал о ночевке подумывать. А у нас даже спичек нет, все некурящие попались...

— Вот оно! Некурящих и непьющих сама природа наказывает.

— А больше всего не хотелось, чтобы шухер в бригаде поднялся. Короче, виду не подаю, прю вперед. И тут, как назло, какие-то болотистые места пошли. Откуда, с чего? Непонятно. Стали их обходить, а их все больше. А сумерки все гуще. И тут меня какое-то отчаяние взяло, попер прямо по воде, по ямам, канавам. И вдруг вижу — просвет! Тут уже и под ноги не смотрели, рванули вперед. И блеснула Вишера!

— А потому и были сырые места, что река близко.

— Это мы потом поняли. А в тот момент были полные штаны радости. А еще минут через десять увидели родимую баржу...

— Считаю, легко отделались. А я чего-то про это и не слышал.

— А мы договорились помалкивать. Чтобы не влетело от бугра.

— Понятно. А в следующую баню уже не пошел за витаминами?

— Нет, предпочел нажраться. Как все нормальные люди.

— Да с чего там было нажираться? Бутылка на троих, под закуску...

— Да это Витек завелся! Мало ему показалось. Отдыхаем, мол, редко, надо момент ловить. Ну, довод резонный, особенно под этим делом. Решили добавить. Знаю, говорит, одно место, где всегда бражка есть. Ну, пошли по поселку. Зашел он в какой-то дом, вынес литровую банку. А она мутная, как молоко. А противная! И как они ее пьют?

— А с детства привыкают, помаленьку. А чем тут еще заниматься? Цивилизации, считай, нету. Летом еще куда ни шло, а осенью-весной грязь непролазная, посреди улиц машины тонут. Только тротуары деревянные и спасают...

— У Городницкого песня есть, про эти тротуары.

— Ну-ну. А про корыта с водой и скобы возле каждого крыльца, чтобы сапоги от грязи чистить, нету песни? Жаль. Они же этих сапог всю жизнь не снимают. Даже летом без них нельзя, чуть дожди пойдут. А зимой заметет-завалит — вообще глухо. Темень,

полярная ночь. И в огородах кроме картошки и лука ничего не растет. Вот и пьют, от тоски и скуки. Тут хлеба в магазине может не быть, а спиртное — товар первой необходимости. Его, когда в навигацию завозят, мешками берут, ящиками, на все деньги. Сначала крепленое и водку выбирают, а когда дешевое заканчивается, на коньяк раскошеляются. А если по весне баржа с бухлом задерживается, на самогон и бражку переходят.

— А то и одеколон раскупают.

— Ну да. Душистые ходят, с ароматным дыханием. Тут местный рассказывал, как первый раз его пил: «Скинулись вчетвером, зашли в промтоварный, присматриваемся к ассортименту — черт его знает — какой брать? Взяли подешевле, разлили по кружкам, а пить страшно. Один говорит: «Давайте я первый. У меня семьи, детей нет. А если что, этим же и помянете». Ну, хряпнул. И сидит, молчит, не шевелится, только глаза выпучил. Что делать? Хорошо, кто-то зачерпнул воды из Камы — и ему в зубы. Глотнул он, оклемался, головой трясет, икает. Видим: живой. Тогда и остальные приняли. Гадость, конечно, дуреешь с него. А что делать — выпить надо».

— А ты заметил, что даже в рабочее время ходят поддатые? И механики, и трелевщики. И никто им замечаний не делает.

— А это бесполезно. Иначе на работу никто не выйдет. У них это дело привычное. Наш капитан по палубе еле ходит, а катер по реке с закрытыми глазами ведет. И причаливает аккуратно. Да и кто им будет замечания делать? Тут все пьют: и начальство, и учителя, и бабы.

— Видел, как возле продмага пьяная молодуха ругала свою маленькую дочь. За то, что та потеряла увязший в грязи сандалик. Какой же это был мат! Дикий, нечеловеческий. Материла девочку трехэтажными оборотами. Которые ей самой, пьяни гулящей, сказать бы надо...

— А здесь женщин и детей не стесняются. Да и сами бабы разговаривают на мате. Детей жалко, а что делать? Им тут жить. Придется привыкать. И к грязи, и к пьянству, и к мату. Да и мы от местных не шибко отличаемся. Кстати, как тебе бражка? Помогла отдохнуть?

— А как же! До сих пор тошнит. Гадость невероятная. Пил с отвращением, организм сильно сопротивлялся...

— Да, вкус у напитка специфический. На большого любителя.

— А там уже слабину дать было нельзя. Да и деньги уплачены — не пропадать же добру. Ну, выдули банку по очереди, и пошли в клуб...

— На танцы вдохновила? На любовные приключения?

— А хрен его знает! Тогда уже мало что соображал. Но пробыл я там недолго. Не хорошо чего-то стало. Еле успел во двор выбежать...

— Исполнил арию Риголетто?

— Ты что! Со страшной силой. Рекордную плавку выдал. Сам от себя не ожидал такой мощи. И таких объемов. Это было извержение вулкана. Бахчисарайский фонтан. Блевал просто дико. Нечеловечески.

— Промыл желудок народными средствами?

— Еще как! Чуть наизнанку не вывернулся. В каких-то кустах, в антисанитарных условиях. После этого уже ничего не помню...

— Но дошел ты сам, упал на койку замертво.

— Это уже было на автопилоте.

— И, похоже, на реку ходил, освежиться. По пояс мокрый был. Хорошо, что купаться не стал. А то плыл бы сейчас, среди прочих бревен.

— Убей меня — не помню! Ладно, если в реке вымок. А то бывает, как в анекдоте. Выходит мужик во двор, а возвращается весь мокрый. « — Что, на улице дождь? — Нет, ветер».

— Не, в тот день ветра не было. А вот Витек промок без дождя и ветра. Его под клубом нашли, еле дотащили. Тоже закуску показал. В ней же и отдыхал. Но я с вас, интеллигентов, удивляюсь — какая у вас кишка тонкая. Даже нажраться не можете по-человечески. Без этой вашей романтики. А потом плачетесь. Куда вам до рабочего класса!

— Это верно. Закалки пролетарской нет. Тренируемся мало.

— Я, слава богу, до такого свинства не доходил. А что толку?

— Так чего ей было надо?

— Верке-то? Да с нею поначалу все было путем. В отпуск на юг пару раз ездили, и праздники отмечали, и в гости ходили, и шашлыки на даче. Да если бы жизнь из одних только праздников! А потом и праздники стали не в радость — так, отвлечешься чуток. А деваться некуда — все в одной квартире, как в клетке. А мои тоже в маломерке жили, в хрущевке, с младшим братом. Он тогда как раз женился. Не было выхода — хоть волком вой! Терпел я это дело, терпел, но не выдержал — ушел. После скандала какого-то. Куда? Да в общагу, к ребятам знакомым. А потом дали место. Я был уже инструментальщик шестого разряда, на хорошем счету...

— А в местком не вызывали? Чтобы вернулся...

— А как же! Верка сходила, поплакалась. Мол, ребенку отец нужен, зачем семью разрушать? Ну, я эту общественность сразу отшил. А потом сама пришла, разузнала, где живу. Просить стала, плакать. Глянул на ее лицо в слезах, и жалко мне ее стало. Накатило чего-то — вспомнил, как у нас с ней начиналось. Как провожал после танцев, и дождь застал. Добежали до подъезда, промокли оба. Она дрожит вся, прижалась ко мне, в глаза смотрит, а у меня дыхание перехватило. Обнимались как чокнутые. Чуть было до дела не дошло, пока нас там не спугнули. Тогда ее лицо тоже было мокрое, только тогда она смеялась. Да, блин, бывают моменты. Сколько лет прошло, а помню. Короче, зацепила она меня тогда этими слезами, разжалобила. А потом еще про Кольку сказала, что хорошо учится, и в музыке успехи, и что про меня всю дорогу спрашивает. Тут уже сердце совсем захолонуло — и пацана жалко, и ее, и себя самого. Иной раз думаешь: и чего оно по жизни так криво выходит? Вроде, все люди как люди, все лучшего хотят...

— И как, вернулся?

— Вернулся. Но зря. Опять началось, месяца не прошло. Пришел как-то выпивши, ну и сцепился с тестем. Слово за слово — к драке дело пошло. Чуть было не прибил его, еле руку удержал. Сидел бы сейчас. Ну, тут уже хлопнул дверью с концами. Кольку, конечно, жалко...

— Видишься с ним?

— Само собой. И алименты оформил, как положено. В школу иногда захожу, после занятий встретимся, поговорим немного, и все. А из секции они его забрали. Нечего, говорят, дурью маяться, учишь лучше, а то будешь, как отец. Сына отцом попрекают! Сволочи, нет слов...

— Да, блин...

— Да со мной — ладно! Я к их поганым языкам уже привык. Мне больше за пацана обидно — изуродуют они его. Воспитают, как этого тестя-вурдалака. Не понимают, что отца сыну никто не заменит...

— Конечно, не заменит! Она, дура, гордость свою тешит, бывшему мужу через ребенка мстит. Думает, что сама мальчонку воспитает не хуже. Да ты, хоть в десять секций его запиши — хоть в хоккей, хоть в бокс, а мужика не заменишь. Потому что это природное, в характере, внутри нас сидит. Ты что, кораблик ему из куска коры вырежешь, на веточку парус наденешь и руль закрепíš? А потом жучка найдешь, матросом посадишь и в пруд запустишь? Или воздушного змея смастеришь и в воздух поднимешь? А по деревьям пацана лазить научишь? Да хоть свистульку из ветки вырезать!

— Куда там!

— И ты этот кораблик, на глазах у мальчонки своими руками сделанный, никакими магазинными игрушками не заменишь!

— Сто пудов. А молотком, пилой, топором кто научит?

— Они и представить не могут, насколько мы с ними разные. Мы и жизнь видим иначе, и думаем по-своему, совсем о другом. Даже встаем с постели, и ложимся по-разному...

— Ну, когда ложимся, бывает, думаем об одном и том же...

— И все равно по-разному!

— Ну, может, и так. Да чего теперь базарить! Теперь пацан у них в руках. Одна надежда, что запомнит хорошее, что у нас с ним было. Эх, блин! Разбередил ты мне душу, добавить бы надо...

— Сходи к бугру — может, даст. У него запас всегда есть.

— Да ну его, на поклон к нему идти. Да и не даст он...

— Тоже верно. Ну что, давай укладываться.

— Давай. Нам завтра затон разгрести. Третий день из болота не вылезаем. Вишера, она вроде и быстрая, а поганых мест хватает. А тут, как назло, весь затон забило. И место низкое — ни волочить, ни катать — болото да кусты. На баграх таскаем, метров пятьдесят до воды, через заросли. Бывают такие чушки — восьмером еле прем, пальцы разгибаются. Руки уже до колен отвисли. Наловчились из носовых платков петли делать, на багор и на кисть накидывать. А ноги в грязи тонут, опоры нет, ветки цепляются, по лицу хлещут, духота, комары...

— Э, нам такой затон на второй неделе попался! Три дня разбирали. Впечатления незабываемые...

Да, работа выпадает разная. Проще всего идти по берегу, сталкивая бревна в воду. Но если направляют на раскряжевку или разбор затона, бывает тяжеловато. Когда бригаду перебрасывают на новый объект, это всегда сюрприз, и по большей части неприятный. Вот катер подходит к берегу. Выгружайся, орлы! Подхватив багры, крюки, топоры, бензопилы, прыгаем в воду как десантники. Что-то нам нынче пошлет норовистая Вишера? Поднимаемся на берег, бредем по пояс в росной траве, сверкающей на солнце, продираемся сквозь колючие заросли цветущего шиповника — какой волшебный запах! — и выходим на протоку, заваленную бревнами. Да, мужики, ухайдакаемся сегодня.

С чего начинается большая работа? Правильно: с маленького перекура. Так, ладно, перекурили — пора и за дело. Слава богу, опыт уже есть — понятно, как его ухватить половчее, скатить полегче и столкнуть в воду — плыви, родимое! А вот эти в канаве улеглись — придется вдвоем вытаскивать. А эта чушка в кустах застряла — не выкайтишь. Ей придется уважение оказать — вшестером выносить, на баграх. Такая уж это работа. Мы сплавщики леса, мы бревна по рекам сплавляем. На скатах и отмелях, по берегам собираем, к реке волочим и на чистую воду пускаем — на северных реках в июне работа такая. А бревнам на суше уютно, они нам не поддаются, в кустах и канавах скрываются, будто над нами смеются. В кустах и затонах скрываются, будто над нами смеются. Мы их из кустов выдираем, из ям и канав выгребаем, мы кожу с ладоней срываем, мы их на баграх поднимаем, несем и клянем их, в песке и грязи утопая — работа тяжелая, грязная, злая, тупая. А что безнадежно застряло и в воду не хочет, трелевщик тросами на штабель лебедкой волочит. Судьба этих бревен известна, их ждет раскряжевка — режут бензопилы и режут их на заготовки. Ломаются с треском багрища, и крючья железные гнутся, а оводы злые кусают, и жалят, и выются — непросто шабашникам деньги «шальные» даются. Мы жертвуем семьями, отдыхом и отпусками, о море мечтаем, где волны кого-то ласкают, а сами с проклятьями бревна на Каме таскаем. Дожди не кончаются — сеются, капают, льются, и клочьями серые тучи по небу несутся. В сырых сапогах и в промокшей до нитки одежде катаем мы бревна и смотрим на небо с надеждой. Погоде такой — чтоб ей было и в рыло, и в дышло! Но мат помогает — гляди-ка: и солнышко вышло. И снова бредем по реке, на ходу обсыхая, упрямо упрямое дерево в воду толкаем. Ведь мы лесосплавщики, наша работа такая.

— А еще комары и оводы достают, заразы. Он же, гад, кусок кожи выкусывает. Ели вопьется — как будто сигаретой прижгли, хоть кричи. А руку от багра не оторвешь, только головой мотаешь, как конь. Жалеешь, что хвоста нет. А вчера с Гришкой случай был, когда бревно несли: нога в грязи увязла — он из сапога выскочил, босиком бежит. Ну и упал, конечно. И мы со смеху попадали. Вместе с бревном и баграми. Лежим в грязи и ржем. А Гришка матерится...

— А с ним вечно приключения: то в яму провалится, то ногу подвернет. Когда с нами работал, катили бревно из кустов, ветка спружинила — естественно, ему в лоб, с треском. И смех, и грех. Ходил потом с шишкой. И сам же всех предупреждает: тут опасно, там плохо...

— Катер к берегу подходит — все прыгают в воду. Всем по колено, а он с головой уходит. И как он их находит, ямы эти? Евсеев приказал: ни к трелевке, ни к бензопиле его на пушечный выстрел не подпускать. И в руки ничего опаснее багра не давать.

— А так-то он, Григорий, мужик серьезный. Вы после ужина дурью маетесь — «козла» забиваете, а он на ночь Фихтенгольца читает, математический анализ. Теорему Коши в памяти освежает...

— Всяк по своему с ума сходит. Тут разные чудики попадают.

— И даже портянки по науке наматывает. Они у него размером с простыню. Как бурнус бедуина, с головой можно завернуться. В первый раз достал их — народ дивится: ты что это, Гриша, саван себе приготовил? Не портянка, а плащ-палатка. С такой вещью хоть в лес, хоть по дрова. И в труде, и в бою выручит. Дурачьё вы, говорит, ни хрена не понимаете — чем портянка больше, тем она лучше. Ну, намотал ее — нога как в гипсе, в сапог не лезет. Хоть сапог разрежай. Смеху было.

— Мы тоже удивляемся: две кепки носит: одну легкую — от солнца, другую утепленную — от ветра и дождя. Может, и от снега есть?

— Снег пойдет — увидим. Он к любой стихии готов. Аптечку на реку таскает, от комаров чем-то мажется. Туалетную бумагу с собой носит, как гимназистка. Таблеток привез полрюкзака, вывалил на койку целую гору. Чего там только не было! От любой болезни. Начиная с комариных укусов и до полной и окончательной дизентерии...

— Ну, этот недуг ему точно не грозит. Тут о диарее можно только мечтать. Тут не поносы, а запоры кровавые. От этих макарон, да с нагрузками, да на жаре. В кишках все спекается, до каменного состояния. Хоть гвоздем выковыривай. Тоже, блин, элемент романтики.

— А может, к Гришке сходить, на прием? Насчет клизмы.

— Да на хрен нужны эти таблетки! В таких местах, как на войне, простудой не болеют. Помнишь, на первой неделе два дня работали под дождем? Мокрые были насквозь. И хоть бы кто чихнул.

— Да, сурово было. Я сначала подумал: ну и попал! Все на небо поглядывал — когда кончится? А тучи летят и летят — низкие, осенние. И поливают, сволочи. По спине течет, в сапогах чавкает — романтика та еще! И главное — на открытой воде, со свежим ветерком. Среди экологически чистой природы, от которой никуда не спрячешься...

— Ну, промок — делов-то! Ничего страшного. Бревна, они теплые, хорошо греют, если их шустро ворочать. А в обед костерок разожгли, обсохли малость. А на следующий день совсем распогодилось...

Да, на второй день выглянуло солнце, и на душе сразу полегчало. А когда подошел долгожданный катер с обедом, народ вообще повеселел. Кашу с тушенкой, еще теплую, уплели за милую душу. Запили чаем, сладким, черным, из прессованной каменной заварки, со свежим белым хлебом, и совсем душой и телом оттаяли. А после обеда стало совсем хорошо — солнце в зените, на небе ни облачка. Скинули сырые сапоги, развесили промокшую одежду на ветках и корягах, разделись до трусов — благодать! Даже фотографии остались с того северного пляжа: стоим на галечном берегу, опираясь на железные крючья, в сапогах и рабочей амуниции, а эта самая эффектная: четыре Аполлона в трусах, закатанных по самое «не балуй», на фоне бревен, реки и уходящего ввысь лесистого берега Вишеры. Картина маслом!

После обеда разбрелись по отмели, разлеглись на солнышке. Мы с Андреем сдвинули пару бревен и устроились на них голова к голове: «— Слушай, а вот так бы стянуть пару стволов и плыть вниз по течению, до самой Перми. Как тебе такое возвращение? — Хорошо бы. Только плыть будешь неделю. А мне на работу выходить. — Да и мне тоже. А вот если подумать, это же наш отпуск, единственный в году. А мы оставшиеся дни считаем, чтобы свалить поскорее. Не жалко, что кончается? — Ни хрена не жалко! Надоело. Домой охота. — А дома что? Опять работа, семейные дела... — Да хоть отмыться, в ванной полежать! А потом завалиться на диван с холодным пивком и смотреть какой-нибудь мерзкий футбол, вроде «Карпаты» — «Пахтакор». А в выходные рвануть на рыбалку. И чтобы спать по-человечески, без этой кровососущей твари. — А меня не сильно тянет. Опять впрягаться. А тут все же разнообразие какое-то. И вот, вроде бы, работа не легкая, и условия не курорт, и жратва убогая, и дожди, и комары эти поганые, а тяжести на душе нет. И чувствую, что запомнится мне это все по-доброму... — С чего бы это? Мазохист, что ли? — Да ты и сам через полгода, в глухом декабре, будешь вспоминать эту шабашку как цветное кино. — Разве что фильм ужасов. — Ну, по-

думай сам: здоровый труд на свежем воздухе — и заработал, и накачался, и даже загорел. А в Сочах этих что? Мещанский отдых, бабий. Валяешься на этом пляже до одурения, как тюлень, среди жирных туш. В море войдешь, а оно мутное, теплое от мочи, плаваешь в нем среди окурков и огрызков. И всюду толпы потного народа, всюду очереди. Противно вспоминать. А здесь места заповедные. Разве по своей воле сюда выберешься? — Упаси боже! — И лето все-таки чувствуешь, а не в конторе сидишь. — Ну и радуйся, пока дождя нет. — А я и радуюсь». И правда, хорошо: солнышко пригревает, ветерок поддувает, ивняком береговым шумит, птица какая-то щебечет, ребята переговариваются, река журчит и плещется... Веки невольно закрываются, тело расслабляется, натруженные мышцы погружаются в сладостную негу покоя... Остановись мгновение, ты прекрасно! Но вот неизбежная команда: подъем! И снова влезать в сырые сапоги, и снова багор в руки, и снова ворочать бесконечные бревна.

Прошло тридцать с лишним лет, а тот северный пляж все стоит перед глазами, среди самых светлых воспоминаний жизни. Казалось бы, что там такого было, тем июльским днем на далекой таежной реке? А ничего особенного, кроме чистой природы, хорошей погоды, молодости и полного умиротворения на душе.

— А я в первые дни даже загрустил: ну и лето! — у костра греемся.

— Да ладно тебе! В этом году, считай, повезло с погодой. Тут, если пару раз за день брызнет — это норма. А если весь день солнечный, это уже не сплав, а курорт. А бывает такое — лучше не вспоминать.

— Нам завтра дождь ни к чему. Завал будем разбирать. Дело, вроде, нехитрое, но с бензопилой по бревнам прыгать — не фонтан. И стоишь на ненадежном, и пилишь ненадежное. Стволы в разные стороны торчат, друг друга зажимают, не ко всякому и подберешься. Гадать надо: где свободно, где заклинило, разбирать по одному. А если пилу в хлысте зажмет — как ее выдернешь? Только вторая пила выручает. Мы на пару с Андрюхой пилим, остальные откатывают. Бывает, что бревна вроде бы зажаты, а как тронешь — прямо под тобой катятся, рассыпаются. Только успевай отскакивать, с пилой в руках...

— Вы там аккуратнее на этих буртах — зашибить может запросто. Тут без случаев не обходится. Даже местные, вроде бы, опытные, а ноги отпиливают. Евсеев рассказывал: через год приезжает, а кого-то из знакомых уже нет — того бревном зашибло, тот утонул или замерз по пьяни. Или с бензопилой поскользнулся на бревнах, покалечился...

— ТБ — святое дело! Это должен знать каждый.

— А чего ты на эту пилу пошел? С нею геморрой один.

— Зато сам себе хозяин. Отдельный фронт работы. Мне здешний коллективизм сразу не понравился — когда пять человек одно бревно тащат. Не поймешь, кто тянет, а кто только крихтит. Сначала не замечал, а потом присмотрелся. Особенно доминошники эти, мордатые...

— Шоферня, блин, собралась. Эту кодлу не зацепишь.

— С баграми ходят, рукоятки отшлифовали, пижоны. А багром разве ухватишь? Сачковский инструмент. Они же летят сразу — чуть сильнее дернешь. Крючья — другое дело — и ухватишь и потянешь. Только вид делают, сачки. Силы экономят, а после ужина — на рыбалку...

— Да ничего они тут не ловят! А без багров тоже нельзя — оттолкнуть от берега или подтянуть. Да и бревна носить — как без багров?

— Места лучшие занимают, жратву первыми получают. От дежурства отлынивают. А в работе их не заметно. Я даже удивляюсь: в столовой орут, ржут, лезут вперед, а на реке их как будто и нет. Бредут где-то в конце, покуривают. И слова им не скажи...

— А ты с ними не связывайся. Они сюда не первый год ездят. Знают, что к чему. Тут оплату начисляют всей бригаде, по нарядам. И в ведомости всем будет по средней. Какая разница, кто пупок рвал? Вот и не лезут из кожи. С начальством не спорят, не высовываются, лишнего на себя не берут, держатся кучей. Конца шабашки ждут.

— А Евсеев, бригадир, не видит, что ли? Жлобов этих.

— Силу их знает. А они тоже ему поддакивают, авторитет поддерживают. Снюхались, блин. Ворон ворону глаз не выклюет.

— А я за чужую спину прятаться не привык. Гришку в первый же день отшил, когда он мне помогать кинулся: тебе что, бревен мало? Помогай тем, кому делать нечего. Может, и обиделся он...

— А тут в одиночку нельзя. Если бревно в канаву закатилось, ты хоть обделайся, а один его не достанешь. Вон они, даже на деревьях висят. А ты, бывает, зарываешься, лезешь не в свои дела. И мне вот замечание сделал, что я зубы неправильно чищу, что надо на ночь...

— Да я про себя говорил! Что толку чистить зубы утром, если через полчаса сядешь завтракать? По-хорошему, зубы нужно чистить после каждой еды. Индийские йоги так и делают. Поэтому у них до старости зубы целые. И чистят не пастой, а хвойной веточкой...

— А выходит, что учишь старших. И в работе тот же коленкор. Вы, блин, инженеры, приезжаете сюда как в лагерь труда и отдыха. Месяц, конечно, можно и выложиться. А люди всю жизнь на такой работе — им пупок рвать зачем? Так что лишнего на себя не бери...

— А что такого? С пилой кто-то должен работать. Когда Евсеев спросил на третий день, кто бензопилу в руках держал, все молчат. А я признался. Отец мне давал «Дружбой» дрова пилить...

— Ну, взялся, это твое дело. А «Дружбу» теперь редко встретишь, их везде на «Урал» меняют. А по мне, она была надежнее. И мощнее. «Урал», конечно, полегче будет. А все равно за день натаскаешься...

— Таскать — это ладно. Тут другое достает: ломается она, зараза. То звездочка полетит, то стартер не цепляет, то карбюратор засорится, то свечи чистим. К механикам с речки не сбегашь, а бригада простаивает, выработки нет...

— То-то и оно. Я эти дела знаю. Бугор вечером спросит: в чем дело? Бензопила не работала. А почему? А кто не обеспечил?

— Вот и возимся с ней. Да и цепи по две-три за день тупятся. Когда возвращаемся, механиков уже нет в мастерской. Люди отдыхают, а мы сидим с Андрюхой — он с карбюратором возится, а я цепи точу...

— Взялся за гуж — не кажи, что не дюж.

— А я и не кажу. Это так, к слову пришлось. Да разберем мы этот завал, хрен бы ему в дышло! Вон, на той неделе затон разбирали, тоже весело было. Команду дали: на берег вытаскивать и — в раскряжевку. А трелевщик подергал полдня, и сломалась лебедка. А без лебедки он не тянет, буксует. Да и водила движок рвать не хочет. Ну и стали пилить прямо на воде, а обрезки вручную выкатывать...

— А как его на воде пилить, без упора? Оно же вертится.

— А вот оказалось — можно. Подтаскивают нам на мелководе, а мы с Андрюхой шуруем. Вода с опилками — фонтаном! Мокрые, конечно, насквозь. А если ствол большой, по пояс в воду заходишь. Там такие чушки попадались — метров по двадцать длинной. Ножа пилы на диаметр ствола не хватало, в два захода приходилось пилить.

— Такую на плаву, может, и ловчее. Ты эдак, по ходу дела, и специальность приличную освоишь. Глядишь, по жизни пригодится...

— Не дай бог! Как говорится, лучше уж вы к нам.

— А мы на той неделе тоже купались, всей бригадой. Разбирали затон в притоке. Его в устье заклинило, а сверху бревен наперло. Я такого, блин, еще не видел — деревянная река. Все русло забито стволами, до самого дна. Эшелоны древесины. Разобрать можно только снизу, с чистой воды. Ну, подогнали глассер, стали тросом цеплять за крайние стволы. А он слабый, глассер этот, вытянуть не может...

— Слушай, я от этих глассеров балдею! Я даже струхнул первый раз, когда моторист на полном ходу на бревна попер. Ну, думаю, впаяем сейчас — хана, лететь будем далеко. А он по ним скользит, прыгает и на чистую воду выходит. А потом крикнул, чтобы держались, поддал газу и на отмель пошел. И через нее перелетел, по песку чиркнул...

— А у них движки в водозаборе стоят. Как у истребителя. И днище плоское. Потому и летают. А тянуть с воды — у него опоры нет, один ствол выдернуть не может. С трелевщиком не сравнить...

— Само собой. Трелевщик, когда лебедку врубит, бывает, по семь хлыстов на стол затаскивает. На дыбы встает, а вытягивает.

— Ясен пень. А тут с берега не прихватишь, на чистую воду надо тянуть. Ну, вызвали катер, он помощнее, стал выдергивать по одному. Ходим по краю затора, трос набрасываем, разбираем помаленьку. И тут замечаю — зашевелилось под ногами. А нас предупредили на этот счет. Там, когда затор пробивает, такие силы освобождаются — бревна в воздух летят. Как спички ломаются. У нас, правда, не летали, но тоже было интересно. Дошли-таки до главного ствола. Выдернул его катер — оно и поперло. Только что стоял на твердом, а тут бревна под ногами расходятся, вертятся — не устоять. Кто был с краю, выскочили на берег, остальных понесло по руслу. А сверху масса прет — уйдешь под бревна — накроет, не выберешься. Волнительный, блин, был момент...

— Главное — не паниковать, не делать резких движений.

— А никто и не дергался. Как учили: провалился в воду — все бросай и хватайся за бревно. А я оседлал сразу два, стянул их крючком и выплыл. Как турист на байдарке, даже не промок. Нас потом катер по течению собирал, как дед Мазай зайцев. Ну, у кого-то багор уплыл, кто-то сапог утопил...

— Да, будет чего дома рассказать.

— Скорей бы. Надоели эти приключения.

— И что, так и живешь один?

— Ну, если б один, сюда бы не поперся. Мне одному много ли надо? Два года уже, как женат. Поболтался пару лет в общаге, сначала вроде свободе радовался — гуляй, не хочу! Бабу-то на ночь найти не проблема. Которые одинокие, они сами к мужику тянутся. Ну, и планы строят, само собой. Но я долго не поддавался...

— Обжегся на молоке?

— Да, блин, на воду долго дул. А потом стала меня тоска забирать. То ли возраст подошел? Да и надоело в общаге, рожки эти пьяные видеть. Там, по большей части, алкаши обретаются. Или молодые, кто еще холостой. Вижу — выбирать надо: спиваться или жениться. Нормальные мужики в семьях живут — что ни говори, а при деле. А я что, хуже других? Короче, сошелся с Татьяной, у нас в ОТК работает...

— А с ней как, родичи не мешают?

— Нет, отдельно живем. Она вдова, муж разбился. Таксистом работал, из аэропорта ехал ночью и уснул за рулем. Вылетел на встречу — и в самосвал...

— Это дело такое. Все под Богом ходим. А живете нормально?

— Нормально. Я ее с дочкой взял. Потому и поехал сюда, деньги нужны. Алименты еще семь лет платить. Но, по мне, это дело святое. Не уважаю тех, кто бегают, прячутся от детей. А мне для Кольки не жалко. Встречался недавно — хороший парень растет. И учится нормально, и музыкой занимается. Эти самые вальсы Шуберта играет.

— Ну вот, видишь, музыка пацану не помеха.

— Может, и так.

С у м и

Олена МИХАЛЕВИЧ***Бо вірю в долю і, таки, люблю...***

* * *

Такий холодний дощ кінцеволистопадний,
Аж ости трав'яні повстали у лугах.
Ридають за теплом тужливо і надсадно
Надірвані листки на льодяних гілках.

Вбираю сірість днів із видихом і вдихом,
Волога пробира крізь шкіру до кісток.
Цей дощ уже давно хотів би стати снігом
І впасти полотном на осені рядок.

Притишу біг думок, замислюсь на хвилину —
Ще вогник у душі палає, не зотлів...
Переживем біду і цю тривожну днину,
Ну а противний дощ перейде й поготів!

* * *

Вечером и звездам легче дышится...
В тишине улавливаю звуки:
Звон хрустальный еле-эле слышится —
Это рвутся ниточки разлуки.

Две души — галактики далекие:
Каждая — безмерно одинока...
Смотрят с неба звезды волоокие,
Им сиять веками, мне — до срока.

Подниму глаза в просторы вечные,
Подпитаюсь силами для битвы.
Мне — пути земные, Богу — Млечные,
А пересекутся в миг молитвы.

* * *

Упало біле зверху на зелене,
 Накрила тиша гучногомінке...
 Ти раптом став уважнішим до мене,
 І щось бринить у голосі п'янке.
 Нас поєднала кришталева тиша —
 Уривком фрази не спаплюжу храм,
 Вандалу-слову шансів не залишу,
 Усе без слів і так відомо нам.

Нехай спочинуть пафосні катрени,
 Весни чекають приспані вірші...
 Несу у жмені сині краплі терну —
 Чогось терпкого хочеться душі.

* * *

Грудневі дні сумні і монохромні —
 Наклав табу на барви сірий лід.
 Байдуже виснуть небеса безмовні,
 Дивляючись у чорно-білий світ.

Замерз на шибці щастя візерунок,
 Бурулькою на вітрі заскоруз,
 Та маємо яскравий порятунок —
 Руденький кіт, оранжевий гарбуз.

Не ставим на палітрі долі крапку,
 Хоч кригою в очах блищить сльоза.
 Тримає всесвіт котикова лапка
 І печений шматочок гарбуза.

* * *

Никто на чифир пустословий не звал,
 Сама напросилась: «Пустите погреться.
 Рубила я рядышком стихоповал
 И вдруг, невзначай, подморозила сердце...»

Открылись засовы: «Ну что ж, заходи,
 Но, должен признаться — очаг мой не тлеет.
 Холодная льдинка в районе груди
 Свой срок отмотала, стучать не умеет.

Я мог бы вернуться в родные края,
 Где пахнет свободой и чайки летают,
 Но, знаешь, откроюсь тебе, не тая,
 В снегах по привычке, на зоне не тают...»

Хлебала напиток с кусочками льда
 И куталась в тоненькое одеяльце,
 Бежали вагоны минут в никуда...
 О кружку тоски отморозила пальцы...

* * *

Воспеваю тебя, верный спутник пожизненный — страх,
 Что подкожно мне вживлен еще в материнской утробе.
 Убаюкаю мнимый покой на дрожащих руках,
 Пронесу на горбу неподъемную тяжесть до гроба.

Липким потом холодным во сне выступаешь на лбу,
 Немотою густою сшиваешь поджатые губы,
 Приковал мою душу цепями сомнений к столбу,
 Пропустил естество через пламя и медные трубы.

Ноги крепко вмурованы в предубеждений цемент,
 Виснет грузом на шее томящего ужаса камень...
 Твой чертовски бездушный расчетливый эксперимент
 Удастся блестяще — я вновь провалила экзамен!

Цепенею пред шелестом тихим святого пера,
 Содрогаюсь от тени, что ангел летящий оставил.
 Надломила меня изнуряющих знаков игра
 Без надежды на ясность, без явных отчетливых правил.

* * *

Надиво щедро уродили сливи,
 Немов чорнилом гілля залило.
 Красуються плоди на все село!
 Розкішний вечір. Осінь. Я щаслива...

Достатньо мала горя і страждань.
 Мабуть, Господь сказав спокійно «ДОСИТЬ»
 І, хоч у коси затесалась просідь,
 Та сповнена найкращих сподівань.

Стрічаю осінь щиро, без жалю,
 Немов свою палку весну останню.
 Я серце відчинила для кохання,
 Бо вірю в долю і, таки, люблю.

Д о н е ц к

Елена САМСОНОВА

БОЛЬШЕ ВСЕГО Я ХОЧУ ПРИТВОРИТЬСЯ НЕ МНОЙ

— И что милая Аленушка делает в Харькове?

— Живу с 2014-го, сразу после отъезда из Донецка, снимаю квартиру, работаю удаленно редактором новостей, люблю французский и хорватский, — призналась она, рассматривая свои стоптанные, но еще симпатичные туфельки-балетки. Тема разговора ей не очень нравилась. В конце концов, это был не обычный мужчина с сайта знакомств, а гость города, которому захотелось посмотреть интересные места. Зачем ему еще раз пересказывать всю биографию, ей самой надоевшую даже? Ее главное желание иногда — вообще забыть, кто она, откуда, чем занималась перед войной, где жила и училась.

— А тебе нравится твоя работа? — большие зеленые глаза смотрели с веселым доброжелательным любопытством.

— Я очень устаю, работаю почти 60 часов в неделю.

— Так это хорошо — все время работать. Если человек не занят, то он начинает заниматься всякой ерундой — пить, пробовать наркотики или спать с кем попало.

Ей захотелось взвыть, а еще — отдохнуть, послоняться несколько дней с утра до вечера бездумно по улицам или лечь в парке на траву и лежать. А он такой красивый, как на картинке, как призрак той нормальной жизни, которую и она сама вела раньше.

— Ну, это твой выбор так жить. Хочешь еще раф-кофе?

Нет, в том-то и проблема, что это не был ее выбор. Ей не повезло родиться в том месте, в то время и не уехать оттуда заранее.

Через несколько дней командировка Саши закончилась, он уехал к своей успешной жизни, друзьям и родственникам. А она со временем почувствовала, что ведь жить так, как она, действительно невыносимо и от такой жизни надо отдыхать. Взяла положенные ей раз в год десять дней, часть сэкономленных за пять лет без отпусков и почти без обновок денег и купила путевку в Хорватию. В Дубровник. Туда, где ей так понравилось перед войной.

К поездке на остров Локрум она подготовилась заранее — взяла коврик, термос с кофе, воду, сэндвичи и персики. Ей хотелось успеть дойти до полуразрушенного форта в дальней от причала части — то, что она не успела сделать в прошлый приезд.

Форт издали понравился Алене больше, чем вблизи: слишком разрушен, а кое-где в уцелевших помещениях оказался мусор. Хотя вряд ли сюда кто-то часто ходил — далеко от причала, нет ни кафе, ни сувениров, ни пляжа. Из любопытства она решила осмотреть все и на задах форта. А вот под той полуразрушенной стеной кто-то лежит. Кажется, женщина. Может, отдыхает?

Алена подошла поближе и замерла. Это было тело, а не беззаботно отдыхающая туристка. Голова незнакомки была повреждена камнем. Серьезно повреждена. Она лежала, как живая, но рука уже успела остыть. Пульса не было.

Алена в протрации уставилась на женщину. «А ведь мы как сестры», — подумала она. Рядом лежала сумочка, в которой оказались паспорт, блокнот, редакционное удостоверение, кошелек и всякие женские мелочи. Елена Витезович родилась в городе Риека, Хорватия, 25 января 1984 года. «Нас зовут похоже, работа похожая, возраст, фигура, только волосы у нее темнее», — задумалась украинка, глядя на свою хорватскую копию.

Тезки оставались вместе до утра. Алена сидела рядом с Еленой, закутавшись в пляжный коврик от ночной прохлады. Война научила ее идее, что самые опасные люди — это живые, а мертвых можно не бояться. Утром она еще раз внимательно осмотрела Елену, хотя понимала, что ошибки нет — мертва. Она похоронила ее там же за фортом, старательно набросав сверху камней, веток и сухих листьев, чтоб ничто не напоминало свежую могилу. Сумочку Елены она унесла с собой и покинула остров Локрум днем, смешавшись с туристами, прибывавшими и отбывавшими на лодках-такси.

...Если у вас есть евро, хорватский паспорт, знание иностранных языков, а родом вы из Донецка, то вам захочется отправиться в Мариуполь. Там много сотрудников разных фондов и миссий с заграничными паспортами. Паспорт гражданки Евросоюза расположит к вам владельцев квартир — вам сдадут все без лишних вопросов. У вас ведь валюта, а не донецкая, прости Господи, прописка. А еще вы так убедительно изображаете иностранный акцент, потому что и правда знаете хорватский.

Алена решила не бросать полностью работу на сайте новостей, а лишь сократить количество часов — ведь запас денег Елены Витезович все-таки не безразмерный и надо его пополнять. Параллельно она зашла в несколько благотворительных фондов и предложила услуги в качестве переводчика с хорватского и французского. В одном из них милая женщина лет 50-ти заулыбалась, увидев иностранку, желающую помочь жителям Донбасса, а потом сказала:

— Нам будет нужна помощь через неделю. Как раз вернется из отпуска наш юрист Александр. Ему попали в руки кое-какие документы и предложения о сотрудничестве на хорватском.

Алена узнала эти зеленые глаза, улыбку и фигуру еще издалека. Уйти или спрятаться было невозможно, она только надела огромные темные очки, надеясь, что они хоть как-то превратят ее в «нашу хорватскую волонтерку». Он вел себе спокойно и деловито. Наверно, не узнал все-таки. Разобранную ими потом кучку документов он аккуратно положил в один из ящиков стола, улыбнулся и спросил: «Может, выпьем раф-кофе, Аленушка?».

— Опростите, не разумем. Шта значи «раф»?

— Я узнал тебя... Только еще не знаю всего, — улыбнулся он...

Х а р ь к о в

Валентин ЩЕРБАНЬ

ЛЕТОПИСЬ ХАРТИЛОНА

Продолжение

ДОСТОЙНАЯ ПЛАТА

Зеленая жидкость бодро перетекала по хитрой системе колб, змеевиков и трубочек. На своем пути она неоднократно вскипала, остывала, проходила через множество веществ и фильтров. Если проследить взглядом в направлении, обратном движению зеленой жидкости, то спустя некоторое время в этих стеклянных джунглях можно было отыскать большой сосуд, возле которого стоял низенький старик в плотной мантии.

Вокруг этого сосуда лежали разнообразные реагенты, каждый в своем сосуде или коробке. Кроме того, совсем рядом находилась трубка, знаменующая конец сложного пути алхимических превращений первоначальной жидкости. На ее конце как раз набухла капля бледно-зеленого вещества, готовая вот-вот сорваться. Заметив это, старик подставил под каплю флакон, на самом дне которого лежала щепоть какого-то серого порошка.

Капля сорвалась и упала прямиком на серую горку. Долю секунды ничего не происходило, а затем смесь приобрела пронзительный голубой цвет.

— А, чтоб тебя! — вскрикнул старик.

Он тут же отскочил от своего рабочего места с поразительной для столь преклонного возраста прытью, одновременно взмахивая перед собой рукой. Воздух вокруг старика едва заметно замерцал.

— Ничего? Неужели получилось? — пробормотал старик, неподвижно простояв несколько секунд.

Он с облегчением вздохнул и уже поднял было руку, чтобы снять воздвигнутый барьер, как во флакон упала вторая капля. Цвет смеси снова изменился, на этот раз на грязно-белый. Старик едва успел это заметить, ведь сразу же после изменения цвета смесь во флаконе взорвалась.

Взрыв оказался достаточной силы, чтобы снести со стола всю сложную конструкцию возгонки. Кроме того, загорелись все бумаги, в которых старик вел записи о ходе эксперимента.

Однако сам старик не пострадал. Его защитил магический барьер, предусмотрительно поставленный еще во время первой реакции в флаконе.

Ругаясь вполголоса старик постарался потушить бумаги. Однако он так и не сумел спасти свой рабочий дневник. Ругаясь уже громче, старый волшебник пнул чудом уцелевшую реторту, валяющуюся на полу. Реторта отлетела к стене и разбилась, не выдержав столь жестокого обращения.

Сокрушенно взмахнув рукой, маг направился к тяжелой дубовой двери, ведущей прочь из разрушенного кабинета. Старика предстояло потратить много времени, чтобы обдумать и понять результат сегодняшнего эксперимента. А еще ему нужно было закупить новую посуду и реагенты. О да, с реагентами была просто беда...

* * *

— Ну что, мальчик, у меня почти получилось. Нужно повторить эксперимент, но на этот раз вовремя остановиться.

Услышав голос своего наставника, пухлый парень лет 12-и оторвался от свитка, над которым корпел все утро. Алхимические символы читать довольно сложно, особенно первое время. Но парнишка хотел как можно скорее разобраться в этом, чтобы участвовать в экспериментах не только устанавливая посуду и принося из хранилища реагенты.

— Это последняя попытка универсального растворителя? — уточнил мальчик.

— Да. Но, к сожалению, не последняя. Когда лабораторию приведут в порядок и я закуплю новую посуду — будет еще одна, — ответил старик, усаживаясь в свое любимое кресло возле рабочего стола.

Рабочее место старого волшебника находилось возле камина. Он был стар даже по магическим меркам, когда срок жизни — вопрос личного могущества. Недавно старик разменял сорок третий десяток лет. И последние несколько десятков лет магия уже не была способна согреть его все чаще и чаще замерзающие кости. Хотя внешне возраст волшебника почти не проявлялся: он выглядел как хорошо сохранившийся поджарый мужчина лет пятидесяти.

Мальчик же сидел у противоположной стены, возле большого окна. Он еще не умел создавать магическое освещение, и потому нуждался в естественном свете. Использовать свечи мальчик тоже не мог: старый волшебник запрещал любой огонь в своем кабинете, помимо камина. Он опасался за сохранность ценных свитков и фолиантов.

Усевшись за свой стол, старик принялся копаться в лежащих на нем бумагах в тщетной попытке найти какие-то сохранившиеся записи о ходе прошедшего эксперимента.

— Эм... А вы не забыли, что у нас закончилась кора риаллита? И лепестков луноцветы скорее всего не хватит, — о состоянии и количестве реагентов мальчик знал куда лучше своего учителя. В конце концов именно он провел не одну неделю в хранилище, сортируя все магические расходники.

— Проклятье! — воскликнул старик, бросая на стол стопку листов. — Алим, ты не мог мне это раньше сказать?!

Мальчик лишь пожал плечами.

— Я говорил. Но вы лишь отмахнулись, потому что как раз начинали проводить эксперимент, — тут в голосе мальчика по имени Алим послышались нотки обиды, — и велели мне идти, читать «Травы Южных Равнин».

— Мда-а... Беда... — протянул старый волшебник, игнорируя последние слова своего ученика.

Достать упомянутые Алимом реагенты было проблематичным делом. Эти растения росли только в Алиасе, самом необычном лесу Хартилона. Они всегда стоили больших денег, хотя населяющие Алиас эльфы поддерживали более-менее нормальные отношения с человеческими волшебниками. Но за последние тридцать лет эти, как и некоторые другие, реагенты просто катастрофически взлетели в цене.

Когда эльфы бежали из Алиаса, добыть оттуда что-либо стало практически невыполнимой задачей. Большинство магов и алхимиков обходились старыми запасами, но несколько вылазок на территорию Леса уже совершали. Первый поход за реагентами прошел легко и успешно, но со второго начались непонятные смерти участников экспедиции. И никто не мог пояснить, из-за чего же умирали люди. Возможно, маги и смогли бы, но ни один из них не проходил Зоны Отчуждения, воздвигнутой эльфийской магией вдоль границы леса. Единственное, что они могли предположить — это воздействие на сознание людей, поскольку число смертей каждый раз было разным, а погибшие не имели практически ничего общего.

Из-за всех этих загадочных ситуаций руководство Гильдии Магов Ревелии, к которой принадлежал старый волшебник, объявило, что не в состоянии помочь своим членам с добычей реагентов из Алиаса. Однако за любую достоверную информацию о нынешнем состоянии Леса и том, что же все-таки произошло, была обещана солидная награда. Впрочем, эльфы тоже наверняка нашли бы чем заплатить за такие сведения. Но связаться с ними было гораздо труднее, чем с Гильдией.

— Ладно, разберемся, — взял себя в руки старик. — Алим, сходи к Кайре, договорись за новое оборудование для лаборатории. Проще заказать все с нуля, а если что-то вдруг уцелело — уборщики все равно ей принесут.

— Да, учитель, — Алим кинул взгляд в окно. Судя по солнцу, время близилось к полудню. Он и не заметил, как быстро прошло время.

Мальчик аккуратно положил на стол свиток, с которым работал и придавил чернильницей место, на котором закончил читать. Ему не хотелось потом заново искать нужное место.

Проходя мимо стола учителя, Алим заметил, что тот водрузил на стол хрустальный шар на бронзовой подставке в виде дерева, оплетающего шар кроной.

— А мне нужно кое с кем поговорить — еле слышно пробормотал старик, впиваясь взглядом в хрусталь.

* * *

Закрыв за собой дверь, Алим направился по ярко освещенному коридору к Залу Расчетов. В этом Зале решались практически все финансовые и им подобные вопросы, возникающие в Гильдии Магов. Кайра, к которой мальчика направил его учитель, отвечала за снабжение волшебников необходимыми инструментами: бумага, пергамент, чернила, перья, одежда, ножи и скальпели, краски — всеми такими вещами заведовала именно она. Благодаря этому волшебники могли не отвлекаться на подобные мелочи и больше времени и внимания уделять своему ремеслу.

Проходя за очередной поворот, спускаясь и поднимаясь по очередной лестнице, Алим который раз поразился устройству здания Гильдии. Само здание было не таким уж и большим, но оно вмещало себе столько помещений и людей, сколько не в каждом хуторе найдется, не то что в одном единственном здании. Один только учитель мальчика занимал пять помещений: две лаборатории, хранилище инструментов и реагентов, рабочий кабинет с персональной библиотекой и спальня. Алим прожил в здании Гильдии уже почти год, и до сих пор время от времени находил новые, незнакомые раньше комнаты.

Сам Алим жил в одной комнате вместе с тремя другими молодыми учениками. До тех пор, пока он не станет полноправным членом Гильдии, своих покоев ему не видать. Впрочем, мальчик не жаловался. Сейчас он все равно жил куда лучше, чем дома.

В Гильдию он попал по чистой случайности. Один из молодых волшебников направлялся из Кимары, в которой находилось здание Гильдии, в Джар. В этом городе была большая община ишшитов, покинувших Топь. А у змеелюдей можно было найти весьма редкие алхимические компоненты. Кто-то из волшебников раз в несколько месяцев обязательно ездил в Джар или Сунд за этими дарами Топи. И вот, возвращаясь в Кимару, этот молодой волшебник заночевал в родном хуторе Алима. Почувствовав в мальчике предрасположенность к волшебству, волшебник предложил ему отправиться вместе с ним. С родителями Алима проблем не возникло, как и во всех подобных случаях. Золотой, уплаченный за одного из шести детей — более чем высокая плата, особенно для семьи из маленького поселка.

Наконец-то придя к дверям, ведущим в Зал Расчетов, Алим остановился. От долгой и быстрой ходьбы он запыхался, и мальчик решил немного прийти в себя. Отдышавшись и утерев со лба маленькие капельки пота, Алим зашел в Зал.

Там, как всегда, царили гомон и беспорядочное мельтешение. С трудом пробиваясь сквозь толпу, молодой ученик волшебника направился к Кайре. Благо, она она была достаточно крупной женщиной, чтобы ее можно было отыскать в толпе без особых проблем. Кроме того, зычный голос Кайры вполне отчетливо слышался даже сквозь общий гвалт.

Когда Алим все-таки добрался до Кайры, она в очередной раз ругалась с кем-то из поставщиков Гильдии. Временами у Алима складывалось впечатление, что ругань и торги занимают все время Кайры, не занятое сном и едой.

— Ну что там еще? — грозно повернулась Кайра, почувствовав, что кто-то одергивает ее за платье. — А-а, это ты, малыш. Сейчас, подожди минутку.

Кайра вновь повернулась к мужчине и продолжила спорить с ним, но на сей раз куда громче, чем прежде.

С самого первого дня появления Алима в Гильдии Кайра испытывала к нему сильную симпатию. Сейчас Алим был самым младшим учеником, года на три-четыре младше большинства. Кайре же было далеко за сорок, и, возможно, при виде Алима она вспоминала своих давно выросших детей. Во всяком случае, с ним она обращалась куда лучше, чем с остальными.

Довольно быстро закончив дела со своим собеседником, Кайра вновь повернулась к Алиму. Ее лицо сразу же смягчилось, лишившись злобно-недовольного выражения.

— Этому старику Найтамиру опять что-то нужно? — спросила Кайра. — Вот только за последний год ни разу его лично не видела. Все время тебя посылает. Совсем замотает, беднягу.

Кайра недовольно покачала головой. Ее не волновал тот факт, что ни один волшебник Гильдии, имеющий ученика, не отправлял к ней запросы лично. А вот то, что так поступал именно учитель Алима, никак не давало покоя управляющей делами Гильдии.

— Нужно, — подтвердил Алим. — Утром в лаборатории произошел взрыв... В общем, учитель просил о новой алхимической посуде. Полный набор, как был раньше.

— О, боги! Если так дальше пойдет, стекольщики Кимары поставят ему памятник. Или откроют отдельный цех, в его честь. И цех этот будет работать только на Найтамира. И поверь, мой мальчик, они не останутся без дела!

Алим не сдержался и тихо прыснул от смеха. В чем-то Кайра была права: за последний месяц это был уже четвертый взрыв в лаборатории Найтамира. Правда, самый сильный.

Внезапно к Кайре подбежал один из ее помощников. Видно было, что мужчина сильно торопился: по пути он довольно грубо расталкивал людей, а прежде чем обратится к Кайре потратил несколько секунд, чтобы привести дыхание в порядок.

— Кайра! Рудь, который представитель кожевников, чем-то сильно зол. Кричит, нас слушать не хочет. Грозится поднять цену. Поговори с ним, а? Тебя-то он точно слушает, — попросил помощник Кайры, справившись наконец с дыханием.

— Вот же... Беда не приходит одна, — пробормотала Кайра. — Иду, Шкалим. Если Рудь начал кричать — я накричу на него громче.

— Кайра! Что мне передать учителю? — одернул женщину Алим.

Уже собравшаяся уходить Кайра остановилась и стукнула себя ладонью по лбу.

— Прости, малыш. Вылетело из головы. Скажи, его лаборатория будет готова завтра вечером.

Не став слушать благодарность мальчика, Кайра последовала за своим помощником. А Алим отправился обратно, в кабинет Найтамира.

* * *

Когда Алим вошел в кабинет учителя, то застал его в весьма дурном расположении духа.

— Эти жадные отродья пьяного болотника не хотят мне помочь! — возмутился Найтамир, увидев своего ученика. — Видите ли, запросы у меня большие, а результата нет!

На секунду Алим пожалел, что зашел в кабинет именно сейчас. Когда старик ругался в полный голос, он был очень зол, и от него можно было ожидать чего угодно.

— Что же теперь? Вы прервете свои эксперименты?

— Ни за что! Я на пороге успеха!

Выкрикивая это, Найтамир был настолько возбужден, что на секунду утратил контроль над своими силами. По кабинету пронеслось несколько магических волн, опрокидывая книги и свитки. Крепкая дверь почти никак не отреагировала, а вот оконные рамы ощутимо задрожали.

— Придется снарядить отряд в Лес, — взял себя в руки старик. — Этим сейчас занимается много кто, проблем быть не должно.

— Тогда вам нужно поторопиться. Полночный луноцвет скоро отцветет, через неделю другую его лепестков уже не собрать, — на всякий случай напомнил учителю Асэль.

— Проклятие! За что мне так не везет?! — чуть не взвыл Найтамир. — У меня сейчас слишком много дел, я не могу отправиться в Алиас! А тут еще сроки поджимают...

Старик откинулся в своем кресле и несколько минут рассматривал потолок, погруженный в собственные мысли. Затем он резко выпрямился.

— Мальчик. Ты отправишься вместо меня. Ты знаешь нужные ингредиенты и сможешь их собрать. К тому же, дорога в Лес гораздо короче, чем к твоему дому. Проблем в пути быть не должно.

— Я поеду в Лес? Собрать для вас реагенты? Правда?! — обрадовался Алим. Наконец-то ему доверят дело, достойное волшебника!

— Да, мальчик. Правда. Те дуболомы, которые обычно отправляются в Лес, ни черта не смыслят в растениях. Они хватают что ни попадя, рассчитывая на удачу, а потом пытаются это продать. Правда, выгодно проданное они обычно запоминают. Но на вид, а не название. Так что в этой экспедиции ты будешь нужен.

Алим никак не мог нарадоваться перспективе. Он будет волшебником, сопровождающим караван! Это было так здорово. Хотя большую часть своего обучения он провел за алхимическими трактатами, несложным магическим приемам он все же научился. Так что мальчик предвкушал возможность в полной мере ощутить себя чародеем. Ну или хотя бы казаться таким для его скорых спутников.

Наблюдая за неподдельной радостью на лице ученика, Найтамир не сдержал улыбки. Когда-то давно он реагировал почти так же, когда ему доверили первое серьезное задание.

— Время дорого, Алим. Иди, готовься к выезду. Я постараюсь найти отряд, готовый выехать уже завтра утром. Чем скорее вы будете в Лесу, тем лучше, — поторопил своего ученика старик.

Алим кивнул и стремительным порывом ветра побежал собирать вещи, которые могли ему пригодиться. Найтамир же дождался, когда за мальчиком закроется дверь, и встал с кресла. Он раскинул руки в стороны и забормотал слова заклинания, сосредоточившись на таверне «Сумрак» — основном месте сбора наемников и прочих искателей приключений в Кимаре.

* * *

На следующее утро Асэль проснулся раньше, чем обычно. Сперва он и сам не сообщил, что же его разбудило. Однако несколько секунд спустя, окончательно проснувшись, мальчик понял, что странный зуд в голове — это не результат того, что он не выспался. Кто-то хотел обратиться к нему мыслеречью.

«Слушаю, мастер. Что-то случилось?» — никто кроме Найтамира не стал бы обращаться к нему магическим способом, так что Алим даже не пришлось ломать голову, кто к нему обращается.

При помощи магии можно было определить «почерк» волшебника, настраивающего канал мыслеречи, и таким образом точно знать, кто же к тебе обращается. Этому Алим научился довольно давно. Он хорошо овладел всеми умениями мыслеречи кроме одного — мальчику пока не удавалось самостоятельно связаться с кем-то. У него не получалось сделать ни самому, ни с помощью какого-либо артефакта, как это делал Найтамир.

«Хватай свои вещи — и быстро во двор. Пора отправляться в Лес» — ответил Найтамир и прервал связь.

Алим тут же соскочил с постели и бросился к сумке с вещами, собранной еще с вечера. Однако мальчик так торопился, что запутался в собственном покрывале, из-за чего споткнулся и задел стол с остатками ужина. Грохот стола и посуды вызвали недовольное бормотание сонных соседей по комнате, и Алим поспешил поскорее выйти.

К счастью для мальчика, выйти из здания Гильдии было гораздо проще, чем что-либо в нем отыскать. Так что спустя несколько минут ученик волшебника уже выходил из ворот и принялся осматриваться в поисках своего учителя. В такую рань, когда солнце только-только встало, двор перед зданием Гильдии пустовал. За исключением одного воза, запряженного парой гнедых лошадей, да группки людей возле него. К ним и направился Алим.

Подойдя ближе, парень заметил еще двух лошадей, вороную и грязно-серую. Сбруя на них предназначалась для верховой езды, а не запряжки в телегу.

Возле телеги собралось четверо человек, кутающихся в теплые накидки. Раннее весеннее солнце еще не успело прогнать ночную сырость. Один из этих четверых был Найтамир, остальных же Алим видел впервые.

В высоком мужчине примерно тридцати пяти лет, опирающимся на борт воза, можно было с первого взгляда узнать наемника. Об этом говорили характерное выражение лица, крепкое телосложение опытного бойца и не менее крепкий пивной живот, слегка округливший плащ спереди.

Возле лошадей стояла не очень высокая женщина с длинной гривой черных волос. Казалось, она не обращала внимание на разговор, который вели Найтамир и наемник. Ей были больше интересны лошади, чьи гривы женщина расчесывала.

Третьим же был юноша, очень похожий на здоровяка-наемника. Он сидел на борту воза позади здоровяка, практически на месте кучера. В отличии от женщины, этот парень с интересом слушал беседу.

Асэль так и не узнал, о чем разговаривали Найтамир и здоровяк. Как раз когда он подошел, эти двое пожимали руки в знак того, что все-таки пришли к согласию.

Приблизившись к фургону, мальчик негромко прокашлялся, чтобы привлечь к себе внимание.

— А, вот и ты. Молодец, быстро спустился, — похвалил его старый маг. — Не будем терять время, верно? Вам пора в путь. Алим, познакомься со своими спутниками. Карг, Дана и Трим, — здоровяк, женщина и юноша поочередно кивнули головой.

«Какие интересные имена. Хотя, может, это и не имена, а прозвища? Они ведь наемники. Могут назваться как угодно» — подумал ученик волшебника, рассматривая лица своих будущих спутников.

— Господа, этот мальчик — Алим, мой ученик, — на этот раз кивнул Алим. — Ну что ж, раз вы познакомились — можно и отправляться, верно? К чему тянуть?

— Твоя правда, маг. Ни к чему, — согласился Карг. Он подошел к оседланным лошадям и одним ловким движением взлетел в седло.

Алим не сразу поверил своим глазам. Ему казалось, что габариты Карга должны мешать здоровяку нормально двигаться.

— Не зевай, мальчик! Полезай в телегу, составишь компанию Триму, — крикнула из седла Дана.

Алим покорно подошел к возу сзади и забрался в него, опершись на специальную приступку. Ему было не привыкать ездить в таких телегах: на точно такой же он ездил на полевые работы и ярмарки у себя дома. Пройдя вдоль телеги, мальчик сел на скамье сразу за спиной возницы — Трима. Сидя таким образом, он смотрел против хода движения. Усевшись, Алим увидел отдаляющуюся спину своего учителя. Найтамир не хотел тратить время на долгие прощания.

— Эй, парнишка. Если хочешь — можешь поспать. Там под лавкой есть одеяла, — Трим хлопнул Алима по плечу, привлекая внимание. — Я бы и сам с удовольствием поспал, но нужно ведь и лошадьми править, — добавил юноша, сильно зевая.

— С удовольствием, — ответил Алим, повторив зевок. — Спасибо.

В ответ Трим лишь махнул рукой. Он поудобнее перехватил вожжи, и хлестнул лошадей. Недовольно фыркнув, лошади двинулись медленным шагом. Карг и Дана ехали чуть впереди. Расстелив одеяла, Алим заснул едва улегся.

* * *

Когда Алим проснулся, солнце уже поднялось в зенит. Сев, мальчик принялся озираться. Вокруг простиралась огромная равнина. Дороги как таковой не было, но широкие колеса воза позволяли ехать по твердому грунту практически так же, как и по дороге.

Лошади Карга и Даны, привязанные за удила к заду телеги, мирно шли по колеям, образованным в траве колесами. Сами же наемники сидели на скамье, прибитой вдоль одной из стен телеги. Присмотревшись, Алим увидел, что они играют в карты.

— О, ты проснулся, — Трим, сидевший на месте возницы, оглянулся на шорох, с которым Алим выбирался из-под одеял. — Давай ко мне, малый. Довольно скучно тут сидеть, когда половина того, что ты видишь — конские задницы.

Недолго думая, Алим принялся перебираться через борт телеги. Все равно нужно было как-то убить время, пока они добираются до леса. Так почему бы и не занять себя разговором?

— Эй, мальчик! — Дана отвлеклась от игры и окликнула Алима. — Из тебя вышел бы отличный воин — спишь, как настоящий солдат!

Карг громко захохотал, и, не переставая смеяться, сделал свой ход в игре. Дана тут же потеряла интерес к Алим и принялась внимательно изучать карты, думая над ответным шагом. При этом она что-то тихо бормотала. Алим решил, что не хочет вслушиваться.

Усевшись на козлах возле Трима, Алим попытался высмотреть впереди лес Алиас. Но яркое солнце слепило глаза, и козырек из ладони ничем не помог.

— Видишь во-он там, почти на горизонте темное пятно? — спросил Трим, наблюдавший за действиями мальчика. Дождавшись кивка, он продолжил:

— Это место называют Границей, или Зоной Отчуждения. Это мертвая территория, она тянется вдоль всего Леса. Шириной километр-два, где как. Говорят, ее наколдовали эльфы, когда бежали отсюда. Мол, эта зона — барьер от того, что выгнало этих длинноухих из Леса.

Алим тоже слышал о чем-то подобном. Эльфы мало говорят о том, почему ушли из своего дома. Некоторые, поддерживающие связь с человеческими волшебниками, утверждали, что не помнят день Исхода. Эльфы говорили, что помнят только чувство ужаса, которое пропало вне территории Леса. Как это ни странно, но маги из числа людей не сильно спешили исследовать Алиас и воздвигнутый вокруг него барьер. Так что даже нельзя было точно сказать, действительно ли что-то сдерживает это ужасное нечто, изгнавшее целый народ из их исконной территории.

— Мы будем там уже сегодня?

— Не совсем. До темноты мы должны добраться одного места, в паре километров от Границы. Там можно спокойно переночевать перед тем, как соваться в Лес, — ответил Трим. Последняя его фраза прозвучала как-то странно. Юноше явно не хотелось оказаться в Алиасе ночью.

— А вы часто ездили в Алиас? — принялся расспрашивать Алим. Ему были интересны эти люди, не боящиеся бросить вызов неизвестному ужасу.

— Не надо «вы», парень, — рассмеялся Трим. — Я не намного тебя старше.

Возможно, Алим показалось, но сзади, со стороны игравших Карга и Даны, тоже донеслись смешки. Наемники не сильно привыкли к каким-либо правилам обращения между собой. Они и к нанимателям-то не всем обращались с должной мерой уважения, что уж тут говорить о своих.

— Я в Алисе второй раз буду, — все же ответил молодой наемник. — А те двое, — тут последовал кивок в сторону игроков, — третий. Они раньше несколько раз работали вместе, в наемничьих отрядах. Один раз их направили в Алиас. Ну и им понравилось зарабатывать легкие деньги на продаже всяких трав. Нашли как-то заказчика из тех, что торгует с Гильдией вашей, ну и взяли меня с собой. А теперь вот учитель твой нанял.

— А ты-то им зачем? Почему не сами в Лес поехали?

— Так для них все растения одинаковы! Я, конечно, не травник, но пояснения заказчика более-менее понимаю. Да и то, что мы собрали в прошлый раз, хорошо запомнил. Теперь не будем брать то, что продать не смогли, — пояснил Трим.

Так и прошел остаток дня. Большую часть времени Алим разговаривал с Тримом. Он пытался поговорить и с остальными спутниками, но быстро робел и беседы получались скомканными.

Трим рассказал о предыдущей поездке и о том, что решил научиться травничеству. Мол, раз все равно занялся торговлей травами, было бы полезно хорошо в них разбираться. Алим же в свою очередь вкратце рассказал о том, каково ему быть учеником волшебника.

Незадолго до темноты путешественники добрались до места, которое наемники приметили еще в свою прошлую поездку. Оно было и впрямь хорошим для отдыха: небольшой родничок своим журчанием создавал ощущение уюта.

Наскоро поужинав, путники с удовольствием растянулись на земле. Уставшие от непрерывной тряски, все четверо быстро уснули. Им стоило хорошо отдохнуть этой ночью: завтра путникам предстояло войти под сень покинутого Леса.

* * *

Алиму было довольно забавно наблюдать, как троица наемников собирает травы. После того, как путники проехали Зону Отчуждения и попали на территорию Алиаса, некоторое время все были настороже. Но никакой опасности так и не заметили, и, с облегчением выдохнув, принялись за дело.

Карг и Дана отвязали от своих седел пустые мешки принялись ходить по лесу, набивая их практически всем, что попадалось по пути: травы, цветы, ветки с ягодами. Заполненные мешки складывались на телеге.

В это время Алим и Трим собирали реагенты, за которыми и приехал ученик волшебника. Никаких проблем не возникло с поисками риаллита: высокого, стройного дерева с густой, но маленькой кроной. Если смотреть издали, то риаллит напоминал кисть для рисования, воткнутую в землю.

— Ни за что бы не подумал собирать в этом лесу еще и кору деревьев, — заявил Трим, с трудом отдирая от ствола солидный кусок коры.

— Теперь будешь знать. Кора риаллита полезна в двух видах: старую и высохшую перетирают в мелкий порошок, а из молодой, которая была близко к стволу, делают отвар. Причем эти вещества будут обладать совершенно разными свойствами, — пояснил Алим, аккуратно срезая молодую кору.

— Спасибо, буду знать. В следующий раз этой коры точно наберем. Такое дерево ни с чем не перепутаешь.

Набрав достаточно, юноши оставили риаллит в покое и отнесли свою добычу к телеге. Затем Алим принялся за поиски полуночного луноцвета. И вот здесь уже возникли небольшие трудности.

Долгое пристальное всматривание в растения принесло свои плоды: Алим наконец-то нашел то, что искал. И заодно объяснил Триму, что же он выискивал:

— Видишь вот этот цветок? Нет, тот, который не раскрылся. Вот это может оказаться тот, что мне нужен. А может и нет. Луноцвет — растение-паразит. Он паразитирует на кровянке. Семена луноцвета, попав на кровянку, встраиваются в нее. И в итоге на одном растении могут зацвести два разных цветка. Кровянка зацветает как раз тогда, когда отцветает луноцвет. Так что одновременно их не увидишь. А вот бутоны у них формируются одновременно. И выглядят эти самые бутоны одинаково.

— И как тогда определить, что нам нужно? Если бутоны одинаковы? — растерялся Трим.

— У луноцвета не зря такое название — улыбнулся Алим. — Он раскрывается под светом луны, а утром опять закрывается. Должно быть, это любимый цветок Оэ. Ведь все остальные цветы поступают наоборот. А луноцвет радует взор богини Луны.

— Ты хочешь дождаться здесь ночи?! — похоже, Триму не очень понравилась эта идея.

— А что поделать? По-другому луноцвет не определишь. Кстати, он безумно дорогой. Четыре бутона — один золотой. Именно потому, что его мало кто может определить и еще меньше кто решиться сорвать.

Услышав про стоимость луноцвета глаза Трима округлились до размера той самой золотой монеты. Сдавленно выдохнув, он окликнул остальных наемников. Когда те подошли, юноша объяснил им ситуацию.

Реакция Карга и Даны была почти такой же, как у Трима. Им также не понравилась идея встретить ночь в Алиасе. Но возможность хорошо заработать заставила их задуматься.

После недолгого совещания Карг подвел итог:

— Знаешь, парень, мы вообще-то планировали уехать отсюда около полудня. Все знают, что всякая нечисть боится взора Солнцеликого Тана. Поэтому мы и хотели уезжать тогда же, когда и солнце начнет уходить. Но эти твои цветочки... Поверь, мне доводилось рисковать своей шкурой и за меньшие деньги. Так что я точно останусь с тобой и после выведу тебя из Леса. Для этого меня и нанимали.

Дана и Трим тоже не собирались оставлять своих спутников. В итоге четверо путешественников остались около того места, где Алим нашел кровянку и луноцветы. И чем ближе приближалась ночь, тем беспокойнее люди всматривались в окружающие заросли и вздрагивали, заслышав громкий шелест.

Часа за два до заката задремавший было Алим внезапно встрепенулся.

— Что это было? Такое странное чувство...

Наемники непонимающе посмотрели на мальчика. Они ничего не чувствовали. Да и ничего необычного так и не услышали и не увидели.

Присмотревшись к Алим, его спутники занервничали. Казалось, что мальчик не совсем проснулся. Его глаза были полуприкрыты, а взгляд бегал по сторонам, не в силах сфокусироваться.

— Кто-то... зовет меня... Словно мыслеречь, но... никто в Гильдии так не зовет...

Бормоча эти слова по кругу, Алим слез со скамьи, а затем и с телеги. Едва он коснулся земли, глаза Алим широко распахнулись и он замер.

— Эй, парень? Что с тобой? — позвала молодого волшебника Дана. — Алим? Ты меня слышишь?

Не дождавшись ответа, наемница спрыгнула с телеги вслед за мальчиком. Стоило наемнице протянуть руку и коснуться лба Алима, как он тут же дико вскрикнул, а затем повалился на землю.

— Проклятье! Он холоден, как ледышка! Карг, помоги поднять его! К демонам этот луноцвет и это золото, лучше возвращаться.

Поколебавшись всего секунду, Карг велел Триму разворачивать телегу к выходу из Леса. Сам же здоровяк спустился на землю к Дана и Алим. Но поднимать мальчика не пришлось. Алим встал сам. И снова замер. Решив не тянуть время, Карг собрался закинуть Алима на плечо и вместе с ним забраться обратно на телегу.

Однако сделать этого у наемника не получилось. Он успел только протянуть руки, а затем тоже замер. Непонятно откуда возникший страх ледяными оковами сковал Карга. Казалось, что ужасом пропитался сам воздух. С каждым новым вздохом в голове наемника со скоростью молнии пролетали все страхи и кошмары, которые он когда-либо испытывал.

С трудом переведя взгляд, Карг увидел лица своих товарищей и понял, что они испытывали тоже самое, что и он.

Подобное казалось невозможным, но чувство страха все продолжало нарастать. Ужас заполнял собой все мысли. Когда в голове уже не оставалось ничего, кроме кошмаров, разум был не в состоянии работать. И тогда практически одновременно произошли события, разрешившие судьбу охотников за ресурсами леса Алиаса.

Обуянные страхом лошади сорвались со своих мест, побежав куда глаза глядят. Кони Карга и Даны бежали куда-то в Лес, лишь бы подальше от неведомого источника ужаса. А запряженные в телегу лошади устремились прочь из Алиаса, куда их направил Трим еще до того, как страх поглотил собой людей и животных.

Непослушное, скованное страхом тело Трима не удержалось на месте возницы и юноша кубарем полетел в телегу, угодив прямо на мешки с собранными травами. Возможно, болевой шок и неожиданность помогли ему слегка прийти в себя. Во всяком случае, Трим нашел в себе силы обернуться. И он жалел об до конца своей жизни.

Уносясь прочь из-под губительных крон Алиаса Трим видел, как молодой ученик волшебника, объятый неким светло-голубым сиянием, приподнялся над землей буквально на ладонь. Застыв в воздухе, Алим издал дикий вопль. Пока он кричал, вокруг него стремительно распространялась волна холода, скывающая в лед все, чего касалась. За долю секунды стоящие рядом с Алимом Карг и Дана обратились в ледяные статуи. Чуть погодя та же судьба постигла окрестные травы, кусты и деревья.

Триму казалось, что сейчас волна холода доберется и до него. Но кольцо мороза застыло где-то в семи-восьми метрах от мальчика. Вопль Алима затих, и тут же он сам обратился в лед.

Отъехав от места катастрофы на приличное расстояние, Трим почувствовал, что вновь может управлять своим телом. Он поспешил отвернуться от Леса и перебраться обратно на место возницы. Погоняя и без того спешащих лошадей, юноша пытался сбежать. Однако ему так и не удалось сбежать от картины маленького ледяного тела, упавшего на землю. Высота была совсем маленькой, но все же при ударе лед разлетелся множество маленьких осколков.

* * *

В Ливаре, маленьком хуторе вдалеке от крупных дорог, практически никогда ничего не происходило. Да и что могло случиться в месте, самом дальнем от цивилизации? Дальше Ливара не было ничего — только покинутый лес Алиас. Но однажды и в этом хуторе случилось нечто необычное.

Одной холодной весенней ночью, практически перед рассветом, в него въехал воз, запряженный парой лошадей. На козлах сидел истощенный юноша. Остановившись у местной корчмы, он даже не потрудился распрячь лошадей. Пошатываясь, молодой человек зашел в зал. В этот час корчма уже пустовала, и лишь корчмарь дремал у камина.

Юноша с грохотом сел за ближайший к камину стол и потребовал пива. Сперва корчмарь хотел выкинуть наглого юнца прочь, но что-то его остановило. Выражение лица странного посетителя пробудило в корчмаре любопытство. Он никогда не видел такой отрешенности у столь молодого человека.

Корчмарь принес две самые большие кружки пива, которые только нашел, и поставил их перед юношей. Не успел корчмарь сесть рядом и задать хоть какой-либо вопрос, как юноша на одном дыхании выпил первую кружку и потянулся ко второй. Он сделал еще пару глотков и только тогда остановился. Лицо юноши моментально покраснелось, а в глазах появился легкий блеск. Алкоголь мгновенно подействовал, опьянев истощенного юнца.

Держа кружку в руках, юноша стал что-то бормотать. Постепенно он говорил все громче, пока не перешел на крик:

— Умерли... они умерли. Трава, золото... Зачем это все? Зачем это мертвым?! Что, их жизни — это достойная плата?!

Продолжение следует

К р а м а т о р с к

Карина АУЛОВА***В сердце вливаешь солнце***

* * *

НЕИЗВЕСТНО КОМУ
 НЕИЗВЕСТНО ЗАЧЕМ
 НЕИЗВЕСТНО ПОЧЕМУ
 Я ГОВОРЮ СЛОВА
 А ОНИ ОТСКАКИВАЮТ ОТ СТЕН
 И ВСЕ ЧТО Я СЛЫШУ
 ЭТО БЕСКОНЕЧНОЕ
 ЭХО-
 ЭХО-
 Эхо-
 эхо...

А не все ли равно далеко или близко?
 Будь за сотен веков или миль небо линзой
 Мне послужит еще. Оно все о нас знает.
 И хоть в море плыви или будь в Гималаях,
 Мы взойдем в облака, и одно будто остров
 Станет, словно для нас, за тоской нуминозной,
 За пределы планет, за пределы Вселенной,
 Там, где божья ладонь пыль астральную сеет,
 Где звучит перевозчик и гудит контрабасом,
 Где свиданья времен. Там, где Tabula rasa.

* * *

Я серебристым лунем в воздух осенний взмою.
 Станет мне тело луком, станет душа стрелой.
 Что ты глядишь уныло, лунная неба прорубь?
 Я занырну и стану снова сама собою.

ГОЛОГРАФИЯ

Рушатся небоскребы
 Мысли моей сейсмичность.
 Горы уперлись в небо
 Неба. Слова — отмычки

Всех чердаков, подвалов,
 Комнат, замкóв и зámков,
 Новые для Икара
 Крылья готовы, завтрак
 Тоже готов из света
 Звездного. Видишь, милый,
 Это летит комета
 С вестью о Новом мире.

* * *

Мне кажется, я все знаю,
 Вот только забыла всё.
 Раскачиваю, качаю
 Собой эквilibр весов
 Всезнания, что пыльцою
 Для многих осядет в пыль,
 Не золотом. Я не скрою
 Сгораю, я лишь фитиль,
 Дающий огню дар речи
 Сквозь время. Я путь, я — нить:
 Сгораю. Смеются плечи
 Весов: «Тебе вечно жить».

* * *

Всей поверхностью этой комнаты
 Ощущаю тебя и чувствую.
 Ты внезапный мой страх и обморок,
 Лучик света сквозь щелку узкую
 Врат моих сновидений временных
 В этом мире; потусторонняя
 Сила мысли у вдохновения —
 Бесконечная ты история,
 Моя песня виолончельная,
 Моя память застывшей древности.
 Ты был самой священной верою.
 Ты был самой крамольной ересью.

КОНСТРУКТОР

Здравствуй, Солнце! Здравствуй, Утро!
 Развалившийся конструктор
 Мозга — это мне знакомо.
 Стылый город, впавший в кому.
 Буквы, буквы — россыпь мака —
 Ночь, живущая в бумаге.
 Рухлядь зданий, мыслей рухлядь.
 Веки города опухли

От бессонных сновидений!
 То ли место? То ли время?
 Зубы — клавиши. Ну что же?
 «Героическую» сможем?!
 В горле — флейты, в горле — трубы —
 Я схожу с ума — прилюдно....

Развалившийся конструктор —
 Мозг и город! Здравствуй, утро...

* * *

Капли звезд — молоко,
 Вера стала нам выменем
 (Знаю, как нелегко
 Жить без бога и имени,
 Как Земля хранит шрам
 За людей — в каждой трещине).
 А мы верим — в слова!
 Но не названо Вечное.

* * *

В сердце вливаешь солнце —
 Желто-прозрачный сидр.
 Что еще остается?
 Меряю, как клепсидра,
 Время. И пластилином
 Медленные минуты
 Мне прибавляют силы
 Ждать, что наступит утро.

* * *

Я черпала в колодцах жизни —
 Вынимала пустые ведра.
 Я смотрела и вверх и снизу,
 В ясно небо и в тень болота.

И пройдя весь свой путь сначала,
 Я себя не узнала снова.
 У дверей, будто зверь, кричала,
 Но не видела рядом дома.

Германия

Эмилия ПЕСОЧИНА**ПРИЗВАНИЕ ПРОФЕССОРА ШУСТИКОВА**

В тот самый год, когда Украина начала как-то выкарабкиваться из унесшего миллионы жизней Голодомора, когда началась для одних счастливая, для других смертельная пора, позже названная «довоенной», на Слобожанщине, в уже переставшем быть столицей Харькове, у инженера Ивана Шустикова и его жены Александры родился сын. Ему дали имя Валентин. Дитя росло в любви, заботе и благополучии. Иван Митрофанович частенько играл на рояле, и в доме звучали песни. Мальчик легко схватывал и воспроизводил мелодии, хотя его специально никто этому не учил.

До школы оставался один год, когда семейное счастье кончилось. Началась война. Отец ушел на фронт и в декабре 1941 года погиб под Москвой. Александра осталась одна с двумя детьми (старшей дочери едва исполнилось десять лет). К городу подступали немцы. Люди штурмовали поезда, стремясь покинуть Харьков. Вот как об этом рассказывает сам Валентин: «Мама не собиралась эвакуироваться, она боялась за нас и страшилась самого факта эвакуации.

Но неожиданно приехал на машине родной брат отца Степан. Мы очень быстро собрали самое необходимое, и всех нас погрузили в грузовую машину и отвезли на вокзал. Затем нас усадили в товарный вагон и отправили в далёкий путь, чреватый опасностями. Но едва эшелон отбыл из Харькова, как его под Люботином разбомбили, но мы уцелели. Возвращались домой налегке, хорошо, что не было вещей. Открыли квартиру своим ключом и стали ждать неизвестности».

Вскоре в город вошли немцы. Потянулись страшные дни оккупации. Заботы о семье легли на плечи молодой вдовы. Она ходила на «менку», то есть обменивала в сёлах свои вещи на продукты, боролась за существование, как могла и, в конечном итоге, спасла своих детей.

Когда окончилась война, Александра помогла сыну и дочери получить образование. Валентин окончил Харьковский политехнический институт по специальности «технология органических веществ». Вся дальнейшая его профессиональная жизнь была посвящена этой отрасли. Погибший отец мог бы по праву гордиться своим сыном, сделавшим блестящую карьеру: кандидат, затем доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Инженерной академии Украины, руководитель отдела известного на всю страну института, а позже — заведующий кафедрой в родном ХПИ, автор статей и монографий. Под руководством Валентина Ивановича были защищены десять кандидатских и три докторских диссертации. Он награжден орденом и пятью медалями за научные заслуги.

Конечно, в Украине найдется достаточное количество учёных со славными биографиями. Но профессор Шустиков — особый случай! И вот здесь мне вспоминается стихотворение поэта Льва Кропоткина:

Погружаясь ночами зимними
В голубые, как сон, века,
Знаменитый профессор химии
Пишет арию Кончака.

Конечно же, здесь речь шла о «знаменитом профессоре химии» и не менее знаменитом композиторе Александре Порфирьевиче Бородине (1833-87 гг.), подарившем миру известнейшую оперу «Князь Игорь», симфонии, чудесные романсы и входившем в состав великолепной «Могучей кучки». Он начал с любительского увлечения музыкой, но

занял достойное место в мировой музыкальной элите. При этом Бородин никогда не оставлял активную научную деятельность, заведовал кафедрой химии в медико-хирургической академии, а в 1861 году совершил открытие в области неорганической химии. Два ярких таланта существовали в этой выдающейся личности параллельно и никак не мешали друг другу.

То же самое можно сказать и о герое нашего очерка. Привыкший с раннего детства к музыкальной атмосфере, Валентин, становясь старше, всё больше тянулся к музыке. В послевоенные годы было не до педагогов, и подросток сам, без посторонней помощи, научился игре на гитаре и рояле. А еще он лихо наяривал на двухрядной губной гармошке, пока её кто-то не умыкнул. Паренек был, что называется, «слухач»: запоминал и в точности воспроизводил любую песню, как голосом, так и на музыкальных инструментах. Настала пора студенчества, и тут слава накрыла «Валяна-слухача» с головой, ибо его популярность как исполнителя песен и аккомпаниатора в студенческом клубе родного Политеха не знала границ. Вскоре Шустиков стал сам сочинять песни, от которых молодая публика приходила в восторг.

Времена менялись, годы студенчества остались позади, появились семья, дети, а позже — внуки и правнуки. Профессиональная карьера складывалась более чем успешно. Но увлечение музыкой ничуть не ослабевало. Наоборот, Валентин всё больше времени отдавал своему второму призванию. Когда наступила эра компьютеров, он овладел нотной грамотой и стал записывать свои песни на нотном стане с помощью компьютерных музыкальных редакторов. Их исполняли и участники художественной самодеятельности, и профессиональные певцы. Вокруг Шустикова возникла целая «тусовка»: музыканты, певцы, поэты, искусствоведы... Талантливый самоучка не останавливался на достигнутом и шёл вперёд! Были написаны два музыкально-поэтических концерта: на стихи Шандора Петефи «В сто образов я облекаю любовь» и на стихи Гёте «Сегодня, двести лет назад». Последний, гётевский цикл выдержал четыре сценических постановки, причем исполнителями были профессионалы оперы и оперетты. Профессор Харьковского музыкального училища Галина Артёмовна Смаглий говорила о Валентине Ивановиче, что он «поцелован Богом», и именовала «преступником», так и не получившим музыкального образования. Шесть мелодий Шустикова она опубликовала в своем учебнике сольфеджио в качестве иллюстрационного материала, и теперь их разучивают студенты.

В общей сложности Валентин написал около пятисот песен и романсов. Нередко он исполнял свои произведения в стенах замечательного Харьковского клуба песенной поэзии имени Юрия Визбора и вскоре стал среди бардов своим человеком. Там мы с ним и познакомились.

Однажды Валентин пришел на мой творческий вечер (я ежегодно приезжала из Германии, читала на сцене родного клуба свои новые произведения и — часто впервые — слушала песни, написанные друзьями-бардами на мои стихи). Через неделю Шустиков попросил о встрече и вручил мне нотные записи песен, созданных им на стихи из моего нового поэтического сборника. В следующий мой приезд новый соавтор уже самолично принял участие в концерте, и песни прозвучали со сцены в его блестящем исполнении.

Потом жизненные обстоятельства, времена и расстояния привели к многолетней паузе в наших контактах. Но «...ничто на земле не проходит бесследно...». Однажды мы обнаружили друг друга в интернете — и всё вернулось на круги своя. Появились новые песни, написанные то в стиле ретро или поп-музыки шестидесятых, а то и роковые композиции. Валентин Иванович успешно экспериментирует в разных жанрах, и его задушевные мелодии и исполнение пришлись по вкусу многим слушателям в разных уголках планеты. Среди читателей моей поэзии появились горячие поклонники творчества Шустикова. Они нередко называют его «Вертинским нашего времени».

Вот так и работаем. Один автор в Украине, второй — в Германии. Но песни рождаются и звучат на всех континентах. А удивительный человек Валентин Шустиков щедро дарит свой огромный талант людям и не сдаётся ни возрасту, ни болезням! Я получаю новые песни и каждый раз молчаливо восхищаюсь драгоценным даром моего соавтора и преклоняюсь перед его мужеством и волей. Многая благая лета желаю я Валентину Ивановичу и многих новых совместных произведений нам обоим! Bravo-брависсимо, маэстро!

Г О Р О Д А

Р о с т о в - н а - Д о н у

Ольга АНДРЕЕВА

Не устаю влюбляться в города

* * *

Я полагаю, бог живёт в Одессе
и по утрам один выходит к морю,
чтоб солнце встало, несмотря на войны,
шторма и катастрофы во вселенной,
пока друг в друга целятся Дантесы,
пока считают — с нами это можно —
друг друга мирно подрезают волны,
благоухает ночь самозабвенно.

Скажу сегодня городу и морю —
стопа тоскует по твоей брусчатке,
а глазу сухо без волны искристой
и скучно без изгибов и лепнины,
ажурных крыш, мостков, уютных моллов,
когда опять запросит мозг пощады —
сбегу туда, где зелено и чисто,
где есть штрихи, нюансы, память, книги.

Конечно, здесь — в бутонах ранних улиц,
где площадь распускается несмело,
в листах и во дворах, в случайной фразе —
я здесь дышу — уже не задыхаюсь.
Со мной всё ясно, я пошла на убыль,
на место духа прирастает тело,
но ум да разум не даются разом,
а бесов можно распугать стихами.

Он здесь живёт — где музыка рождается,
где статуям кивают светофоры,
где в перспективах сладко быть бродягой,
где зыбок свет, дрожащий над веками.
Равно свободны от идей, традиций —
тот не утонет в луже, в ком есть море,
по улице, к рассвету восходящей —
как по лучу... Излечит белый камень,

срастётся всё, и город держит нежно
 меня в своих ладонях, как Венеру,
 шаги едва касаются брусчатки,
 пора отдать концы и взять начала.

ПИТЕРСКОЕ

Я привыкаю мыслить островами,
 каналами, канавками, мостами,
 фонтанами, заливом, рукавами,
 я привыкаю долго, неустанно
 бродить и растворяться в перспективе,
 прозрачно ротозейничать в музеях,
 львам расплетаю каменные гривы,
 перебегаю новенькие зебры
 на красный свет, на свет под куполами,
 под своды крыш привычно многолюдных,
 под сень того, с печальными крылами
 немного ангела, которому нетрудно
 держать седое небо Петербурга
 так высоко, так низко, так тревожно,
 скрепляя хрупкой женскою фигуркой
 всё то, к чему привыкнуть невозможно.

* * *

Этот город* накроет волной.
 Мы — не сможем... Да, в сущности, кто мы —
 перед вольной летящей стеной
 побледневшие нервные гномы?
 Наши статуи, парки, дворцы,
 балюстрады и автомобили...
 И коня-то уже под уздцы
 не удержим. Давно позабыли,

как вставать на защиту страны,
 умирять и врага, и стихию,
 наши мысли больны и странны —
 графоманской строкой на стихире.
 Бедный город, как в грязных бинтах,
 в липком рыхлом подтаявшем снеге,
 протекающем в тонких местах...
 По такому ль надменный Онегин

возвращался домой из гостей?
 Разве столько отчаянья в чае
 ежеутреннем — было в начале?
 На глазах изумлённых детей
 под дурацкий закадровый смех
 проворонили землю, разини.
 Жаль, когда-то подумать за всех
 не успел Доменико Трезини.

* Санкт-Петербург

Охта-центры, спустившись с высот,
ищут новый оффшор торопливо,
и уже нас ничто не спасёт —
даже дамба в Финском заливе,
слишком поздно. Очнувшись от сна,
прозревает последний тупица —
раз в столетье приходит волна,
от которой нельзя откупиться.

Я молчу. Я молчу и молюсь.
Я молчу, и молюсь, и надеюсь.
Но уже обживает моллюск
день Помпеи в последнем музее,
но уже доедает слизняк
чистотел вдоль железной дороги...
Да, сейчас у меня депрессняк,
так что ты меня лучше не трогай.

Да помилует праведный суд
соль и суть его нежной психеи.
Этот город, пожалуй, спасут.
Только мы — всё равно не успеем.

КОМАНДИРОВКА

Сегодня самый жаркий день в году,
и проведу его я — в Краснодаре,
в лимонно-сингапуровом бреду,
в фонтанном и каштановом угаре,
в ударе солнечном, ни разу облака
не взволновали даже тени птичьей,
день будет бесконечен, а пока
несётся скоростная электричка.

Не устаю влюбляться в города,
хотя в мужчин влюбляться перестала.
Ликует парк у летнего пруда,
трамваев звон, деревьев карнавалы...
Но что до новостроек наших дней —
жизнь украшать сегодня нет резона,
и я не знаю, есть ли что страшной
архитектуры улицы промзоны —

ангары, трубы, неживой забор
не оставляет никаких иллюзий,
на мир наброшен временной забор,
как волосы нечёсанные — в узел,
колтун немытый — некогда, спешим
купить-продать-купить-продать с наваром.
...Нельзя ж минут на сорок с небольшим
опаздывать туда, куда не звали...

Убили дерево — мешало проводам.
Нестарый десятиметровый тополь.

Кайма на срезе — талая вода,
 внутри — живой и светлый... Автостопом
 я проберусь к развилке столбовых,
 где сохнет на ветру подобье парка.
 ...Перетрудила мышцу головы.
 А может быть, и правда, слишком жарко

* * *

Алупка — улочки такой нелепой лепки,
 что с губ не сходит детская улыбка
 от нежности... инжира, моря, хлеба —
 и времени... Уж если что и зыбко —
 так это равновесие покоя,
 единственно разумное решенье
 во мне и в мире — здесь впадать рекою
 в твою лазурь... размокшее печенье,
 надменный лебедь, царственные клёны
 и кедры... Праздник — здесь, а я — уеду?
 Магнолия, прими в свой храм зелёный —
 в дождь умирать — хорошая примета.

И притворяясь беззаботной птицей,
 и покоряясь имманентным ритмам,
 я снова умудряюсь заблудиться
 в твоих плющом увитых лабиринтах...

КРЫМ. НОВЫЙ СВЕТ

Стволы можжевельника жгутом перекручены
 и солнцем отбелены — встряхни да развешивай,
 и корни их — змеями, и кроны их — тучами,
 и ветви кривляются чертями да лешими.
 И солнца — немерено, и волны — нескитаны,
 и рай мне не светит — сейчас надышаться бы.
 День плавится в вечности — распадки, лощины ли,
 обрывы ли строгие, утёсы тишайшие...

НОВЫЙ АФОН

Помнишь сок фейхоа? Монастырской деревни прохлада
 и цитата из Чехова, словно открытка из дома,
 недозревшие киви в ажурной листве винограда,
 дегустация — не для меня. Вожделенно, искомо —
 этот сок, золотой и зелёный, медовый, прозрачный,
 с ароматом жасмина — в горах он едва расцветает,
 а в долине плюс сорок. Апсны — край души. И удачней
 не назвать и ребёнка. Апсны. Отражение рая.

* * *

Это февральский Ростов. Это Кафка.
Серое мутное жидкое небо.
Город бессилён, контакт оборвался
оста и веста, и севера с югом.
Мерзко, но цельно зияет подсказка
в грязных бинтах ноздреватого снега:
всё завершится сведённым балансом —
жадность и страх уничтожат друг друга.

Не соскользнуть бы в иллюзию. Скользко.
Под сапогом мостовая в движенье
кобры шипучей. Портовые краны
кромку заката изрезали в раны.
Тот, кто взошёл на Голгофу — нисколько
не нарушает закон притяженья.
Можно об этом поспорить с Ньютоном
запанибродским этаким тоном.

Почерк врача неразборчив — подделай
всё, от анамнеза до эпикриза:
может, дозиметры и не зашкалят,
только повсюду — приметы распада.
Выпить цикуту? Уйти в декаденты?
В партию «Яблоко?» В творческий кризис?
Я ухожу — я нашла, что искала —
в сказочный город под коркой граната.

* * *

Автобус. Ливень. Кислорода нет —
в подводной лодке окна не откроешь.
Поехали. Четверг, двадцать второе,
плюс аллергия — весело вдвойне.

За что-то мстят мне кофе и вино.
Я в прошлой жизни выбирала пепси?
Букет моих безжалостных рефлексий
сегодня с атмосферой заодно.

Но проступают на деревьях руны —
и очень робко обещает день
*не десять соколов на стадо лебедей —
а вещи персты на злые струны.*

Иголкой острой протыкаю город*
и, вынырнув на этой стороне,
природу Будды, спящую во мне,
сверяю с указаньем светофора.

Кто победил, понятно и ежу.
Что Будда? Он и слова не проронит.

* Ростов

А я уже на площадь выхожу,
готовая к труду и обороне,

к безделью и к побегу в странный день.
Ну сколько можно — многоруким Шивой?
Теперь одна проблема — похудеть.
Всё остальное как-то разрешилось.

Не передаст мой ломаный язык
всех тонкостей ростовского базара!
Вот так столкнёшься с запахом кинзы —
и улетишь из колеса Сансары

до вечера. Спасёт остатки дня
мимозной крошкой звёздное плацебо.
И вдоль реки воды река огня
безропотно впадает в море неба.

* * *

И кризис, и холодная зима —
но есть БГ. Семь бед — за все ответчу.
Наушники не стоит вынимать —
без них так страшно. Нелогичен вечер,
негармоничен — этот лязг и визг
недружественный, слякоть, оригами
двумерных ёлок, плоских, грузовик
наполнивших рядами, штабелями,

и радио в маршрутке. Стёб да стёб
кругом. И кризис бродит по Европе.
Бьёт склянку колокол. И музыка растёт
в наушниках. Свободна от оброка
произнести, не применяя ямб,
тот монолог, что сам в меня вселился.
Мороз крепчал — надёжный старый штамп,
мороз крепчал — и Чехов веселился.

Её материал — сплошной бетон,
а ты в него вгрызаешься зубами,
пока не разглядишь, что небосклон
не над тобой уже, а под ногами,
вокруг, везде... И призраки мостов
встают в тумане. Встречных глаз унынье.
Звезда над филармонией. Ростов —
сверхперенаселённая пустыня.

По мне звонит в кармане телефон.
Спасибо. Доживём до новых вёсен.
Я принимаю, узнаю, и звон
мобильника приветствует — прорвёмся.

* * *

Ростов туманный, мягкий, незнакомый,
фатин к лицу ему, хоть не по летам,
и органза. Свернув за угол дома,
невовремя становишься поэтом —
проговорить бы мир на жёсткой прозе,
не приукрасить — вымолвить мой город,
не корчись, улица,
грубей и проще
скажу, углы срезая Пифагору.

Эклектик-город. Город-перекрёсток
Шелкового пути с Чумацким шляхом,
ты так усерден в том, чего не просят,
перешибашь ёрничаньем пафос.
Ломай меня, кроши своей огранкой,
не обойди, я там, внутри — сияю.
Ты убедил с душевной перебранкой —
не безопасна хата та, что с краю —
я в эти куклы больше не играю.

М о с к в а

Мио ГРАНД

Город сложный, город, сложенный в ладони...

* * *

Шныряю в старом пиджаке
 По чуть продрогшим переулкам,
 Вся мира синь — в моём чулке
 (Москва лишь взглядом упрекнула,
 по-матерински пожалев
 за годы молодости буйной).
 А в Питере скучает лев,
 А в Петушках — осколков уйма,
 А во дворе, где Герцен прям,
 И липа руки уронила
 В одну из параллельных ям
 Другого — ласкового мира,
 Стоит, чуть сгорбившись, любовь...
 Я прохожу, глаза расширив
 И по привычке выгнув бровь...
 И точно врежет дед Каширин
 За неумение любить
 Другого получеловека...
 Ах, Гамлет, друг, быть иль не быть —
 Не важно (ночь, фонарь, аптека)...

Кто — призрак? Он — отец иль ты,
 Я или сотни миллиардов
 Глядящих, как растут цветы
 В минуту по октаве ярда...
 Да, риторический вопрос
 Немного пьяной поэтессы...
 Щепотку соли, папирос,
 Котейку для смягчения стресса...
 И фотографию сожрать!
 «Что входит — то не вред для люда!»
 И так спокойненько сказать:
 «Иди ты с миром, мой Иуда».

Шныряю в старом пиджаке
 По просветлевшим переулкам
 (рассвет так трепетен в Москве)...
 Кидаю вверх остатки булки:
 Вдруг Дух Святой сойдёт на сквер
 И сизых голубей согреет?..

Отплакавшись от всяких скверн,
 На голубом глазу мой плеер
 Поймал зелёную волну
 И ласково по щёчкам водит.
 ...и вижу я любовь одну:
 на баррикадах, на свободе...

* * *

В тот час, как крикнула «Аврора»,
 Рубя рубаху на авось,
 В хрустальных залах и ковровых
 Решение смуты родилось.
 Но было поздно, слишком поздно...
 Боржомом плакал, не стыдясь,
 Санкт-Петербург литые розы
 Смотрел, как втаптывают в грязь
 Кривые пьяные матросы,
 Как бабы лезут в магазин...
 Был неизбежно так разбросан
 На креслах красный палантин
 У ног повергнутой хозяйки,
 И выл протяжно верный паж.
 И девочка теряла зайку
 У входа в Зимний вернисаж.

В тот час, как крикнула «Аврора»,
 Не в силах дрожь свою унять,
 Стояла мордой вверх корова
 В деревне, прося Божию Мать
 Принять убитых в колыбели,
 Чтоб сказку им читал Лука...
 А на обедне тихо пели,
 И свечи таяли в руках.

* * *

Ярославские форточки можно мизинцем прихлопнуть
 (Дмитрий Белюкин пусть купит мне сто хризантем)...
 Выдохну в краску лазурную дымы и копоть,
 Телеэфиры, толкучки и шпаги антенн...

Можно я выпью всё то, что забилось над крышами
 Города ясного, славного (справа — река)?
 Срочно мне чаю с прекрасными рыжими пышками,
 И самовар чтоб, как дядька, руками — в бока.

И петушками на палке деревья закружатся,
 По языку растечётся медовый лоскут,
 А леденцовый автобус забрызжет из лужицы
 И растворится за пару счастливых минут...

Дни «ярославичей» льнут — перелётные — стаей
 Над жестяными (там кошки), над кепкой, конём...
 И я стою на вокзале — с поклажей, простая
 Русская тётка с внутренним вечным огнём.

* * *

На болоте — Питер и Рязань.
 Русская земля, прошу, не рань,
 Ведь за пазухой нет камня у меня...
 Рань мне душу, отчая земля.

Щедро и оплакан, и полит
 Потом хлебобобов и калик
 Этот край без края, без конца...
 Посмотри — у Солнца — два лица...

Загляни потом в мои глаза, —
 И не сможешь повернуть назад.
 Слышишь? Чайки над Москвой летят...
 Видишь эти бантики, котят?

Всё вычёркивай! Оставь калитки скрип,
 Хрип телеги, будь и сам небрит...
 Рви со мной по-честному, гортань:
 «Русская земля, люби и рань».

* * *

По всей Руси — душа домов — наличники, наличники!
 Здесь жителю столичному чудно щемит в груди.
 Старик-таксист в «копеечке» кричит: «Плати наличными!»
 Хористка в платье яблоки в корзину по пути
 К церквушке в белом саване из марева и кружева
 Из приходских садов берёт натруженной рукой...
 И я спросила тихо так: «Как выжили? Как сдюжили?»
 ...и грозы милосердные рыдали над рекой...

ГОРОДОК

Мы проезжали мимо городочка,
 Не проезжали, — проносились мимо,
 Не факт, что и на карте есть та точка,
 Где храм и домики, как будто бы из глины.

И всполошились, побежали тучи.
 Собаки сонные не подняли голов.
 Потрогал робко пальцем нежный лучик
 Машины заднее и пыльное стекло.

На палочке стояли карамели —
 Деревья-петушки в сиянии рыжем.
 Мы вдоль дороги плюнуть не посмели.
 Мы посмотрели в очи ржавым крышам.

Репейники нам хлопали в ладони
 Своими лопушиными руками.
 И под капотом оживали кони...
 И окна улыбались стариками.

Чуть слышно скрипнул городок крыльцами,
 И вновь на веки бросил сон кисейный.
 Пах воздух варенцом и огурцами...
 Бежал за нами мальчик — русский север.

* * *

Тверь? Кимры? Нижний? Арзамас?
 Не помню, свет фар был не дальний...
 Но город этот меня спас
 От скуки русской и фатальной.
 В узор избы лбом, как конёк,
 Уткнувшись и вдыхая годы,
 И пыль дорог, и огонёк
 (там старичок мыл чашки содой),
 И шишек бреши от клестов,
 Следы от школьных табуреток,
 Ржу покосившихся крестов —
 Жила я долго без таблеток:
 Минуты три — так в сказке все
 Живут-бывают: трое по три...
 Казалось (стриженной) — в косе
 Тугие волосы намokли
 От той особенной росы,
 От холодка и мхов так чутких,
 Что север русской полосы
 Они сочли за прибаутку.

Ещё хотела бы упасть
 Ничком в ручей (плотвой, русалкой)...
 И Колобком — да в волчью пасть,
 И меж клыков легонько — палкой.
 Лечь под ракитовым кустом,
 Прижав к земле дрожащий хвостик...
 Лошадку подстегнуть прутом,
 Чтоб не пужалась лезть на мостик.
 На рынке мерить кисеи
 (а лучше — на шальном базаре).
 Смородиновые кисели
 Хочу и чая в самоваре.
 Мять травки пломбой на зубах,
 Пить «сахарок» из клеверочка...
 И чтоб увидеть солнца крах —
 Привстать на белые мысочки...
 Оно закатится за храм
 Из древней и широкоплечей
 Сосны и липы... Мастерам
 Склонился в ноги новый вечер...
 Тверь? Кимры? Нижний? Арзамас?
 Не помню, свет фар был не дальний...
 Но город этот меня спас
 От скуки русской и финальной.

* * *

От Воскресения до Вознесения
 Неспешным ходом — полчаса.
 Гудит пасхальная Москва весенняя.
 И колоколен голоса
 Вдоль улицы Никитской катятся,
 Кругами солнца золотясь.
 Окошек блюдца, как на скатерти,
 Каймою по витринам вязь.
 И сыплются изюмом пташечки
 С боков куличных ИТАР-ТАСС.
 Я верю, что Икар над башенкой
 Не разобьётся в этот раз.
 Стреляют стрелки часов уличных,
 Играет солнца барабан,
 И можно аромат из булочных
 Ломать, крошить и класть в карман.
 На перекрёстке улыбнулись мне!
 От радости вспорхнёт душа!
 Смотрите: ходит по весне
 Москвич, почти что не спеша.
 Пройдусь и я: путь меж церквами
 Займёт едва ли полчаса...
 Но что же?! Бродит между нами,
 Заглядывая всем в глаза,
 Неужто — Он? Да, право, вряд ли
 Заметят в пряной суете.
 Но эта чуть в кровинке прядка...
 И эти губы в теплоте...
 Где Он ступает — солнце светит,
 Пусть — теневая часть домов...
 За ним бегут, смеются дети.
 И золотая пыль следов
 Исчезнет! Горстью попевала бы
 Её — воздушную — собрать!
 Я буду ждать... я стану верно ждать
 У храма Воскресения Малого,
 В воротцах, за оградкой кованой,
 В беретке беспокойной набекрень.
 Чайковский спросит за спиной взволнованно
 «Когда, позвольте, зацветёт сирень?»
 И мы увидим: звуки нашей музыки
 Ветрами по Никитской проплывут.
 А знаете, от этих вот минут
 Начнутся перезвоны в дальнем Суздале...
 И, может, нас подхватят Киев, Новгород,
 Ростов, Владимир, Ярославль, Минск...
 Мы полетим, и телеграфным проводом
 «Христос Воскресе!» — всем передадим.
 Ах... полчаса — приятная прогулка!
 Мечтатели весной опоены Москвой!
 Сверну-ка в неприметный переулок,
 И в тень уйду по серой мостовой.

* * *

Погоди... отдохни ты немного...
 Видишь: дышит Тверская дорога,
 Вниз сбегая к Охотному ряду...
 Принимая рассвет, как награду —
 Божий день, словно век для столицы, —
 Кремль нежно раскроет ресницы,
 И уронит на площадь ладонь.
 Над Манежем, как серб молодой —
 Чужестранный, родной и прекрасный, —
 Месяц, помня о площади Красной,
 Поспешает к другим площадям...
 Иди тише, ритм жизни щадя...
 Посмотри на фонтанные струи:
 Лошадям так надраены сбруи,
 Словно им к десяти на парад.
 Погоди... отдохни хоть немного...
 Уж в Казанской прославили Бога,
 И вздохнул Александровский сад.

* * *

Я, наверно, наивная:
 верю я в проспект Калинина.
 Для меня он — сказка,
 в акварельных красках
 детство и взросление...
 Моё поколение
 не чествует личину,
 а пестует былинку:
 как река — Смородина
 и Калинов Мост
 маленькая родина
 встала в полный рост.
 У раскрытых книг-домов
 слишком много проводов.
 Но это совсем не важно:
 среди памяти многоэтажной
 главное, чтобы не было проводов...
 Итак, слишком много поводов
 закрыть «Мелодию»,
 изменить «Весну»...
 Под песни Володиной
 «Жигули» подниму
 за наш механический глобус
 (вы знаете, он ведь
 отвечает за вращение Земли),
 за тридцать девятый автобус,
 что то, что медведь —
 это значок на груди,
 за кинотеатр «Октябрь»...
 Высоцкого перебивая:
 и пусть небо скрябал
 СЭВ так, что звезда отвалилась,

пусть я такая большая,
 старше училки из «Вам и не снилось...
 Но этот проспект,
 как оружейник Просперо,
 умеет раскладывать спектр
 направо, наверх и налево,
 оставляя глазам виридиан.
 И ласточки, если заберутся повыше,
 ищут прозрачный меридиан,
 что высветит глобус на крыше...
 Я играла в Нью-Орлеан,
 по широким плитам ступая.
 Электронный надомный экран
 мне казался окошком из рая.
 Он лоскутный, как Арлекин —
 мой детства кусок.
 Нескладный, немного косой...
 «Запомни меня таким».
 И я, как те ласточки, помните,
 одуревшие от электронного жара,
 ищу светящуюся тонкую нить
 механического земного шара.

* * *

Московские каштаны несъедобны.
 Мы рвали их и прятали в карман.
 Шарман, Москва! Скажи, тебе удобно
 В шезлонге выхлопной вдыхать дурман?
 Прекрасная! Твои тревожны руки.
 Их пальцы — тонкие, а жилки — глубоки.
 Рассветные малиновые звуки
 Купали колокольни у реки.
 В миг выплеснули окна век прошедший.
 Шарманку унесло «время вперёд»!
 Босой замоскворецкий сумасшедший
 По водам Шлюзовым на музыку идёт:
 Там, на холме, что называют Красным,
 Прозрачная шкатулка песни льёт.
 Замоскворецкая шпана седлает Крайслер
 И по Москве летит, словно поёт.
 А кто-то в триумфальных подворотнях,
 Отстаивая свой двадцатый век родной,
 Каштаны выложит горой на противень
 Карнизов жестяных, и скажет: «По одной!»
 Где место мне? Мала для колоколен.
 Не хватит дерзости прогулкам по воде.
 Мне гулко в арках, от портвейна больно,
 Все ищут то ли провод, то ли повод где...
 Не воспарить мне кумачом над Пресней —
 Кулак потянет вниз, в парное куличей.
 Но, как поётся в старой доброй песне,
 Фиалку отыщу для добрых москвичей.
 Немного тех, кто помнит про подъезды
 Распахнутых дверей и шёпот до утра.

Но, как цветы, в душе несут порезы...
 Я знаю — аж до косточек — до самого нутра.
 Смотри, Москва: вот над Большой Ордынкой
 Лечу я в полдень, во всё лико рот.
 А к вечеру — по Яузе, с косынкой,
 Как с парусом, пройду по бликам вод.
 Московские каштаны несъедобны.
 Но так устроен памяти карман:
 Хоть трижды автор водородной бомбы,
 С кусочком сахара отыщет свой каштан.

* * *

Заплакан Исаакий в лимонном апреле...
 Я уезжаю из Санкт-Петербурга.
 Тает моё кимоно в «Англетере»,
 Образ впечатав в излом штукатурки.

Ты знаешь, стреляли по нежным колоннам...
 Слышала: белые бились косынки
 Вдоль Невского (был он и наг, и поломан,
 С полозьями чёрными и косыми).

Жми эту руку. Она так замёрзла
 В городе ветра — зелёном и узком,
 Держащем дрожащие тонкие вёсла
 Всегда наготове — зер гут и по-русски.

Солнце, бисквит, Мандельштам с краю блюда,
 Фарфоровый лоб смертоносен, ахматов...
 Всё до копья вырывать, чтоб вернуться,
 Бросая в фонтаны из сердца гранаты.

ПЕТЕРБУРГ ЛИХАЧЁВА

Город дышит через мост, как жабрами,
 Словно кит, оставленный в заливе.
 И парадные бликуют, как пожарные,
 И трамвайные ливреи шьют за ливр.

Улицы виляют вяло хвостиком.
 Над кафе кухаркин фартук треплется.
 Потерявшийся звонок проносится
 И врезается в салонов реплики.

Пахнет свежими газето-булками.
 Запоздал зевок из книжного...
 Жмётся в тень сквозного переулка
 Одуванчик, что влюблён в булыжник.

Город сложный, город, сложенный в ладони.
 Мне б не на бегу через плечо...
 И уж у вагона робко руку тронет
 Невидимый иными Лихачёв.

* * *

В этих комнатах осень,
 В этих комнатах плесень,
 Так вот Питер болеет,
 Как худое дитя.
 Мои чувства (их восемь):
 «Шпингалета и лесенок,
 Штукатурки и клея,
 Полстраницы Бердяева!»
 И уходят хозяйева,
 Ключи бросив на полку,
 Раскрывали шкатулку,
 Нашли ржавый жетон...
 Я смотрела вменяемо,
 Тёрла битую холку.
 По всему закоулку
 Растекался питон.

Рассмеялась лепнина
 И отклячила губы:
 Потерял, знать, ресницу
 Молодой Демиург.
 Была девка любима
 (Это помнили трубы).
 Неприкаянным снится
 Мотылёк-Петербург.
 Через кафель в сосудах
 Через кашель фрамуги,
 Через щель, через лимб,
 Через лампу и печь,
 И клеймо на посуде,
 Витражи и потуги
 Пробивается Климт,
 Пробивается Кейч.

Беспокойны клаксоны!
 Что не спится вам, бесы!
 Посмотрите на фрески:
 И Никола снял нимб,
 И согнулся он — сонный,
 До земли, он — небесный,
 А на нимбе — довески
 (Пробивается Климт),
 А на нимбе — на блюде —
 Хлеб с обрезком колбаски,
 И стесняется нищий
 С нимба кушать посметь.
 Эй, внимание, люди,
 Это всё ваши сказки!
 И бродяга не лишней!
 Пробивается медь...

Пробивается осень.
 Пламенным поцелуем
 Заглушается Вагнер,
 Прерывается речь.

Словно ходит и косит
За Авророй и буюм
Эта — в ливне и магне...
Прорывается Кейч.
Дорогой город Питер,
Репетируй отрывки,
Отрекайся ремонта,
До краёв в Неву слит.
С окон ретро не вытер,
Выпил самые сливки
С душ, прекрасней Бальмонта...
Прорывается Климт...

Хельсинки

Татьяна ПЕРЦЕВА

ГОРОДАЛИКИ

* * *

мир начинается сегодня
 совсем ничей,
 в кристально ситном Хельсингфорсе
 заешь, запей,
 потоп, запой,
 закрой собою,
 спаси меня,
 исправь слова,
 и с поля боя, из-под огня
 салютов, лиц, салатов, нравов
 убереги,
 мы на Дворцовой переправе —
 беги, беги,
 в потустороннем одеяле
 найди тепло
 моей руки,
 твоей печали,
 ко лбу — стекло,
 пушистый иней на ресницах,
 красивый рот,
 сегодня миру — мир на Чистых,
 как в Новый год.

Хельсинки-Москва, 2017

* * *

когда рассыплется закат
 на звёзды крупные,
 я вдруг пойму, что ты не рад,
 усталый путник,
 я вдруг пойму твою печаль,
 и станет холодно,
 не оттого, что смысл молчать
 важнее доброго,
 не оттого, что тяжело
 грустить о море,
 как птицы бьются о стекло
 цветы маньолии,

мажор, минор, солёный снег
 не выпадает,
 был человек, а стал портрет,
 оттаёт
 красивый горький fleur d'orange*
 под солнцем мая,
 он просто знает, что земля
 живая.

Барселона, 2019

*- цветок апельсина (фр.)

БЛУММЕЛИНЕ — ДЕВОЧКЕ С ЦВЕТУЩИМИ ВОЛОСАМИ*

Солнце зимой живёт в тёмном-тёмном стекле,
 тёмный-тёмный дом, всё также, чернеет в лесу,
 полярная ночь питается витамином D
 и планктоновым состоянием жителей города X,
 после бессонной ночи, к утру.

На севере ночь разрастается от пупка,
 расположенного за кругом твоих представлений о ночи,
 на севере, только на севере, смерть так легка,
 что никто из жителей, ведущих свой древний род
 по пустыне из вечных льдин, умирать не хочет.

Жизнь продолжается, потому что рассчитан угол наклона
 от плоскости, вращается ось,
 но земля оглядывается, когда уходят самые ранимые нежные,
 деревья, травы, маленькие, подснежники,
 до следующей весны, пока в сияющем «Стокманне»**
 не растает последний лосось.

Хельсинки, 2017

* Главная героиня шведской сказки Бесков Эльке (Эльсе, Эльза)
 «Девочка с цветущими волосами»

** Название торгового центра

ВЕРСИЯ НЕРАСКРЫТОГО ОСЕННЕГО УБИЙСТВА

на лице твоём гостит молодой любовник,
 неслучайная встреча на обеде знакомой знакомых,
 в Гштааде холодно или жарко, или совсем условно,
 непонятно настолько, что не выходи из дома.
 кардиган, шапо, цветной шёлк, перчатки,
 под ресницами — тёмные ягоды летней Ниццы,

принесла домой осенние отпечатки,
нет, не сорок, не пятьдесят, сколь верёвке не виться.
молодой, молодой, молодой, гуляет с тобой по парку,
держит птичью руку, неспешно ведёт беседы,
бахрома зарниц, утомлённые кофеварки,
в опадающий парк тебя выводить по средам.
почему-то ты становилась всё тоньше, тоньше,
почему-то листва становилась багряной, странной,
ничего он тебе не даст, ни взамен, ни больше,
слёзы чистые, от Картье, птичьей руки, чугунные ножки ванны.

Ницца, 2017

ЭЛЬФУ

параллельным миром станет любая веточка,
на скакалке вечности прыгает белая девочка,
выходя из клиники поймёшь внезапно — конечно,
выходя из клиники, день сурка, сердечко,
нарисованное на плотном буром картоне
цветными карандашами, он его обводит,
он тебя обнимает, он говорит, не плачь,
не буду, любимый, потому что нам с тобой можно летать,
но будем стараться, наверное, просто жить,
всё, приблизительно, успеем, с зайцами будем дружить,
с белками, птицами, которые по квартире нашей скачут,
всё приблизительно, малыш, не утонет мячик,
мы ещё станцуем с тобой, сыграем в футбол,
вот, вырастешь, я посмотрю на твой твой рок-н-ролл.
он меня доверчиво обнимает, я улыбаюсь, как девочка,
в наших параллельных мирах разговаривает любая веточка.

Хельсинки, 2017

* * *

Вот ты жил.

Старался, чтобы все было правильно,
сжигал мосты,
уходил в ночь,
складывая уравнение,
чтобы выстоять,
сделал предложение,
долго и счастливо,
трое детей,
потом увидел её по телевизору, понеслось...
нашел всё-таки,
сконнектился, а помнишь —
сразу ответила,
рассказала незначительную деталь,

вспыхнуло, накрыло,
срочно решаешь изменить свою жизнь,
пока не поздно!

Через неделю общения
удаляешь малейшее
напоминание из всех аккаунтов
в социальных сетях,
даже подумываешь
о виртуальном
самоуничтожении.

Ты выжил.

Теперь она недостойна.

Или...

вот ты жил,

чтобы никого не обидеть,
оставался на ночь,
несмотря на мерцающий дисплей —
непрочитанных двести восемьдесят,
пропущенных двести двадцать.

привязанность к электрическому стулу —
шёлковая лента, полоска суши,
разговоры мерцающих в темноте
косаток,
ток шарашит,
воздух накаляется,
близится гроза,
или того хуже,
шторм.

Катрина, прости,
русской незамутнённой
классики
требуют наши сердца!

Ты выжил.

Начал задумываться о детях.

Или...

вот ты жил,
думал о далёких мирах,
которые невооружённым
даже не снились,
стройность формул,
частота конденсатора,
точность движений,
симфония собственного
открытия!

Ты посвятил бы его
самой лучшей,
самой избранной,
самой первоначальной
на свете,
качающей тебя
на житейских
волнах,
охраняющей
кольцом рук,
но её нет
рядом —
покинула,
осталась
на неведомом берегу.

Ты выстоял.

Причалил
к тихой гавани —
грязный, уставший,
обросший водорослями,
рачками, ракушками,
огромный,
ломающий льды,
с ценным грузом на борту.

Уснул.

Она приходила,
погладила по голове,
успокоила —
тебя отпустило,
внутри,
под ржавеющим
железом —
бархат,
тёмное дерево,
нежный запах
редких цветов.

Больше не надо стоически выживать,
сжигать мосты, ждать обвалов,
винить себя, её,
кого-то,
обстоятельства,
погоду, ответственность,
полученное образование,
карьерный рост,
разные континенты,
жизнь сложилась
после всего барахла,
что на тебе застыло,
впечаталось аммонитами
в то, что с тобой случилось.

Но когда нарощая короста отвалится,
корабль твой успокоится на воде,
якорь, доставший до
тёмного илистого дна,
не понадобится
больше для равновесия,
ты почувствуешь правду,
поймёшь, что
останется на сохранении
у тех, кто тихо
стоял за твоей спиной
всё это время,
у тех, кого ты любил
и ненавидел больше
вечного разума,
у этих
простивших,
невидимых,
страдающих,
страшных.

Вдрогнет,
закричит,
откроет глаза,
посмотрит мирами,
связанными воедино
днём сурка,
чистая, верная, неделимая,
сияющая,
самая близкая,
родная твоя
душа.

Гамбург-Москва-Санкт-Петербург, 2017

К и е в

Валерия ТАРГОНСКАЯ**АРЗАМАС**

Сразу хочу предупредить вас, друзья, что я не эрзянка. Просто хочу рассказать о счастливых моментах, проведенных в замечательном городе Арзамасе...

Итак, 1986 год, 26 апреля. Да, тот сладкий апрель месяц! Я — в высокопрестольном городе Киеве, поеду щавель возле монументального памятника Родина-мать, ибо это лакомство как нельзя подходило нам, сбежавшей из дома детворе, при отсутствии мобильных телефонов и гаджетов...

Возвращались мы домой уже под вечер, с низко опущенной головой и готовой к наказаниям строгой родительской речи, но зато до отвала наевшиеся и с чувством выполненного долга по поеданию щавеля. Но ... ничего не происходит, никто не обращает внимания, все срочно пакуют вещи и судорожно мечутся в ожидании каких-то билетов на поезд...

Так и легла я спать, думая, что родители, наверное, сошли с ума ...

На следующее утро меня быстро подняли, заставили скушать ненавистную кашу и усадили в машину с шашечками... «Мы куда едем?» — робко спросила я...

Все в один голос сказали: «В Арзамас!»

Вот так и началось знакомство с этим незнакомым пока городом...

Арзамас меня встретил непонятным холодком во время утреннего пробуждения, поезд Москва-Казань прибывал в Арзамас ровно в 4 часа утра... Почему-то мне запомнилось только оглашение прихода поезда на платформу номер 5, такси мы не взяли и всю дорогу дядя Володя, который оказался единственным встречающим, нес меня на руках вместе с чемоданом и пытался взбодрить, все время почему-то называя меня курносой...

Проснулась я уже утром. Яркое солнце осветило весь дом, и я даже не поняла сперва, где нахожусь... Вокруг была тишина.

Подбежав к балкону, я увидела... Это было непонятное здание с куполами, вокруг — толпы народа, оно было все залито белым светом, да и сами стены были белыми... Золотые кресты пылали над этой белизной...

«Что это?» — недоумевала я. Надо искать взрослых! И вот дядя Володя мне подробно объяснил, что это Вознесенский собор.

Он и сам не знал, что это ... Воскресенский собор. Итак, я очутилась совершенно в ином месте за одни сутки... И тут начались звонки в двери, гомон... Это начали приходить гости: кто с пирогами с малиной (таких пирогов я в жизни не видела!), кто со сгущенкой, кто с платьями разных кроев и шитья, кто с игрушками... и все спрашивали: «...а ты из Киева?», «...а скажи мне на украинском что-то...». Коверкали слова, и у них не получалось, и все вместе смеялись и пели «Подмосковные купола» — то есть вечера... всё превращалось в сплошное веселье и радость... Я прямо стала девочкой из Киева.

На следующее утро, когда я проснулась, дядя Володя решил, что я должна посмотреть город... Ох, эти домики!.. Я никогда не видела таких старинных, как из сказки,

срубов... и люди там жили! Все были веселы и говорили, вручая гостинцы: «Чай, одна племянница-то у тебя!»

Впервые я узнала, что чай это не чай, а вопрос.

А впрочем, чай тоже всегда был вкусен — он был настоян на листьях смородины, малины и зверобоя...

Потом дядя Володя сказал, что надо пойти к Отцу Серафиму и помолиться ему. Кто такой *отец* и почему ему надо молиться, я так и не поняла... но мы пошли...

Атмосфера в этом странном белом здании окутала меня с ног до головы... Этот отец Серафим был отшельником, поселился в глубокий лес и разговаривал с животными.

Для меня, девочки, выросшей на щавеле, было это и странно и приятно. Потом я узнала и историю Арзамаса...

Город, в который я попала... это слово с эрзянского языка. Возможно также, что «Арзамас» в переводе означает «родная земля, место» от эрзя и эрзянского *мас, мастер* — земля, страна. Ученые выдвигают официальную версию, согласно которой слово «Арзамас» происходит от «Арсемас» — эрзянского имени, значение которого «дума, мысль»...

Мне кажется, с этого момента я и начала наконец думать, а не просто есть щавель... Поэтому, если кто звонит и спрашивает, а что ты делаешь, то я знаю точно: благодаря Арзамасу — думаю!

Х а р ь к о в

Наталья РЕБАЛКО**ПАДШИЙ РАЙ****К неведомым мирам***Космос лучше всего исследован
научными фантастами.***САХМЕТ. ПЛАНЕТА ЦВЕТОВ****ПРОЛОГ**

Корабль заходил на посадку в ручном режиме.

Вообще-то так бывает редко, обычно диспетчерская космодрома сама подключается к бортовым навигационным системам корабля и посадка идёт «в штатном режиме». Сначала сличаются коды, которые передаёт компьютер борта, и компьютерная система космодрома, потом корабль заходит на посадку, одновременно регистрируясь в бортовом журнале и журнале посещений. У нас есть два пилота и штурман, обычно есть и операторы космодромов, но тут нет самого космодрома, да и планета необитаема, если уж так.

Код планеты 41\BP 22-147, В общем, я не великий специалист в вопросах астрономии, этим у нас занимается штурман, но знаю, что первая циферка — это номер квадрата, буквы — вид звезды, количественный номер звезды по виду и номер планеты. Вот вам и адрес, по которому мы оказались.

Глядя на цифру, не скажешь, что мы в самой далёкой дыре, какая есть в этой Галактике. А на самом деле, наша дыра самая дальняя — дальняя дыра. Для того, чтобы вы поняли, насколько далеко мы оказались, поясню вкратце, что Магелланово Облако — «неизведанные регионы» для Человечества.

Я не знаю, что там разведали какие-то другие расы, но мы тут — словно легендарные переселенцы на Диком Западе. Здесь, на границе «неизведанного», можно исчезнуть и возникнуть, а можно и умереть. Это зависит от вас, наверно.

Пристегнитесь — раздалось в динамике. Это наш следователь. Учиться закончила ровно год тому, год стажировалась в отделе у Жиглова, и вот первое назначение. Назначение мне на голову и без того большую.

Думаете, что такая дыра — это тонкий намёк на то, что девчонке не место в мужском коллективе, нет. Жиглов явился ко мне в кабинет, и, не очень скрываясь, выставил на стол батарею коньячных тубусов. Так тоже бывает, забавно, но я не пью вина, я мусульманка. Просьба состояла в том, чтобы дитятку было легко первый раз отбыть командировку. И соответственно самой туда скататься. Я бы согласилась, но выскочил ещё один момент, и теперь я бодаюсь с юным дарованием на забаву команде.

Госпожа Додоева, вы пристегнулись? — не унимался динамик. — Мы заходим на посадку, в атмосфере наблюдаются турбулентные явления.

Звать это чудо — Лена. Сначала я подумала, что Жиглов просто пытается помочь своей родственнице, девушке или подруге, на худой конец, тихо и мирно отбыть три года по распределению. Но сейчас мне, почему-то, кажется, что он собрался сделать так, чтобы я вместо него отбывала эти три прекрасных года, вернее — два. Уже два.

— Сахмет, хватит дразнить её, — это был Макс, капитан, самый главный человек на корабле, по крайней мере — номинально. Он — опытный пилот «неизведанных регионов», повидал немало, и не много, как говорится. На заре своей карьеры он принимал участие в одной из самых засекреченных операций. О ней очень любят вещать чуть ли не все, кого я знаю в Управлении. Не знаю, о чём он думал тогда. Но представляю, каково его второму пилоту слушать дикие байки про Морока с его скотским характером, про Саммайскую Упанишау или ещё про кого-нибудь.

— Я и не дразню — ответила я, наконец. — Я лежу на койке, можете спокойно заходить на посадку.

— Сахмет, мы ждём вас в рубке. Тут полно астероидов. По-моему, тут будет проходить астероидный поток...

Второй пилот — Вася Савочкин — тоже юное дарование. Правда, он только ПТУ лётное закончил. Ничем особенным себя не проявил, хлебал похлёбку, молчал, читал комиксы. На вид — веснушчатый мальчишка, рыжий, не высокий, мускулистый.

Я вышла из каюты и очень быстро оказалась в рубке. Там все, в полном составе. Кроме выше описанных, там сидели: бортмеханик по кличке Вертухай, штурман Джаз, Максим Нелетов, кок — Васька и его кот Зефир-в-шоколаде и все пятеро парней спецназовцев выданных нам в качестве охраны. Как звать их я не знала, да и не интересовалась, называла по цифрам.

— Сахмет, почему мы должны вас упрашивать сесть в кресло? — наехала на меня Лена. — Разве вы не знаете, что это опасно, не быть пристёгнутой во время взлёта и посадки — с каменной миной выдала мне девушка.

— Я лежала на койке — буркнула я, устраиваясь в кресле. — Можно было спокойно сесть. Я не упаду с койки, даже если вас будет вертеть и трясти.

— Это бред... дёрнулась всем телом Лена — Это всё бред. Согласно Правилам взлёта-посадки корабля — вся команда должна сидеть в антиперегрузочных креслах — приподняв пальчик, отчеканило это чудо.

За двое суток лёту я, даже при том, что не общительнее сестры, успела возненавидеть девочку и её поразительную способность требовать к любому вздоху, слову, запятой Инструкцию. Правда начала она с донимания наших парней в камуфляже. Номер «раз», командир, взмолился через сутки.

Ребята скверно пахли, в силу габаритов и привычки от скуки по очереди крутить педали на единственном нашем тренажере. Ну а ещё — страшно многоэтажно матерились, и видимо, попробовали счастья в приставании к ней, либо все разом, либо по очереди. Не знаю, не важно. С травмами половых органов не обращались.

Забыла представиться, Сахмет Додоева, штатный медик-биолог разведгруппы Альфа 32.

Глава первая. ПЛАНЕТА ЦВЕТОВ

Макс повёл корабль на снижение. Я внимательно смотрела в широкий центральный иллюминатор, на приближающуюся планету. Наполовину ночная, молочно-розовая планета встречала нас, подмигивая глазом бури и диадемой красного гиганта — планеты 41\BP 22-9. Где-то далеко голубым пылала звезда.

Я повидала много чужих планет. Бывала там, куда по доброй воле, от великого счастья, никто и ни когда не полетит. Я бывала на тюремных планетах, бывала и на ссыльных планетах. Многие из них, с высоты полёта на посадочную траекторию — самое прекрасное зрелище в жизни.

Оправдали меня в одном суде, реабилитировали в другом, а бабло, на которое меня развели, никто отдавать не собирался. Вот и согласилась я работать на Российское Правительство, в лице Управления Исследовательских Полётов. Мне дали лабораторию, под начало двух замов и два десятка старших лаборантов, младших там чуть ли не сотня, плюс — туева туча вспомогательного персонала.

Что я тут делаю? Всё просто...

— Понимаешь, начальник исследовательской группы — мой старинный друг, — Алексей Максимович, начальник Управления, и просто хороший человек увязался за мной по коридору. — Проследи ты за группой, быть не может, чтобы Васищев так опростоволосился, как все думают. Хороший ксенобиолог он... — и не договорил слово «был».

Три недели связи нет, ни СОС не послали, ни связь не отремонтировали. Все понимали, что расследовать гибель отряда ксенобиологов летим. Меня смертью людей, да и других существ в этой Вселенной, не удивить, все мы умрём. Я вот умею убивать людей не менее чем тысячей разных способов. И что?

Облака — нетолстым слоем, расходились перед носом корабля, мы по правильной траектории опускались вниз. А когда закончились сливочные облака, все, даже солдатики, даже кот, восхищённо уставились на вид...

— Вот это да... — Планета вся была какая-то нежно розовая. Местность в основном болотистая, неглубокие тёплые моря, лесистый покров на возвышенностях и низкая вулканическая активность. Именно тот самый лесистый покров, всё то, что заменяло траву и кустарники, было всех тонов розового, палевого и желтоватого цвета.

Притом «деревья», «кустарники», «травы» — это что-то напоминающее мхи и лишайники, иначе не назвать. Ветвистое построение серого цвета с «шапочкой» розо-

вых псевдолепестков, или палевые грибоподобные наросты, покрывавшие покатые склоны, или ещё лучше — скользкого вида мшистая растительность... Я внимательно прочитала отчёты предыдущей команды, даже фото рассмотрела. Самое красивое, что здесь было — это растение, чьи цветы больше всего напоминали «собачки», земные цветы степей. Только они были не маленькими желтенькими, а большими, с голову человека, и нежно розовыми.

— Вау...

— Макс, вы не могли бы выставить пеленг на поиск базы? — точных данных о месте положения базы ксенобиологов мы не имели, прежде всего, потому, что база была мобильной. Изучив всё, что природа планеты предлагала в определённом квадранте, базу перемещали.

— Да, конечно, уже выставляю... — Макс растерялся от вида планеты. — Какая красотища...

— По ходу дела тут весна... — подал голос капитан бойцов, то есть №1.

— На этой планете цикл составляет месяц, — отчеканила Лена — Планета оборачивается вокруг своего розового гиганта — основной планеты за месяц. Таким образом «год» этого спутника составляет один месяц, 30 суток. Сутки составляют 28 часов. 15 суток являются «тёмными», 15 — обычными.

— Спасибо за цитату из дела, — кивнула я. — Что говорит пеленг?

— Я получил координаты, — отозвался Макс. Лена смотрела на меня так, словно хотела скушать. Что ж, подумала я, пробуй, я ядовитая. — Мы уже в пути.

Летели полчаса, под кораблём менялся рельеф, мы поднимались к высокогорьям, появлялись те самые высокие древовидные растения с зонтичными кронами. Даже до приземления, меня тянуло узнать, где именно растут «собачки». Если честно, то я хотела взять с собой несколько ростков и разводить их в атриуме квартиры. У меня там весьма широкий выбор растений с разных планет, розовые «собачки» прекрасно бы вписались.

— Заходим на посадку — второй раз сказал Макс.

Это было что-то вроде поляны, с одной стороны которой стояли в рядок десятков модулей стоянки исследователей, а с другой — их же корабль. Всё это поросло растительностью так, словно прошёл не месяц, а лет сто. Вышка связи упала, энергостанция — просто насквозь проросла.

— Так, — Макс отстегнулся, — он обратился к солдатам, — вы — обследовать место стоянки. Вертухай — связь. Остальные — ставим модули и заселяемся.

— Есть — отрапортовала Лена. Меня почему-то тянуло посмеяться, нет, не посмеяться, а совсем не прилично заржать, совсем не прилично для вдовы генерала...

* * *

Предчувствие меня не обмануло.

Началось всё с того, что Макс заявил:

— У нас в команде только две дамы, так что жить вам вместе... — Мне не пришло в голову ничего умнее, кроме как оставить Леночку, которая утверждала, что умеет ставить жилые модули, заниматься устройством быта, а самой — отправиться посмотреть, вокруг.

Полно этих самых «собачек», самого разного размера. Не самих собачек, а растений, на которых возникнут в нужное время большие красивые наросты. Это ведь не цветы, это — псевдоцветы. Они вырастают во время периода размножения растения и опадают, когда этот период заканчивается. Сидя на парапете пандуса корабля, я фотографировала кругоподобные кучки этих растений, «собачек».

Видимо, в процессе размножения, растение как бы из центра по радиусам разрастается. Потом — центральное растение — мать отмирает и так — по кругу. «Колдовской круг», так называют это в русских лесах, Сейчас новые наросты больше напоминали петушиные гребешки. Более молодые растения были ниже, тоньше и в огромных количествах колосились по кругу.

— Сахмет, Сахмет... помогите? — Леночка запуталась в стропилах «домика».

— Но ты же «участвовала в полевых учениях, и имеешь разряд по спортивному ориентированию» — не кривя душой, процитировала я то, что она говорила мне перед вылетом. «И просто суперумная девица», — это я уже просто подумала. Так что давай, ставь уже наше обиталище и желательно так, чтобы в нём жить было можно.

Я первая увидела, как возвращались парни из спецназа. У их командира было весьма озадаченное лицо. Он подошёл ко мне и доверительно сказал:

— Домики брошены, там нет ни живых, ни мёртвых. Продуктов питания тоже нет, а они если и разлагаются, то остаются банки, коробки и контейнеры, этого нет. Также нет походных спальных мешков и переносной техники, доложил он.

Вообще-то, стоило первым докладывать Максу, он — капитан и начальство. Но докладывали мне, и не первый раз. Макс появился ближе к концу импровизированного доклада. Постоял, послушал, поправил на моём плече шарф и сказал:

— Мы связались с Центром контроля полётов, — вот это уже нещадно раздражало, теперь и Макс мне докладывал. — Всё хорошо, нас отлично регистрируют.

— Вы думаете, группа куда-то ушла? — спросила я у командира. — Вы видели где-нибудь отчётливую, или не очень, тропку?

— Да какие тропки, госпожа Додоева, тут эта растительность скоро сквозь нас прорастёт... — отрапортовал спецназовец. — Вон растительность прямо на столе деревянном расти начала. Не растёт только на металле и пластике. Из холодильника растёт, это видеть надо.

— Я обязательно изучу это — кивнула я.

— Сахмет, Сахмет, ну помогите же мне — подала голос Леночка.

— Ладно, парни, — я кивнула в сторону не разложенного обиталища — пойду, дом построю, а то под розовым небом заночевать придётся...

Я рубила специальным прибором растительность, а Лена вслух декламировала инструкцию по применению блочного жилища. Я успешно пропускала мимо ушей её бубнёж — тут было так жарко, как не бывало на самых жарких тюремных планетах. Вернее было не столько жарко, сколько парко. У меня пот тёк ручьями. Как это чудо в форме под комбинезоном не запарилось, я не знаю.

Через полчаса я закончила долбаться с растительностью и развернулась, уперев руки в боки. Лена, некоторое время продолжала читать, а потом подняла голову. Видимо моя поза слегка напугала её. А быть может, напугало выражение моего лица, не знаю.

— Вы, похоже, Леночка, лучше меня знаете, как и что делать — стервозным тоном выдавила я — так что давайте, собирать блоки ваше дело, а я буду вам диктовать, что делать — предложила я. На моё удивление девушка кивнула, и с интересом принялась устраиваться в кабине управления роботом.

— Готова! — крикнула она

— Тогда ставьте ровненько нижнюю плоскость.

— Точно нужно начинать с пола? — поинтересовалась девушка.

— Лучше начинать с этого, — спокойно сказала я.

— А в инструкциях говорится, что нужно сначала ставить сваи.

— А как ты потом пропихнёшь пол? — поинтересовалась я, и тут меня понесло... — Ты, что не знаешь, что в узкое пространство более объёмный предмет проходит только со смазкой? — Я думала, что Лена меня прихлопнет полом нашего жилища.

— Аллааааах!!! — вырвалось у меня, а дальше была вполне русская брань — Какого хрена, дура малолетняя!!! Лепи, давай, свой пол на место!!!

На мой визг, что уже скрывать, прибежали парни из спецназа. Но я не дала им помогать. Сказала, что это с непривычки, и всё такое.

— Теперь тыкай свои сваи — сказала я, и, бросив на пол инструкцию, уселась на мшистый бугорок. Комбинезон — удобная штука, если уметь им пользоваться. Тут тебе и подогрев и. Наверное, это смешно, видеть округлую женщину средних лет, которая пытается наладить терморегуляцию на щитке, тыкая в маленькие кнопки большими перчатками...

— Госпожа Додоева... — Лена вылезла из машины. — Помогите мне. Только никому не говорите, потому что я всё это должна сама...

— Ладно, я сделаю, а ты, ради моего друга, не мешай, а?

Минут через сорок можно было заносить мебель. Но не тут-то было. Леночка, появившаяся из корабля, принялась активно инспектировать домик, сверяясь с найденной на мхах инструкцией. Любая оплошность тут же буйно обсуждалась. А если я говорила, что так лучше или удобнее, мне цитировался пункт из положений по сборке этой дребедени.

— Маааааак!!! — позвала я.

Макс нарисовался очень быстро.

— Я не могу попросить тебя дать мне запасную конструкцию? — спросила я.

— Что-то не так? — оживился парень.

— Просто я бы хотела жить одна. Если можно, совместить жилое помещение с перевозным кабинетом (каким?). Я люблю работать в ночное для людей время. Я буду мешать Елене.

— Ну... — Макс сообразил, то ли по маниакальному блеску моих глаз, просто потому, что все видели, как за два часа меня достала Леночка, что лучше мне помочь.

Справляться с желанием быстро избавиться от раздражителя как можно более простым и действенным способом, мне всегда давалось нелегко. С тех пор, как я впервые убила человека в тюрьме, мне очень тяжело отказать себе в этом удовольствии. Но и убить безнаказанно (без угрызений совести?) я тоже не могу. Не оправдать любви и доверия, оказанного мне моими друзьями, я была не намерена.

— Баранки гну — буркнула я, стараясь отвлечься от воображения, которое рисовало мне картинку, как я медленно смачиваю тончайшую иглу в жидкость, содержащую бактерию ХХХ23/43, родом из пробирки в лаборатории ААЛБиВИ, и незаметно прикасаюсь к нежной коже девочки... блин... всё-таки у меня на самом деле маниакально депрессивный психоз...

Бери и ставь свой домик...

* * *

Корабль, пилотируемый вторым пилотом, поднялся на орбиту и теперь, словно искусственный спутник, наворачивал круги вокруг спутника красной планеты. Судя по данным, ещё двое суток этой милой планетки будут давать хоть немножко света далёкого светила, а потом день от ночи сможет отличить только очень приметливый человек.

— Сахмет Алиевна, — Лена появилась на пороге отсека, который я определила под кабинет. Сама она так же распределила помещение. Только у меня был ещё и микроскоп, а у Лены ноутбук. — Можно?

— Если не будешь морочить мне голову.

— Не буду, я по делу — изрекла девушка.

Обычно, я с удовольствием нарушаю правила. Но только не в лаборатории. А Леночка не нарушала правила никогда. И, по-моему, правила выведены даже в вопросах личностных отношений. Более того, если Лена вооружена «инструкцией», можно готовиться к двух-трёх часовому спичу на заданную тему.

— Что за дело? — присматриваюсь к шее девушки, выглядывающей поверх формы. И вопрос тут не в очередном призыве кого-то убить. Просто у девчонки на шее — тонкая бархотка. Я такого не носила, но мне понравилось, если честно.

— Мне отчёт нужно написать, поможете? — хрен с тобой, сделаю, только отстань...

— Давай, — я протянула руку, но потом увидела, что на руке — то перчатка, я привыкла к ним, не чувствую, а вот Леночке перчатка в каком-то веществе, вообще-то это был химрастворитель белковых веществ, не понравилась. И верно, кислоты разъедают белки... — Сейчас — я стянула перчатку, и опять протянула руку.

Мне выгрузили как всегда Инструкцию по деловодству, пачку докладов и пометки.

— Я... я заплачу, в долгу не останусь.

— Сочтёмся, сумму назову потом — я указала на дверь. Пришлось надевать новую перчатку. Где-то полчаса, я строчила свой отчёт, в сон клонило нещадно, решила читать вслух. — Пробы воздушного пространства, пробы грунта и растительности... живые люди и трупы не обнаружены... — опять зевнула, а мне ещё отчёт строчить. Я решила, что проще всего, переписать на новый манер мои писульки. Так и поступила. Ничего особенного не нужно знать. Делопроизводство я выучила ещё в НИИ, а что следовательно, что я — биолог, что Макс — капитан, пишем одно и то же, только каждый в свою сторону напрягает. Вот Леночке — трупы считать и останки миссии описывать, чертить план и помечать его. Это всё я делать умею, пару раз патологоанатомом работала, и в силу малого количества людей и преступлений, криминалистам планы чертила.

Зато на утро, сразу же после завтрака, Леночка выразила своё недовольство:

— Где, покажи мне пункт Инструкции и подпункт, где написано, что нужно писать именно такой формулировкой, — тыкала мне пальцем в распечатку Лена. — А вот тут??? Почему не хватает запятой??? Здесь вот будет за-пя-та-я! — растягивая слово, девушка принялась исправлять в тексте ручкой. — А почему нужно открывать дело по расследованию несчастного случая во время исследовательского проекта?

— Потому... — буркнула я. Ох, зря я согласилась не то, что помогать ей, писать отчёт — лететь с ней куда-то в одном корабле!

— Покажи мне... — дальнейшее повторялось столько раз, что, наверное, начнет сниться мне в страшном сне.

Нелетов, к великой моей радости, решил доложить, что Центр облажался и нас выслали перед «зимой». Проще говоря, перед тёмным временем. Я выслушала, его слегка улыбаясь.

— Это неважно, — как же мягко прозвучал мой голос — у нас четыре машины, так что четыре группы успешно смогут исследовать местность на предмет временной стоянки. Светильники возьмёте.

— Правильно, — согласился Джаз, — какие-нибудь результаты есть?

— Нет, ничего необычного, — буркнула я — честно говоря, я не закончила анализы, но ничего необычного не выходит.

Растительность эта розовенько-палевая — азотная форма жизни. Атмосфера тут водородная, вот и ходят все в кислородных масках и комбинезонах с закрытой средой. Зато тут можно найти воду, вследствие фторводородных реакций. Те неглубокие холодные моря — это всё фтороводород.

Местность ядовита для человека, но буйно населена местными видами живых существ. Больше всего местные твари напоминали мне смесь из насекомого и динозаврика. И двигалось всё это так шустро, что сфотографировать я не успела ничего, кроме хвоста.

— Что ты делаешь? — вернулась Лена. К сожалению, домики наши были друг напротив друга.

— Готовлю к обработке материалы — сказала я.

Ещё до завтрака, я добросовестно нарезала ближней растительности, сходила в заброшенную базу, взяла пробы почвы и растительности в кухонном боксе, в жилых помещениях и лаборатории. Теперь я разложила всё это по чашечкам Петри и готовлю себе работу на вечер и, наверное, на ближайшие два-три дня...

— Зефир поймал какое-то местное животное, но есть не стал, только задавил.

— Это потому, что оно не белковое, — зевнула я в маску. — Азотное.

Видели бы вы нашего кота.

Понимаете, для котов не делают маски, так что то, что нацеплено на кота — это исключительно результат кулибинских замашек его хозяина. Васька наш создал на основе дыхательной маски из ветлечебницы и комбинезона, вполне сносное построение для питомца.

Перенести тварь под курткой, оказалось проще простого, а вот Леночку заткнуть, до взлёта и перехода в гиперпространство, это было уже искусство, как и удержать животное в каюте. Кот, к слову к костюму привык даже быстрее чем к лотку, когда был котёнком, так утверждал Васька.

— А...

— Б...

Но трупик животного пришлось подобрать и сделать вскрытие. Этим я занималась весь следующий день. Сломала два стека, изучила тварь вдоль и поперек и пришла к выводу, что больше всего это мне напомнило лягушку с клювом. Цвет — палевый, а на спинке тёмная полоска.

Вскрывать было сложно. Шкурка этого чуда природы Галактики была очень твердой, и пока я распилила его даже лазерным резаком, сломались распорки, такой был напор. Ну да хрен с ними, я их выбросила на улицу.

Зато, какая интересная физиология у этих тварей! У них нет глаз, вместо них, судя по всему, что-то вроде среднего ока на макушке. Сердца в том виде, в котором оно есть у земных тварей, у клювоящера нет. Есть стволоподобный «насос», который к слову, уже лопнул, когда я вскрыла тельце. Из него вылилось некое зеленоватое вещество, заполняя собой полости. Это же вещество окрашивало тело живности в мягкий-мягкий зеленоватый цвет.

Желудок трёхкамерный. Видимо симбиотический, потому что в пустотах желудка имелись серные бактерии. Признаков половой системы я не обнаружила. Животное вполне могло размножаться почкованием. Зато внешний вид у твари забавный. Вся из себя колючая, шипастая, в броне. И как только Зефир задавил её???

— Как тебе добыча Зефира? — на обед была всё та же каша с химическим эквивалентом мяса.

— Интересная тварь...

Думаю, Васька был ко мне равнодушен. Пятидесятилетний добряк, он постарался, чтобы даже на картинке на контейнере с мясом, которое плавает в картофельном пюре, не было свиной. Нет, я знаю, что мусульмане не едят свинины, я сама мусульманка. И уважаю такое мнение, но... чего я только не ела в тюрьме...

Завтрак, обед и ужин превращались в попытки ухаживать за мной. Василий старался подсушить мне больше фруктов, больше кофеина, больше ещё чего-то. Это вызвало нескрываемый интерес у юного дарования. Леночка образовалась буквально на третий день, донимая меня детским непосредственным любопытством.

— Сахмет Алиевна, — Лена не ушла к себе, наоборот, она зашла в лабораторию полностью, — а вам Василий нравится?

Наверное, только мой муж видел, как я психую. До этого дня. Я думала, я удушу Лену на месте, нет, не удушу, разрежу хирургическим лазером. Э...нет, сниму дыхательную маску! В общем, мечты-мечты...

Глава вторая. НОЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— Честное слово не знаю, кто из нас лоханулся, — вещал Макс, через плечо заглядывая в визор моего микроскопа. — Но на самом деле, «Зима» тут закончилась всего двое местных суток тому. Вот и вышло, что «вчера» тут было так темно.

— Так значит, здесь всё-таки весна? — улыбнулась я.

— Типа того...

— Вот и хорошо — кивнула я. — Макс, займи Леночку, а то она мне мозг ложечкой для соли через ухо выест... — попросила я. Макс улыбнулся.

Интенсивный розовый цвет местности стремительно темнел. Спутник делал свой медленный поворот по оси. Наступал вечер. Скоро должны вернуться ребята с «севера». А это значило, что нужно одеваться и идти в командный модуль, слушать их доклад. За целый день сидения перед монитором и бесцельного наблюдения за ростом культур в чашечках, Лена, которой тоже было не фиг делать, доконала меня.

Сначала она чем-то там занималась у себя. Потом явилась и выдала:

— У меня система на ноуте слетела...

— Поздравляю... — буркнула я.

— Можно, я попользуюсь твоим? — наглости нет предела.

— Ну, пользуйся, — ныть будет до вечера, пока не вернутся парни и не установят ей новую винду. Я решила оставить в покое свои чашечки петри, и немного отдохнуть.

Но не тут-то было. Оказалось, что Лена с ноутбуком — это обезьяна с гранатой. Впервые, она набирала текст одним или двумя пальчиками, разыскивая нужную букву по минут пять, во-вторых, всякий раз, когда ошибалась, она стирала слово, или предложение целиком. В конце концов, я решила ей помочь, чтобы побыстрее выдуть ее из МОЕГО домика.

Согласились на том, что я наберу её отчет, и даже отправлю, а Леночка позволит мне вывезти с собой не учтённые экземпляры местной флоры. Уж больно мне местные грибы-цветы нравятся. А если везти легально, заморочусь на регистрации.

Короче, я жестоко пожалела о моей сделке с совестью нашей команды. Леночка нудила над душой и заставляла соблюдать не только знаки пунктуации, в идеале, но ещё и ссылаться на каждый пункт Инструкции в нужных абзацах. Спустя два часа набора отчёта, я уже знала на память Инструкцию и была уверена, что красивые «собачки» того не стоят. А спустя три часа двух раз переписывания самого отчета, знала и сам текст письма.

— Сахмет Алиевна, — мы, наконец, отправили этот злосчастный отчёт, но Леночка не унималась. — Серёжа говорил, что вы очень-очень много знаете и видели...

— Это правда... — кивнула я. Что ж, вечер может быть забавным. — Я много где бывала и много что видела...

— Вы расскажете мне?

— После моего отчёта — кивнула я на окошко, где были видны далёкие огни приближающейся машины. — Возможно, и все остальные захотят послушать о далёких планетах и удивительных существах.

— Э... хорошо, — Лена озадаченно кивнула.

Я стала готовиться покинуть свою лабораторию. Обычно в постоянных поселениях на таких планетах, между всеми зданиями, строят что-то вроде «крытых» улиц. У нас тоже были нужные складные трубы, но смысла ставить их не было. Мы, как можно быстрее делаем отчёт, выписываем акты о смерти всех участников, и возвращаемся назад.

Обычно я не изобретала велосипед и ходила в обычной одежде. Я выросла в семье хоть и мусульманина, но очень продвинутого человека. Этому я была обязана своим образованием. Сначала — школьная форма, потом — колледж. В университете, я чаще одевалась в лабораторную одежду, чем в обычную, но уже тогда предпочитала деловую форму. А дальше... дальше была тюрьма. Там на Розовой Планете, было парко, дышать приходилось через специальную маску. В качестве одежды все ходили в комбинезонах. Именно его я самозабвенно натягивала поверх штанов и сорочки. Я даже не стала снимать шарф с головы. Он отлично проходил под капюшон.

— Сахмет! — в ухе наушник, орёт Макс — Сахмет Алиевна, быстрее идите сюда...

Я уже не знала, что случилось. Только и оставалось, что побыстрее бежать в административный корпус. Макс, хоть и знал очень много, о том какая бывает Вселенная, паникёром был ещё тем. Но, если не обращать внимания на мальчика, который кричал «Волк!», — можно потерять члена команды.

* * *

Видеозапись камер, установленных на касках парней, была интересным кино. Особенно, если учитывать то, что на них оказалась ещё одна база. Один вопрос оставался открытым, что это за база и чья. Явно не человеческая. Но выглядела, как человеческая, то есть наша подследственная база. Всё заросло «собачками», только они были не полностью розовыми, а какими-то голубоватыми местами.

Круглые построения базы напоминали мне снежинку. И всё это проросло насквозь крупными растениями. Оставался только остов.

— Сахмет Алиевна, — Макс кивнул на экран, на котором зависло изображение «снежинки» — вы не узнаете постройку?

— Нет, — сказала я.

И не солгала. Я видела муравейники высокоразвитых «муравьёв», я видела дома, которые растут, как грибы, видела здания из блоков, размеры которых пугали даже теперь, настоящие «висячие» сады и амёбу размером с корову. Но таких «снежинок» я не видела.

— Странная вещь... — капитан, Сёма, как он мне представился, выглядел немного не в кондиции — там было не так как у нас, вернее у тех исследователей. Там было как-то не так...

— Ладно, завтра я скатаюсь туда, возьму пробы — предложила я. — Узнаем, почему цвета другие.

На самом деле я хотела узнать, чью базу мы нашли. Но не могла вспомнить, ни одной расы, которая жила бы в «снежинках». База явно была постоянной, туннели соединяли все шары, даже те которые совсем развалились.

— Так, ужинаем, и по койкам, завтра много работы, — распорядился Макс. Я была абсолютно согласна. Ужинать уже хотелось, а после можно было сличать результаты анализов, которые будут обработаны или обсчитаны или готовы к этому времени. Спать я не собиралась, а вот немного поработать — это да.

Но... не суждено...

А вы что думали?

Я как раз стала сличать результаты исследований и писать новый отчёт. И мне икнулось. Дело было в том, что я сделала препараты из растений разного возраста, размера и цвета. И вот, представьте себе, что у потенциально однотипного растения разные индикаторы.

Генотип у всех был одинаков, но в некоторых образцах обнаружена лактоза, в некоторых сахара, а в одном оказался спирт. В некоторых пробах был даже совсем чужеродный местной флоре белок.

— Чёрт тебя возьми! — взвыла я. — Стопудово Леночка потрогала руками! Из-за неё всё переделывать придётся...

* * *

То, как я выговаривала следователю Комовой, нужно было слышать. Обычно я ни на кого не кричу, никому не угрожаю. С тех самых пор, как я оказалась в тюрьме, мне не нужно было ни угрожать, ни доказывать что либо. Первые три года мы вообще никому ничего не доказывали. Все были равны в застенках. А потом по ссылкам и тюремным планетам, все уважали того, кто может из пыли сделать смерть.

— Если вы ещё раз зайдёте в помещение лаборатории, я клянусь Аллахом и его пророком Магометом, сами станете препаратом! — шипела я в микрофон. — Из-за того проходного двора, который вы устроили в моей лаборатории, эти препараты, — я указала на коробку со стёклами — испорчены! Что нужно было делать, чтобы показатели спиртов и белков в небелковых живых организмах взлетели выше нормы в тысячу раз???

Комова, она же Леночка, стояла посреди поляны и хлопала глазищами. Вокруг нас носился Зефир и пытался поймать очередное бронированное создание, которое наворачивало круги по поляне.

— Но я не трогала их — возмутилась Леночка.

— Да? А кто шарил по чашечкам Петри из любопытства? — обманчиво спокойно поинтересовалась я. — Или они там сами смешались со спиртами и белками?

— Быть может и сами! — вдруг выдала Комова.

— Аллах, кто тебя учил в школе?

Я добросовестно зачистила свои пробирки, стёкла и чашки, и приготовила новые материалы. В этот раз не выращивала, потому, что растить смысла не было, результаты выращивания меня...устраивали на тот момент.

На этот раз, я решила сделать не только микропрепараты, но и сделать срезы ствола, наростов и системы питания местных растений. Пока готовилась цитология, я препарировала растительность, чтобы понять, что я многого не понимаю в физиологии растительности этой гламурной планеты.

Дело было в том, что у этого псевдоцветка весьма и весьма сложное внутреннее строение. Я даже немного задремала, прежде чем система оповестила о том, что результаты анализов готовы.

— Итить твою налево... — я продрала глаза, посмотрела на монитор, потом ещё раз потёрла глаза.

Анализы были идентичными тем, которые я получила перед этим. Более того, растения, которые я срезала в медблоке разрушенной базы, ещё и некоторые медикаменты показывали.

— Макс, ты спишь? — я набрала капитана.

— Да,— ответили мне, — чего и вам желаю.

— Слушайте, — мне было плевать на то, что он спит, на самом-то деле. — Тут странная вещь, по-моему, эти милые растения ассимилируют любые вещества, которые есть в том, что будет для них почвой.

— И? — Макс явно с трудом понимал, что я ему говорю.

— Ну, смотри, Максик, — говорила я, прошлые результаты, которые я забраковала, были такими же. Цветочки набрали в себя не характерных земных веществ.

— Это всё? — сердито поинтересовался Макс.

— Да — довольно кивнула я. — Завтра поедем к Снежинке, делать то же самое...

— Сахмет, идите вы... к Аллаху... — и вырубился.

Удовлетворившись тем, что Макс разбужен и недоволен, я закрыла лабораторный отсек и стянула комбинезон. Джинсы не мнутся никогда, а вот туника моя была на самом деле похожа на тряпку. Я приняла душ и переоделась на ночь. И тут... вспомнила, что Лену-то я обругала зря.

— Лена? — сонные глазки мне понравились.

— Что опять случилось? — буркнуло дитя.

— Извини, то не ты нагадила в лабе, то сами растения — виноваты... — и вырубилась связь.

Кого бы ещё разбудить? В общем, мне было наплевать на ощущения всех, с кем я работала. Во времена, когда я была штатным доктором борделя, я не жалела девок, когда работала в лабораториях — не жалела лаборантов, тем более — подопытных, не всегда — крыс. Так чего жалеть людей, с которыми я прилетела на эту розовую планетёнку?

Спать не хотелось совершенно. Знаете, у меня бессонница была всегда, просто раньше я могла спокойно просидеть это время в саду. Ну а теперь — разве что сесть у круглого окошка и смотреть на розовые растения и планету — гиганта в небе. Стало грустно.

После небезизвестных событий, связанных с двумя судами, мне выплатили копеечную, но компенсацию. Притом, доняли до нужного состояния постоянными звонками и вопросами, переслали ли мне деньги, передали ли мне документы на квартиру. Честное слово, если бы они все знали, сколько денег стоит ремонт в этой самой квартире, то усомнились бы, нужна ли мне эта квартира.

Глава третья. ГОСТИ

Когда Махамед, привёз меня в столицу, он не знал, в чём я нуждаюсь для жизни.

Поэтому он предложил мне самой выбрать себе жильё. Он был удивлён, когда я заселилась в маленькое помещение в медкорпусе дворца. Там был диван, на котором я спала, пара кресел и столик, шкаф для вещей и душевая.

Позднее, я всё-таки переехала в то, что муж считал правильным жилищем. Именно тогда у меня появилось пристрастие к сидению среди растений. У нас был свой частный

парк, не основной огромный, а маленький. И вот однажды Махамед заселил парк павлинами. Но я, то об этом не знала!

Я знала, что у нас там живёт ара, знала, что в фонтане золотые рыбки, а в пруде — квакают лягушки. Но утром, когда я, заспанная, пыталась приготовить мужу его любимый кофе со сливками, эти чокнутые птицы начали вопить...

— Хабиби, что это?!? — я чуть кофе не вылила себе на ноги.

— Павлины, Сахмет! — улыбнулся Махамед — Это же павлины...

Ну да ладно, хотел он павлинов, пусть павлины, но, когда эта наглая тварь зашла в спальню и заскочила на кровать, я за себя не отвечала...

Как тогда, когда гонялась за мелкой вёрткой тварью, пыхтя, как паровоз в тяжеленном комбинезоне. Тварь эта отказывалась попадать мне на лабораторный стол, и весело так улепётывала, оглядываясь и игриво размахивая хвостиком.

Я видела, как тварь кушала местное не очень красивое растение, похожее на слизь. Принято было решение быстро ловить тварь и изучать. Но не тут-то было. Тварюшка наворачивала круги, я за ней, парни — ржут. Я вот не нахожу ничего смешного в том, что я должна была ловить тварь.

— Эй — я уже почти поймала тварь, сидевшую на ветрогоне, когда один из парней охраны вдруг заголосил не своим голосом прямо мне в ухо, размахивая руками. В конце концов, он составил сложноподчиненное предложение: — Сахмет Алиевна, смотрите! — существо уже удрало, и поэтому я подняла голову без всяких зазрений...

— Мааааак!!! — мой ор услышал не только Макс, но и все остальные.

Я обычно не ору не своим голосом, всё же я — мусульманка, почтенная вдова. Но... оставляя за собой шлейф непонятного цвета выхлопа, явно с серьезными поломками, сверху вниз по дикой траектории, садился, нет, падал, неизвестный корабль.

Я слышала, как второй пилот, тот самый веснушчатый прыщавый парнишка, Вася, горланил на всех частотах запросы. Естественно, на них никто не отзывался. Судя по состоянию кораблика... помощь медика, могла и не понадобиться, Я надеялась на это, Я не гарантировала, что знаю как лечить его пилота. Мало ли, какой расы был этот лётун.

— Он выровнял корабль! — Леночка образовалась рядом. — Смотрите, выровнял...

— Да, но вряд ли он сможет сесть — сказала я. — У него нет стабилизатора слева...

— Смотрите, смотрите, как он компенсирует поломку! — поддакивал Леночке тот самый № 2.

— Да, компенсирует... — Леночка чуть не прыгала. — Я умею пилотировать небольшие летательные аппараты. Смотрите, он ищет куда сесть...

— Куда-куда — буркнула я — давайте, что ли отъедем с поляны, а то станем лепёшками, когда ваш суперпилот упадёт сюда на своей лохани, посоветовала я.

Мы как раз попрятались за ближайшие древовидные собачки, когда корабль, после восхитительного кульбита, ухнул вертикально вниз. Я была уверена, что пилот — редкостный везунчик. Дело в том, что я летала много, с разными пилотами. Так вот, когда корабль то идёт юзом, то его мотает, то кидает — это не попытки совладать с управлением, это — лузерство пилота. Но этого я вслух говорить не стала.

Это не моё негативное отношение к любым существам, о нет. Кораблю, которым я летела, однажды отстрелили стабилизатор, ну и что, можно стабилизировать поворотами сопла. Пробоина в брюхе? Тоже было, как и сквозное попадание метеорита...

— Сахмет Алиевна, идёте, парни сейчас вскроют корабль... — рядом со мной, с любопытством глаза на меня, сидела та самая вёрткая тварь...

— Ну, живи уже — сказала я и пошла к кораблю, который дымился, даже в такой атмосфере, искрил и вообще выглядел паршиво. Но ... пилот выглядел неплохо, и даже весьма гуманоидно.

— Вы говорите по-русски? — поинтересовалась я, забравшись в рубку. Там всё было совсем не так как у нас, людей. Чужак смотрел на меня слегка блудными глазами (блуждающим взглядом), его костюм был местами порван, на личике — маска. Видимо дышать местным газом он тоже не может.

— Немного, — слышался слабый ответ. Из-под обруча системы управления кораблём этого типа, медленно стекала вязкая кровь, красная, как у людей. — Я говорить...

— Отлично. Мы — я обвела рукой воздух — Разведгруппа — Альфа 32. Меня зовут Сахмет. Вы разбились...

— Координаты... выдохнул он — находится база ксенобиологии...

— Эм... да, наша база ксенобиологов, русская база... — пусть он меня и перебил, но всё равно, я ответила.

— Нет. База... — он ткнул в себя пальцем.

— Ваша база, да?

— Да... — кивнул удовлетворённо пришелец. А дальше, дальше он сказал мне фразу на одном языке... редком, почти вымершем. — Вы ведь Сахмет Додоева? — я моргнула, соглашаясь. — Я не биолог, — говорил он на языке, который мы понимали оба. Я не теряла время, пытаюсь стереть кровь с лица гостя. — Я занят в политике моей родины. Я видел суд от начала до конца. Там есть представитель нашей расы, в Межгалактическом Суде.

— Хорошо, хорошо — кивнула я. — Сейчас ребята помогут вам выбраться, мы отвезём вас к себе на базу и всё обсудим. Какой состав воздуха вас устроит для жизни?

— Человеческим воздухом я тоже могу дышать, — отозвался он.

Говорили мы на редком языке, украинском. Я его не особенно хорошо знаю, я всего ничего жила на планете, заселённой выходцами с этих земель. Но пришельца я понимала, и очень хотела знать, откуда он знает столь редкий язык. Да на земле — это язык книг, притом весьма сложных книг для чтения и философии.

— Вам помочь? — Лена проявила интерес к пришельцу. «Надо же, быть может, есть мозг, и пить кровь она будет этому милому пришельцу?» — меня зовут Лена... и я родом с территории, где в некоторых селениях говорят на украинском языке.

Я не собиралась слушать процесс подъедания мозга этого милого алиена. Мордашкой он удался: тонкие черты лица, чуть крупноватая челюсть, это его не портит совсем, грустные серые глазки на пол личика. Я много видела самых разных рас, этого я не опознала. Но я, же жила на планетах захваченных людьми.

Пока мы ехали к базе я с трудом, но выяснила, что звать нашего гостя Унтана. Он летел по каким-то своим делам и попал в метеоритный поток, в результате сбоя системы. На этой милой планетке — их исследовательская база... была, как и наша, к слову. И к ним он хотел попасть для ремонта.

Итак, исчезли две базы. Со слов Унтаны, база тут появилась не больше двух месяцев тому. И тогда они уже заявляли полное отсутствие других исследователей на местности. Выходит базы исчезают раз в месяц, потому что между датой появления базы и датой, когда пропала связь, проходил месяц. Нужно было срочно поделиться с Леной наблюдениями, что-то мне расхотелось быть на этой розовой планете.

Но в тот момент, когда я занялась ранами Унтаны, я забыла обо всём. Гордое создание, которое неслось, словно царь всей Вселенной, было тяжело ранено? Слава Богу, нет! Череп оказался цел, обруч повредил только кожу, кинула пару швов и с этим всё. Переломы рёбер и гематомы внутренних органов — тоже по большому счёту терпимо. И главное нет разрывов и следовательно нет внутрибрюшного и внутриплеврального кровотечения, так что ему считай крупно повезло, а за одно и мне... не пришлось разворачиваться на видеолaparоскопию и остановку кровотечения. А то я с трудом представляла, что там у них внутри!

* * *

— Смотри, три месяца назад наша команда отправилась сюда, — рассказывала я Лене — месяц они работали и отзывались на ежедневные позывы. Потом — примерно через месяц — происходит что-то и команда не отвечает. Примерно через месяц, прибывают соплеменники Унтаны. Они ответили своим же, что на планете нет разумной жизни, и принялись изучать местность. Людей они не нашли. Месяц тому назад они тоже исчезли.

— И? — у меня, наверное, глаз начал дёргаться.

— А то, что тут год длится ровно наш месяц, обычный, межгалактический месяц. Раз в год тут кто-то исчезает. Могу предположить, что эта планета используется кем-то для систематических набегов. Есть расы, которые поклоняются природе в её чистом виде... — распиналась я.

— Ты думаешь, что людей и братьев Унтаны убили те, кто молится на растения?

— Ну не растения же! — рыкнула я. Я несколько раз встречала растения — убийцы. Да, что там говорить, в саду мужа завёлся такой цветочек. Он восхитительно пах, привлекая к себе тех несчастных, кому суждено было погибнуть в его кислоте. Мы еле вывели его из почвы, всё перепробовали, паразит был весьма живуч.

— Почему вы кричите? — Унтана, перевязанный мною, и весьма любопытный, появился в дверях. — Что-то произошло? — он чуть склонил голову и без всякого зазрения совести рассматривал нас с Леной.

— Нет, всё в полном порядке, — улыбнулась я ему.

Макс, естественно, доложил о нём, можете не сомневаться. Я присутствовала при этом и всё слышала. Нам приказали оказывать юному дарованию самый тёплый приём.

Его уже разыскивали его родичи, целый клан таких же, как Унтана, зануд, украшенных признаками высокого положения в обществе.

— Мне показалось, что вы поссорились. Это не так? — общаясь со мной на русском, да и с другими людьми, он освоил именно русский, а не его диалект на котором со мной заговорил на корабле.

— Нет, мы обсуждаем, что писать в отчёте по поводу гибели наших исследователей, — положено печальным голосом сказала я. — Как думаете, в регионе есть расы, которые поклоняются природе планет?

— Нет, — на этот раз он склонил головушку к другому плечу.

— Жаль...

— Я не думаю, что в этом виновны пришедшие из других мест. Если исследователи погибли, то причина здесь, на этой планете, — мягко проговорил юноша. Если вы не против, я бы хотел попросить вас составить мне компанию, когда я отправлюсь за бортжурналом наших исследователей.

— М...

— Я держал связь с отцом, Совет приказывает мне лично разобраться в сложившейся ситуации. — Да, уж, когда мы показали изображение этого юного дарования, и указали, как его зовут, начальник наш, сначала покраснел, а потом побледнел, после чего строго настрого приказал быть вежливыми и очень политкорректными. Потом с нами связались по очереди: Министр Межгалактических отношений, Министр экологии, Премьер-Министр и Президент. Два последних лица желали беседовать персонально со мной.

— У вас есть предположения? — я скопилась на Лену, которая сидела молча.

— Я хочу ознакомиться с записями наших учёных, только после этого я буду делать какие-то выводы, — он раздражал меня более Лены. Не знаю почему, быть может, потому что Лена в основном спрашивала меня обо всём, начиная от того как написать отчёт (писала я их сама, в конце концов) до того, как разговаривать с парнями из охраны, а Унтана нёсся так, словно знал о нас всё. И вообще, Вселенная открыла ему все тайны.

— Я съезжу с вами, — кивнула я.

— Я имел в виду Елену, — мягко сказал Унтана. — Но, если вы хотите выполнить обязанности биолога и помочь нам разобраться с записями, я буду очень рад, — и что, он думал, что после этого, я буду к нему хорошо относиться?

Но это был ещё не конец. Возомнивший себя неизвестно кем инопланетный почти что принц, согнал меня, вдову генерала, со стула и сам на него уселся. И занялся... ура, дониманием Лены.

— И так, расскажите мне, пожалуйста, о результатах ваших исследований? — дальше я не слушала, любила с анализами собранными возле снежинки.

Спустя три часа, когда я, замученная войной с компьютером и полностью озадаченная результатами, вышла, то увидела Унтана, который всё ещё ел ложечкой для соли мозги Лены. И делал это профессионально, мягким тоном, с блеском ясных очей. Нужно сказать, я ему простила и отобранный стул, и унижение. Вид Лены был равносильный моему после написания отчёта для неё.

На самом деле результаты моих трудов меня сбили с толку. Некоторые срезы показывали наличие медикаментов, некоторые срезы, особенно тех, растений, которые имели странный по отношению к типовому, цвет, вообще показывали весьма не обычный состав. Проще говоря, ДНК у них у всех похожи, но минимально различны. И в некоторых случаях, что-то этот «хвостик», мне чертовски напоминал...

— Вы не устали, Сахмет? — Унтана поднял изящным движением руку.

— Нет, но вы заняли мой стол, у меня есть МОЙ отчёт, так что проваливайте! — рывкнула я.

— Вы могли сразу сказать, что вас не устраивает наше присутствие, — забавно было смотреть, как юное дарование с признаками власти не только на одежде, но и на характере, надувается, аки сыч.

Разогнав всех, в том числе и тварь, которую я так неудачно ловила, которая как-то забралась в помещение, я сняла комбинезон. У... как же мне это тогда надоело. Я не прихотлива к одежде, и даже во времена замужества, предпочитала носить простую и удобную одежду. Но при этом, муж дарил мне украшения, наряды; некоторые из них продавали с молотка, разграбив мой дом.

К слову, нам сказали, как называется родная планета Унтана. Не смешно, но родился он на Земле, в семье посла планеты Тау. Так вот, отец этого посла, сам бывший посол, женился на женщине с планеты Земля. Так вот, как это чудо узнало редкий язык. Ну и собственно говоря, судья — представитель Тау, величественная тау — женщина в

красивом национальном наряде. Но! Это типичная тау, а не человек, хотя каким-то образом родилась на Земле.

Судей я изучила вдоль и поперек, пока судились. Тридцать три особи самых разных рас. Посты свои они получают по-разному, но считается что это лучшие из лучших судей в своей сфере. Естественно, что в извечной Галактике не 33 государства, раз в пять лет происходит ротация, сменяются одиннадцать представителей. И так — по кругу. Пятнадцать стандартных лет дурдома...

— Сахмет-ханым? — тау постучал ко мне в личный отсек. Я успела-таки снять хиджаб, и теперь накинула шарф, которым повязываю голову. — Можно?

— Да, — Унтана зашел в помещение и, когда я указала на стул, сел.

— Моя семья передаёт вам приветствие, и приглашает вас погостить на Тау — я вежливо кивнула, принимая приглашение.

Если честно, то пиликать на Тау я не хотела. Не хотела не потому, что не люблю тау, как таковых, просто я старой стала, не люблю быть публичным лицом. Муж не искоренил во мне привычку прятаться, не искоренил и всё, смирился, проглотил, как хотите так и называйте. Ему не нравилось, что я ношу шарфы, пару раз он прилюдно снимал с моей головы шарф. Но это и всё. А уж чего мне стоило выходить с ним на парады, приёмы, встречи, заседания...

— Я вас прошу лично, посетите мою семью, — как будто бы почувствовав, сказал Унтана. — Это приглашение не носит публичный характер.

— Хорошо, я постараюсь — пообещала я.

Глава четвёртая. ВЕСНА

Началась весна...

На этой планетке наступила весна.

Все, даже парни из спецназа, глазели на то, как на верхушках взрослых растений появлялись те самые большие головки, которые через пару тройку местных суток, откроются «собачками».

— Эти растения — восхитительны сами по себе — вещал Унтана, выедая уже мой мозг — Они абсорбируют то, на чём растут. Восхитительно...

— Так значит, если вырастить это растение на синей краске, то оно будет синим? — поинтересовалась Лена. Оба были одеты согласно инструкции. Лена, так точно, в юбочке, в блузочке и кителе. Унтана был в своей изящной обтягивающей одежде и амуниции. Только я и все остальные, кто как успел одеться с утра...

— Именно! — кивнул Унтана.

Я вернулась в свой отсек, и завалилась на койку. Короткие волосы упали на лицо, и я медленно отвела в сторону пасмо. Не могла забыть, как звучало из уст тау, обращение «Сахмет-ханым».

Мой склероз по поводу расы объясняется тем, что тау я увидела всего раз, на суде, никогда не бывала на Тау. Но мне ничего не мешало воспользоваться сетью и ознакомиться с тем, что известно русскому человечеству про тау. Так вот, у Тау вообще нет такого понятия, как обращение с увеличением социального веса. У них есть обращение типа нашего «батушка», «матушка», «старшее дитя» и «младшее дитя», «мудрейший». Но чтобы «господин» или «госпожа» — нет такого. Вот, к примеру, к судье нужно обращаться «атма», то есть — «справедливая».

— Сахмет, приём... Сахмет, ау? — от размышлений об галактических ангелах, меня оторвал звонок. — Сахмет!

— Что случилось? — это был Шарапов.

— Привет... — он слегка смутился. — Тут это... родители Лены спросили, как её дела.

— Нормально, — повела я плечами. — Как и у всех, скоро возвращаться будем. Ты ж отчёты читал...

— Понимаешь, её родители не хотели звонить ей и спрашивать как дела. Я так понял, они переусердствовала с надсмотром и вниманием. Вот и решили через меня узнать, как там дела.

— Думаю, на Землю она вернётся довольной, как дитя малое.

— Так всё же, что случилось с исследователями? — Жиглов всегда задавал вопросы по делу. А если я отлынивала, начинал повторять вопросы. — У тебя есть предположения?

— Думаю, их съели какие-то алиены. Планета дикая, абсолютно, крупных животных тут нет. Значит, это были залётные убийцы, — развела я руками.

— Нет возможности выяснить, какая раса могла так поступить?

— Погибла исследовательская миссия тау. Но и у них нет предположений, — ответила я. — Мы останемся на планете до конца «цветения» местных растений. После — вернёмся. Придётся писать заключение «несчастный случай».

— Ясно...

— Тау постоянно околачивается возле Лены — сказала я. — Скоро они вдвоём выедят мой мозг... — пожаловалась я.

— Ты отрастишь новый, я в тебе уверен... — видимо только, потом до него дошло, что тау околачивается вокруг Лены. — Что ему нужно? — я усмехнулась. Юный тау летит с нами, до Земли. Там его встретят посол и его жена, то есть мать.

— Это ты у тау спрашивай — и выключила связь.

Люблю я людей подначивать.

* * *

Мы бы смотались с планеты на много раньше, если бы не метеоритный поток. Васька сказал, что приближаться к планете не будет, как минимум до того как не закончиться проход скопления метеоров. Это и двое суток, которые мы планировала провести, ничего не делая, на поверхности розовой планеты.

Парни из спецназа затаеяли игру в мяч в комбинезонах, Макс играл в карты с Васей на деньги, а я со связистом увлеченно ломала сайт, продающий электронные книги, журналы и газеты. Тау доедал остатки мозгов Лены, не отставая от неё ни на шаг. Я умилялась тому, как бедная девочка старалась прятаться от любопытного и невероятно общительного тау.

— Унтана, Лена пошла в кухонный блок — перед тем Леночка очень просила не говорить, куда она пошла. Будет знать, как донимать меня, «это не по правилам, а это не инструкции, переделай». Зануда она, эта Лена. Редкая. Нельзя, чтобы всё было правильно, иначе, иначе будет так, как было со мной...

— Сахмет — ханым? — я чуть ли не зарычала. Как же меня раздражало это обращение.

— Да, Унтана, проходите — пришлось подняться, поправить платок, и главное — принять подобающую позу.

— В эти сутки на Тау — праздник, в честь Мира и Порядка, — проговорил Унтана. — Я уже говорил с Максом, он будет рад, если мы устроим небольшой праздник. Если, конечно же, вы не против этого.

— Если капитан решил устроить торжественный ужин, то я не могу быть, портив, — как можно мягче сказала я.

Какой бы я скотиной ни была, но правило, что обычаи разных народов рас нужно соблюдать, даже если среди команды всего один представитель этой самой расы. Я знаю много обычаев, много рас, и считаю, что все имеют право на свободу вероисповедания и культуры.

— Вы согласны? — тау не уходил.

— Да... — отмахнулась я.

— Тогда... — он смущённо опустил голову — все участники праздника должны приготовить что-то на стол. Угощение...

— А... — я кивнула. — Из того что есть? — поинтересовалась я.

— Только блюдо должно быть мирным, вегетарианским, — предупредили меня.

Скажем так, я предпочитаю, есть мясо, но я — это я. Есть расы, которые вообще не переваривают мясо. Есть те, которые как люди и овощи, и мясо едят, есть — хищники. У некоторых диета вообще настолько отлична от человеческой, что передать невозможно. Про диету тау вообще мало что известно.

В кухонном блоке обитались Вася и Зефир. Добродушный кок, увидев меня, принялся ухаживать и предлагать попробовать его кулинарные изыски из консервов, сухих продуктов и сгущенки. Он был в восторге от перспективы устроить минибанкет.

— У вас есть сливки? — поинтересовалась я.

— Есть, те, которые для кофе — имелись в виду маленькие пакетики со сливками. Меня это не устраивало. Кухонный блок тут вообще был весьма и весьма непримечательный. А что вы хотели? Нас отправили в обществе ящиков с консервами, сухими продуктами и сгущёнкой. За то там был мёд, что удивительно и йогуртные культуры.

Я забавлялась тем, что перетасив часть своей лаборатории на кухню, перегоняла по химическим колбочкам будущее угощение. Фруктовый салат с йогуртной подливкой и взбитыми сливками... Васька, судя по лицу, был уверен, что у меня получится спирт. Но я не пью спиртного, и Ваське не пришлось...

Однажды мой благоверный напился. Мы все, его советники, я, просто охрана, не знали что делать. Ибо это чудо, выпив совсем не много, вообразило, что это будет замечательно, если залезть на крышу дворца. Пока мы его сняли, я успела поседеть ещё больше, чем было до того. Утром он был поразительно тихим.

— Сахмет, гляньте там, в холодильной камере банку с цветной капустой? — Я кивнула, оставив в покое свои трубочки, и пошла к кладовой. Открыв дверь, я замерла. Точно такой же блок — кладовая, был у наших предшественников. И там были, есть полочки, широкие, такие, что можно успешно поместить тело человека. Так вот, там, на металле росли эти чудные растения. А местная растительность металл не любит. Значит, до того, на полках было что-то не металлическое.

Не тело ли?

— Вы там, в порядке? — поинтересовался Вася.

— Да. Да, конечно — я моргнула. «Хм... подумала я, по-всякому, быть может. Да нет, это мои глюки... шизофрения».

* * *

— Это праздник мира и согласия, посвящённый тому моменту в нашей истории, когда прекратились все братоубийственные войны, и на планете наступил всеобщий мир — рассказал Унтана.

— У многих народов существует подобный обычай — Лена с интересом уставилась на меня. Я что — Галактическая Энциклопедия в 200 томах? — Сахмет Алиевна, вы бывали на разных планетах, вы видели другие обычаи подобные этому?

— Быть может, и были... — сказала я — я просто не помню уже...

— Да у самих землян есть похожие обычаи — Макс не очень довольнo глянул на меня. — На пример у американцев — День Благодарения, в Пасхальное воскресенье просят прощения и благодарят Бога, у Мусульман есть такой обычай...

— Сразу после священного месяца Рамадан, богатые угощают бедных, семьи собираются и просят прощения за неправедные поступки — сказала я и отвернулась. У меня семьи нет, и, наверно, не было никогда. Только муж. Сестра хоть и старается почаще говорить со мной, единения я с ней не ощущаю. Да нас и сестрами никто не считает, так, подругами.

— Сахмет — ханим? — я подняла голову, Унтана начинал меня раздражать. Ох, как раздражать...

В кухонном блоке погибшей экспедиции — такой же стол, металлический, и на нём тоже росли растения. Одно большое и кустик мелких ростков, из корневища центрального. Притом, форма «оазиса» овальная...

— Это наше национальное угощение — тау, церемониально держал в своих тонких ручках большую стеклянную миску с чем-то фиолетово — зелёным. Вид у этого был такой, что есть, совсем не хотелось. Я вообще ждала, что оно вот-вот подпрыгнет и цапнет. — Попробуйте...

Есть это было почти что невозможно, пряное по самое некуда, чуть кисловатое слизкое варево больше всего напоминало силос. Но я, стараясь не кривляться, съела, то что мне щедро выложил юный тау, и даже улыбнулась. «Что бы тебе места мало было...», подумала я.

— Сахмет Алиевна — Васька-кок встал, — вы это, много говорили про розовые деревца «собачки», как вы выражались — Так вот я... как бы... выкопал вам несколько, в горшки пересадил. — Он вышел из-за стола и занёс из другой комнаты большой такой пластиковый контейнер, в котором медленно покачивались штук пять — шесть растений, уже готовых раскрыть свои «собачьи зевы». — Вот, значит... — и совсем покраснел.

— Сахмет, а Сахмет, вам цветы дарят... — Макс, видимо вегетарианство тау не пространялось на вопрос выпивки за столом. Улыбочку его нужно было видеть.

— Макс — по-моему, вежливый тау был уверен, что Максима так и зовут, Макс. А то, называл бы полным именем, слегка коверкая его на свой лад. — Я полагаю, в этом нет ничего увеселяющего. Если я не ошибаюсь, культуры мусульман с земли и тау в этом вопросе весьма схожи.

— В смысле? — удивился Вася, глядя на тау. Брачные обязательства длятся даже после смерти одного из партнёров. Именно по таким причинам многие тау покидают этот бранный мир следом за парой.

— Людям такое не свойственно, — я решила вмешаться, глядя на перекошенные морды парней. — Но некоторые люди тоже недолго живут, после смерти своей пары. Но, это бывает редко. Чаще, всё совсем на оборот, вдовы, и мусульманки тоже, выходят

замуж во второй раз, — пояснила я. — Макс, я на самом деле хотела взять себе несколько растений, вот Василий и помог мне, — я ж не слепая, добрый мужик не равнодушен ко мне. Ему лет пятьдесят, одинокий, живёт со своим котом, летает с ним, почти нелегально.

Я не знаю, что это было, когда я приняла ухаживания моего мужа. С одной стороны я была зависима от него. Махамед правил планетой, и привезя меня в свой дворец, дав мне медкорпус и лаборатории, поставил в зависимость.

Но в то же время я всегда могла оставлять наши отношения на уровне общения в лаборатории, куда Махамед приходил «попить кофе, сваренный на химической горелке». С другой стороны, для Махамеда я могла оставаться просто женщиной, которых у него было больше чем надо, я же знаю.

Так сложилось, как говорить.

А та любовь, которая была между нами, она появилась, сама собой. Я поладила с Махамедом, прежде всего потому, что он оказался весьма терпеливым человеком, а я хотела заботиться о ком-то.

— Можно вопрос? — Лена, с тех пор, как появился Унтана, рот открывала редко. Чаще чесал язык сам тау. При этом, Лена про свои отчёты забыла, как и все остальные. Вообще-то, для справки, отчёты всегда пишут после окончания полёта, все скопом, что бы совпадало.

— Да, конечно — ответила я. Пусть лучше сейчас что-то спросит, чем потом накосячит по жизни. Донимать меня расспросами о том как лучше и правильнее написать отчёт, это одно, а когда это вот чудо спросило меня как правильно себя вести с подругами, то я немного охренела.

— Унтана, вы не портив? — знаете, у таких как Лена — одна грандиозная проблема, у них нет друзей. Нет, приятели есть, есть те с кем положено общаться по работе, по статусу, потому что родители говорят. А вот друзей — нет. У меня была подруга, в тюрьме. Жаль только, что я даже похоронить её не могла, а ведь она мне жизнь спасла тогда.

— Нет — величественно повёл головой молодой тау.

— А у тау моногамия? — Это, наверное, звучало не так сногшибательно, как попытка перепугать меня, ну, не знаю, удивить, заявкой, что Лена провела ночь в объятьях одного из парней, по-моему, №3.

— Тау — моногамны — кивнул Унтана — в отличие от людей. Однако жена моего отца пришла в этот мир среди людей. И в её судьбе не замечено, чтобы она предавала Законы и супруга.

— Как интересно — подал голос Макс. Я как раз занималась рассматриванием растений в горшке. «Скоро «расцветут», камеру бы... заснять». — А женщины тау берут себе мужей среди людей?

— Нет — юный тау немного растерялся от такого вопроса, но совсем чуть-чуть. — Тау — народ, живущий по своим правилам и законам. Мужчины никогда ещё не принимали наши законы.

В голове вертелся своеобразный коктейль из образов цветов в горшке, форм растений в развалинах базы, и идей о том, как классно Лена с тау смотрится. Что ж, это идея, будет, чем мозг занять, по пути домой. Ну а ещё — отомстить Жиглову за обязанности воспитателя, аккурат, повешенные на меня.

* * *

Все стояли в ряд, и все держали в руках по камере, кто с мобильником кто с фотоаппаратом, кто с чем, и в обзорное окно снимали «цветение». Планета «расцвела». Пооткрывались все «роты», и теперь в «воздухе» планеты летали чуть светящиеся «снежинки». Именно так размножались местные растения, обмениваясь между собой такими вот «светлячками».

— Красота... — прошептал Сеня. — Я и не знал, что такое бывает.

— А что, думал, только гавно собачье под домом есть? — Вася злой ходил после истории с цветами.

— Мне разнотравье нравится, пойти на луг, заливной, и лягу в траве — мечтательно вещал боец, разумно не реагируя на Васю. — Но это, это, наверное, так бывало только в раю.

— Такое здесь происходит раз в месяц — подал голос тау, единственный кто не снимал. Это меня очень заинтересовало. Чего это тау не снимает? Логично было предположить, что у него было время посмотреть съёмки, не только этого прекрасного явления, но и того, что было следом на записи, а именно гибели ксенобиологов.

Последний день, который мы провели на базе, Унтана просидел на развалинах базы тау, в обществе двух парней из отряда. Мальчики, по возвращении, моментально мне доложили, что тау копошился в системах разрушенной базы, снимая копии данных и изучая то, что было возможно прочесть. И по мере чтения данных он становился всё более перепуганным.

Что же там такого особенного было в тех записях, что он так расстроился и перепугался? Быть может, база была вовсе не исследовательская? Ответа на этот вопрос у меня нет и быть не может. Базы тау больше нет, как и первой базы людей. А тау, хоть и заинтересованы во мне, не раскроют тайны.

— Сахмет — ханым, — Унтана отвернулся от обзорного окна, и теперь смотрел на меня внимательно-внимательно — вы уже связывались со своим кораблём? Нам пора отправляться...

— Я не связывалась, — как можно спокойнее ответила я, стараясь сдержать улыбочку. Тау на глазах менял цвет.

— Если честно я бы хотела остаться тут до конца цикла. Возможно, — развела я руками, — смогу написать статью по ксеноботанике.

Я немного почитала про тау, и знала, что, когда они нервничают, становятся из бледно серого цвета, насыщенно сизыми. Так вот Унтана стал просто серобуромалиновым. Это не могло не веселить меня, но в, тоже время я понимала, что что-то тут не так, если после прочтения информации в компьютере тау, парнишка перестал соглашаться тут сидеть до конца цветения.

— Я прошу вас, Сахмет-ханым, связаться с кораблём и просить скорейшего его возврата, — от скрываемого переживания голос тау звенел. Глазища на пол личика, — на выкате, губы дрожат.

— Сейчас свяжемся, чего так переживать? — намеренно медленно, проговорила я. — Макс, свяжитесь с Васей. Пусть летят сюда.

Краем глаза наблюдаю за тем, как Лена подходит к тау и спрашивает, почему он так перепугался. Что там ответил тау, я не знаю, но Лена осталась с ним рядом и даже взяла его за руку. Ещё пару дней тому, Лена спрашивала меня как ей быть с подружкой, которая её постоянно использует, так что же теперь меня спросит любознательное существо? «Есть ли камасутра тау»? Бу гага...

Макс как раз налаживал связь с кораблём. И у него ничего не получалось, и он нервничал. Там где должен был быть корабль, корабля не было. Сами понимаете, о чём мы все подумали. А потом до меня дошло, что сейчас же проход астероидного потока, и корабль наверняка пришлось перевести.

— Задай поиск, думаю, он, где то рядом — сказала я. Поглядывая на бледно фиолетового тау.

— Есть, есть контакт... — облегчённо сказал Макс. И мы все, в том числе и Унтана, и Лена, сели перед монитором. Васька выглядел несколько озадаченным и недовольным. Поприветствовал нас, сказал, что рад вообще нас видеть — слышать, и всё такое.

— Тут солнечная буря такая, что... — рассказывал пилот — админы говорят, что ещё двадцать четыре часа будет длиться. Не работает ничего кроме связи, благо она не подпадает под влияние звезды, и движки.

— Вы сможете посадить корабль? — влез в разговор тау. — Это необходимо.

— Я бы хотел, — Васька растерянно развёл руками — но не могу. Не буду, по тому, что тут столько астероидов, что облететь их я не смогу. ЦУП утверждают, что проход окончится через 34 часа

— Это необходимо, настаивал тау. — Я уверен, что вы сможете сесть.

— Если я разобью корабль, мы отсюда не улетим ещё недели две, — Вася был не посвящён, насколько «благородного» тау он видит. Думаю, тау он вообще видел первый раз. А уж значение декора одежды инопланетянина пилоту вообще понятно не было, — не думаю, что Сахмет вам за это спасибо скажет...

— Ладно, ровно через 34 часа мы ждём вас — сказала я и встала. Проходя мимо тау, я глянула на него в упор. Меня очень интересовало, почему он так заторопился на землю. Наверняка ответ в тех инфродисках, которые он привёз с развалин базы.

Я думала, что тау понесётся к себе в отсек, где он обычно обитал. Унтана остался в кают-компании, выедать остатки мозга Лены ложечкой для соли. Думаю, они обсуждали инструкции и правила...

Благо, никто ничего и заподозрить не мог бы, ведь живём мы все не далеко друг от друга. Тау запрограммировал замок отсека на свой генетический признак. Думал, что это невозможно преодолеть. Но не медику, который перевязывал совсем недавно травмы тау.

Окровавленная ватка, и я в отсеке тау. Осталось только угадать, куда спрятал информацию юный дипломат. А это — сложная задача. Но вот вопрос, куда бы я сама спрятала материалы, делиться с которыми я не хочу. А куда Сахмет прятала важные дички? Туда, куда здоровый человек не сунется... Унтана — тау, и мыслит не так, как человек... плохо...

Меня немного смутило, что на столе, стандартном столе, стояла плоская коробка явно не человеческого происхождения. Я подошла к ней и посмотрела сверху. Да, это была коробка для хранения гербария, тау хотел забрать домой наработки учёных. Я медленно подняла вещь в руках, и перевернула её. Посмотрела на дно.

— Привет, инфродиски — сказала я и медленно стала доставать их из специальных пазов. Три диска, не много, — в кармане жилетки у меня два десятка таких, в специальном футляре. Некоторые заняты, некоторые — пустые. На место украденных я положила диски с записями медосмотров команды.

Едва я успела выйти из чужого отсека, из кают-компании показался тау. А за ним шла Лена. Видимо он собирался ей что-то показывать у себя и, судя по оживлённому лопотанию Унтаны, он был вне себя, от интереса и желания что-то Лене впарить.

* * *

— Макс — я нажала на кнопочку вызова. Макс впустил меня в переходник, я сняла маску, и зашла в помещение. Там сидели Вася и №1. — Ребята — я кивнула всем — у меня кое-что есть... — три диска сверкнули в свете искусственных ламп.

— Что это? — настроение у Макса было плохое. Ему не нравилось то, что придётся ещё день провести на этой планете. Всем не нравилось. Это, знаете ли какое-то чутьё, выработанное годами таких командировок.

— Это то, что списал с компьютера своей базы тау, — пояснила я. — И этот милый юноша что-то скрывает. Видели, как трепыхался тау, когда понял, что нам тут торчать целые сутки.

— Мало ли, — Сеня развёл руками — быть может, к мамке под юбку просится.

— Тау юбок не носят — буркнула я — давайте посмотрим, что там такого интересно. — Я сама поставила первый диск и включила просмотр. Список данных был внушительный, но ничего ценного там не было. Я заменила диск и... по порядку шли видео-файлы. Я открыла самый последний.

Следующие тридцать минут я пребывала в лёгком шоке, а Макса чуть не стошнило. Камеры, у тау немного не такие, как у нас, они как бы делают панорамное трёхмерное изображение, и перебрасывали ракурсы съёмок в какой-то своей последовательности. В экране мы видим комнату, как бы её макет. И в этой картинке мы видели, как большое розовое древовидное растение, словно бы чувствуя проходящего мимо тау, резко развернулось и... плюнуло чем-то тонким и явно острым.

Несчастливого тау прошило насквозь, попало в грудь. Тау сделал несколько шагов и повалился. В помещении забежал ещё один тау, к пострадавшему собрату, и поймал такую же живую стрелу. Они там, два прекрасных мёртвых существа, и остались лежать. Даже мне стало не много не по себе.

Просматривая съёмки, я насчитала всего десять тау, и все они поочерёдно пали от «выстрелов» «собачек». Они не успели даже понять, от чего погибли. Тау сами принесли растения в лаборатории и для красоты поставили их в помещениях. Растения «расцвели», а потом... убили тех, кто ими так восхитился.

Но камеры то, продолжали снимать, пока не разрядились батареи. И я видела, как тела несчастных, лежащие в самых разных местах, медленно, но верно, превращались в источник полезных веществ для хищных растений. Из места, куда попали живые стрелки стали появляться новые ростки розовых псевдорастений.

Мне очень понравились эти растения. Я пришла к выводу, что продать пару тройку таких вот растений, я смогу. Да вот только теперь вряд ли я смогу вывезти такое растение. Честно говоря, я тут лохонулась, думала — раскрою военные тайны тау, а оказалось, что этот мерзкий мальчишка просто не хотел рассказывать, что знает, чем мы можем закончить.

— Федотов, — приказал Макс Сёме — приведи мне тау. И побыстрее. Сахмет — он обратился ко мне — есть планы, как избежать судьбы тау?

Я сидела, молча, некоторое время. Вроде бы всё просто. Нам нужно переждать в помещении, и не высовываться на улицу, пока не перестанут стрелять эти милые мерзкие твари. Но возникал вопрос, почему тау так не поступили? Ну да ладно, они вообще не были готовы к такому повороту событий и лазили, где придётся...

Бедные,... такие как эти Галактические Ангелы, должны жить на своей цветочной планете и не высовываться. Это ж надо иметь такую красивую внешность и такой склочный нрав? Не, ну честное слово. Их не просто так называют Ангелами. Очень, очень красивые существа, но... их политика очень и очень фашистская, а политики — изворотливые и опасные.

Появился Федотов, сопровождаемый тау и Леной. Тау выглядел так, будто бы его треснули по голове. Мордочку перекосило, глаза блестят, думаю, он понял, что я стащила его диски, обманув как дитя малое. Ну-ну, добро пожаловать в реальный мир, юный тау.

— Почему ты это скрыл? — без предисловий начала я.

— Если бы не проблемы с астероидами, никто бы и не узнал об этих растениях... — рыкнул юноша. — Да и зачем вам это?

— Макс, — обратилась я к капитану — собери всех остальных и проинструктируй, чтобы собрали свои манатки, и отправились в командный центр. Пусть с собой спальные мешки походные прихватят, знаю, есть, в аварийном комплекте. Васька — я повернулась к коку — заготовь провизию, на трое суток, поймай кота и тоже, в командный центр.

— О чём Сахмет говорит? — Лена смотрела на тау, и мне невольно стало жаль девочку.

Мне было не больше, чем ей, когда я, дурёха редкая, влюбилась. А в таком возрасте любят не умом, а сердцем, и ничего, ничего не видят. И я не видела, что любимый мой, единственный — всего лишь хам, и пижон, для которого, я — просто полезное приобретение. Я нужна была исключительно для лаборатории. Лаборатория стоила миллиона три долларов, а я — ужин раз в два три дня, театр, приём, платье там, побрякушку. Это обошлось в сорок пять тысяч примерно. А цена, рыночная конечно, моих разработок — два миллиарда долларов на момент запуска в производство.

Муж мой был странным человеком. Однажды он сказал, что в скором времени будет принимать у себя людей, заинтересованных в делах с ним, то есть с «нами». Велел мне надеть самые дорогие украшения, длинное платье, но не закрывать лица, как я имела привычку.

Я увидела его... того самого человека, который убил во мне чистую и добрую девочку — идеалистку. Не знаю, о чём он тогда думал, когда Махамед позвал меня, и я вошла в зал, через боковые двери. Тяжёлый расписной шелк, холодный блеск бриллиантов и сапфиров в ожерелье и тиаре, и не менее холодный взгляд.

Я не знаю, понял ли Андрей, что это его приговор. Не знаю и знать не хочу.

Все, тем временем разошлись, остался только тау, даже Лена ушла готовить свои вещи к переносу. Я некоторое время молчала, а потом сказала:

— И вы полагали, что земляне совершенно не представляют, что здесь происходит раз в месяц?

— Я не был уверен, Сахмет-ханым, — ответил тау — но Палата Учёных приказала мне не однозначно, и я выполняю приказ. Что вы теперь со мной сделаете?

— Какой приказ — спросила, а потом добавила: — скажите правду, юный тау, вы знаете, с кем беседуете. Если вы солжете, я буду об этом знать, и найду способ узнать правду.

— Я знаю, Сахмет-ханым, — кивнул тау, стремительно принимая фиолетовый цвет. — Я был уверен в том, что мы отправимся на Землю, ещё до того, как окончится цветение. Я отвезу материалы в Палату Ученых, и моё положение упрочится, — тау чуть склонил голову. — Но...

— Унтана, — сказала я — запомни, если ты играешь в политику, то продумывай не только следующий ход, но и десять ходов наперёд, и по пять на случай, если будут непредвиденные обстоятельства, — так вообще, то говорил мой муж. Но даже он не смог просчитать наперёд, что делать, если его убьют. Но мальку знать не стоит.

— Вы меня «сдадите»? — спросил Унтана.

— Вот это уже вопрос — ухмыльнулась я. — распространение опасных растений и животных, а также информации о их месте нахождения — межрасовое преступление против прав разумных организмов.

— Но...

— Вам информация, мне — немного таких вот «семечек», думаю, двадцать штук мне хватит... — Я скопировала жест Унтаны — а Макс... Макс тебя не тронет. Обещаю. Он умный малый, понимает, что такое «дипломатия».

— Но вы собирались вывезти сами растения...

— Это неудобно, сложно, да и бессмысленно. К тому же, Лена уже знает, о том, что это за растения и не даст мне этого сделать, если будет знать, что я везу, хоть одно такое. Сделка? — я протянула руку.

— Сделка — ответил паренёк.

Замечательно... его нужно срочно отдать под опеку отца и деда, иначе наломает дров. Тау никогда не получают этих данных... и тем более семян. Мало ли на что Унтана решиться, ради того чтобы доказать, что он тоже достойный член общества. У меня нет детей, так сложилось, но я часто встречалась с молодыми людьми и не только, и знаю, что ребёнок успешного родителя всегда тяжело переживает момент становления как личности.

Глава пятая. ПРЯТКИ

— У меня есть подруга. — День где-то на второй Лена пила у меня чай и создавала с помощью меня же видимость компании. — Так вот она всегда говорит мне, что мы с ней противоположности. Иногда она провоцирует меня на скандалы, и всегда я прихожу первая с ней мириться. Я более конструктивная, чем Маша.

— Ну и? — Я слышала, что есть люди, которые с удовольствием слушают эти истории. Я явно не среди них. Мне скучно выслушивать сюжеты из людских жизней, ещё в тюрьме наскучило.

— Что мне делать? — спросила Лена.

— Как что, послать её в далёкое пешее путешествие, — повела я плечами. У меня никогда не было близких подруг, хотя многие пытались «упасть мне на хвост». Да, было дело, по молодости я дружила с одной девушкой «своего круга», душу открыла, буквально всю вывернула, а она оказалась любовницей Саши и на суде заявила, что я знала о том, что лекарство может быть опасно.

— Но, — Лена немного растерялась — если я её пошлю, то мы поскандалим...

— Вы и так поскандалили...

— И то правда... и что будет, если я пошлю её?

— Ничего не будет. Твоя подруга будет ждать, пока ты сама придёшь мириться, а ты не придёшь. Вот и всё, — развела я руками. С одной стороны это звучит глупо, по детски, и всё такое, а на самом деле вот от таких вот «подруг» зависит, как будет дальше развиваться человек, какая будет судьба. Кто — то нас подымает вверх, кто — то тянет вниз. Просто нужно уметь определять, кто есть, кто, и удалять тех, кто мешает жить.

Тогда все сидели в командном центре, кто где. Лена, в комбинезоне, застёгнутом по самое некуда, тау, в своём комбинезоне, и все остальные парни. Я ела варёную сгущёнку, ну нравится мне сладость. Васька это знал и принёс её в большом количестве.

Растения в вазоне мы вынесли из помещения и теперь ждали, когда можно будет посадить корабль. Как я уже говорила, любое движение рядом с «собачками», которые уже отцвели и на месте «цветка» появились алые пузыри, растения запускали выстрелы длинных тонких стручков.

Я как раз выглянула в обзорное окно и увидела, как маленькое бронированное существо проскочило мимо, и следом за ним, буквально по кончику хвоста — ряд из таких вот стручков, плотно вошедших в обшивку корпуса. Скорость выстрелов — бешеная, судя по всему. У растений весьма развитая нервная система, о чём свидетельствует ещё и способность растений поворачиваться всем вместе, весьма оперативно, в одну сторону, отслеживая движение.

— Мне кажется, что у этих существ — сказала я тау, — очень развитая нервная система.

— Я заметил — отозвался юный тау. — Вы полагаете, что у них есть альтернатива зрительной системы?

— Не знаю — отозвалась я. — возможно, нужно это проверить...

— Интересно как? — немного нервно спросила Лена.

— Выпустим тебя, и ты будешь бегать, пытаясь улизнуть от выстрелов — на распев сказала я. Тау моя идея не понравилась, он даже стал чуть фиолетовым. — Да ладно вам... — Я достала из кармана фонарик и включила его на максимум. — Давайте проверим... — и навела на обзорное окно.

Честно говоря, я рассчитывала, что растения, словно кошки, начнут охотиться за световым «глазом», но они, растения, имели меня крупным планом. Короче, свет они проигнорировали полностью, это значило, реагировали они на что-то совсем другое. Вопрос по существу — на что?

Тау восседал на стуле и внимательно смотрел в окно. На его лице отражалась не слабая паника. Уверена, он прокручивал в памяти те самые съёмки, и представлял себе, как его прошивает парочка вот таких вот стрелок. Вот нельзя так делать, нельзя, иначе страх не будет тебе давать здраво мыслить.

Внезапно, по стене корпуса забарабанили, словно бы автоматная очередь. Тау ментально ухнул вниз, увлекая за собой Лену и меня. Сдавленно выругавшись, я подползла к окну и выглянула. Тогда, когда я выглянула, мне показалось что растительность, как то передвинулась с места на место.

— Тебе не кажется — спросила я Макса, как только тот присоединился ко мне — растительность дислокацию поменяла.

— Кажется... — согласился Макс.

— Если эти существа имеют высокую нейро-активность, вполне возможно, что они способны передвигаться, — с пола сказал тау.

— Они нас окружают — проскрипел Сёма, обнимая свою винтовку, словно женщину. — Сахмет Алиевна, а вы знаете, как их убивать?

— Не знаю... пока что... — честно сказала я, и протянула руку тау. Тот немного подумал, а потом принял помощь, подбираясь к окну. Стоило тау появиться по среди окна, как растения дружно развернули на него свои клювики и плюнули.

Я и не знала, что тау так сильно верещат, если их напугать. Унтана ещё долго менял цвета и дрожал. Лена то держала его за руку, то зло смотрела на меня. Я же была довольна невольным опытом, который получился из-за тау. То есть растения как, то двигались и «видели».

К слову, стрелки не пробивали ни стекло, ни обшивку, что радовало.

— Нашу обшивку стрелы этих растений пробивали мгновенно — прошептал тау и грустно так на меня посмотрел. Не-не-не... чё это все решили, что я должна вытаскивать всех из весьма невесёлого положения?

— Ладно, — решила я взять управление в свои руку — все по койкам, своим койкам — поправилась я, с легкой усмешкой наблюдая, как парни из охраны, начинают усмехаться. — Дежуриим по очереди. Я — первая.

* * *

На самом деле, мне нужно было подумать.

Тау можно понять. Он — сын сына известного, очень известного в галактической политике субъекта. Попробуй, пробейся не как сыночек, а как самостоятельная личность. Вот и скрыл, что знает тайну этой планеты. Убить мало! Но знает ли он, а теперь и я, всю тайну этой гламурной планеты?

Будет ли засекречена информация, которую мы привезём с этой планеты? Думаю — да. Более того, мы все подпишем документы, запрещающие любые упоминания о розовой планете и том, как местные растения размножаются. То есть, никто никогда не узнает о потенциале, который есть у этих растений, кроме, как спецслужбы.

Сохранять запись не стоит, однозначно. Это такое дело, сразу проследят, кто автор промо ролика, даже на чёрном рынке. Но это не беда, что там думать много? Я смогу вырастить растение, и заснять сам процесс в лабораторных условиях, главное — привезти сами семена.

Остаётся понять, чем думает сейчас Лена. Все влюбляются, главное, правильно это применить. «Интересно, оценит ли тау мысль, оплатить впоследствии, эти замечательные семена? Думаю, дедушка Унтаны обязательно затеет переговоры по вопросу, сколько мне заплатить, буду ли я молчать, да и вообще, на каком они все свете».

— Сахмет ханым — тау опустился на колени совсем рядом со мной — Лена спит...

— Если она не пишет очередной отчёт и не воспроизводит вслух 150 слов в минуту, то она спит — ухмыльнулась я. — Что ты хочешь?

— Какие у вас планы? — напрямик спросил парень. Да уж, в лобешник прёт.

— Никаких, кроме как попасть на корабль и свинтить отсюда, пока не превратилась в питательную среду для растений, — ухмыльнулась я. Парень выглядел озадаченным, на его прекрасном личике отражались муки размышлений, а в конце этих трудов, он всё-таки выдал едва слышно. — Сахмет-ханым, у меня не так много средств, я знаю, что вы работаете только за деньги, поэтому и говорю. Вы не станете использовать то, что видели на моих дисках... да и Лена... она идеалистка, хоть и хорошая девушка. Но...

— Есть идеи? — одними губами спросила я. В ответ тау прикрыл глаза в согласном жесте.

— Я имею дипломатические права, Сахмет-ханым, — мягко намекнул он, и я в ответ улыбнулась. Надо же, сообразил, а я сама уже собиралась ему пояснять.

После этого тау вернулся туда, откуда пришел. Он лежал не далеко от Лены. Девушка хоть и была заинтересована инопланетным молодым парнем, близко его не подпускала. Впрочем, так было со всеми.

Перед пересменкой, мы с Максом выглянули в окно. Растительность, которую мы вырубали вокруг здания, еще, когда только ставили его, теперь покачивалась на ветрке, подступая чуть ли не к самым стенам.

— Окружили...

— Сюда не заберутся... — сказала я — а Васька подберёт наш блок, и вывезет за пределы полей, заселённых этими «собачками», к примеру, в горы. Хотя... мы не знаем, сколько будет длиться период такого вот обстрела...

— Ты уверена, что эти растения сюда не проберутся?

— Нет — честно призналась я и полезла в спальный мешок, — лежала так, что могла видеть пролетающие в небе астероиды, и звёздочки падающих метеоритов. Если честно, мне стало уже тогда сильно страшно, что падая, очередной метеорит попадёт в нашу шкарлупку.

Знаете, я не только в тюрьме была и во дворце Аль Фатим жила... Я прекрасно знаю, что найдутся люди, которые оценят и освоят эти прекрасные растения. Вот, к примеру, те, кого называют «чистильщики». Есть — низовая каста, таких полно, а есть таланты в этой сфере, те, кто занимается «экзотикой». А ещё есть богатые обалдуи, которые любят острые ощущения. Представьте себе такое растение в большом чане в парке или даже на балкончике?

Я вот любила бывать на не легальных боях, ставить ставки, а потом в собственное удовольствие сидеть и смотреть бои. Я к этому пристрастилась ещё до встречи с Махамедом. Просто бордель, где я работала медиком, был приятным довеском к отелю, где был бойцовский клуб. Деньги ж нужно было тратить, как вы понимаете.

А Жиглов ставит ставки на результаты спортивных соревнований. Несколько раз мы вместе ставили ставки. Поставить, что ли ставки на то, влетит ли в нас метеор и что будет потом?

* * *

Проснулась я от довольно-таки ощутимого пинка. Моргнув, я рассмотрела Сеню:

— Сахмет Алиевна, вы чувствуете, как вибрирует пол? — за спиной у Сени маячили его ребята. В темноте (а мы выключили освещение, что бы экономить энергию), я видела блики глаз тау. — Что это?

— Я откуда знаю? — буркнула я и встала на колени. У меня был датчик, который показывал план помещения и нас всех, как точки. Но... некоторая часть пространства была как бы «залита» зелёным. Такое впечатление, что почва под корпусом была не однородной. А ведь когда ставили корпус, всё было однородным.

— Как думаете, это растения? — Макс.

— Унтана, ваше мнение? — спросила я, но тау сидел, вытаращив глаза. Было видно, что сказать что-то толковое он не сможет. Ему было очень страшно. — Ладно, — я посмотрела на сканер — Макс, переворачивай стол и оттаскивай его к дальней стене. Мальчики тебе помогут. — Я кивнула Сене — Васька, бери кота и сажай его в переноску, чтобы не бегал. Дальше, — Я повернулась к Лене — вы — морально готовьтесь...

Но на самом деле никто не был готов, к тому, что металлический пол, составленный из нескольких плит, сначала выгнулся, а потом и треснул по месту сварки. Вот и вся сила металла... сначала показался розовый росток, и я уже прицелилась стрелять, когда молниеносно возник красный хохолок, и полетела стрелка.

Все попрятались, кто куда. Я вынырнула из укрытия и выстрелила. И, о да, растение под температурой превратилось в сплавленную лужу. Я выдохнула, выбралась из-под стола и медленно подошла к окну. У самого стекла, прямо на меня, смотрели три десятка зрелых красных гребешков. В них я видела кончики стрелок с семенами. Но они не стреляли, понимали, видимо, что не пробьют стекло.

Но они знали, что швы, стыки — это то, где можно пройти.

В тот момент я крепко призадумалась, что будет, если я на самом деле пушу на чёрный рынок этого шайтана. Вряд ли тот, кто использует стрелу как убийцу, будет понимать, с чем имеет дело. Более того, обычные, не продвинутые медэксперты, вряд ли поймут с чем имеют дело... Воображение живо показало мне какую-то абстрактную планету, которую заняло это сумасшедшее разумное растение.

Видимо тогда я призадумалась не во время, и очнулась только от крика Макса:

— Сахмет! — я даже не обернулась, я одновременно ухнула вниз и оглянулась. Почти у самой головы пролетел эта самая стрелка. Все ошалело оглядывались, никто, в том

числе и я, не знали, откуда стреляло растение. Словно амёба, я проползла к Васе, который держал в руках большой плоский контейнер, которым надеялся отмахнуться от стрелы.

— Сахмет Алиевна, вы в порядке? — прошептал он.

— Лучше не бывает... — прошипела я, и медленно, но верно подобралась к месту, где валялся смертоносный живой снаряд. А на вид — так ничего особенного, просто стручок, длинный, длиннее ладони, с утолщением с одной стороны, и остриём с другой. Идеальный снаряд. — Макс — крикнула я — связывайся с Васькой, плевать на астероиды, пусть летит сюда...

— Уже — отозвался Макс из шкафа, куда спрятался. Что ж, мысль... Унтана, судя по данным датчика, тоже залез в шкаф, и не один, а с человеком. Я была уже тогда уверена, что с Леной. Только вот шкаф он выбрал, наверное, самый удачный из всех, хоть и в морге Он, шкаф, конечно, на самом деле цельно отлитый.

— И что говорит? — крикнула я, припрятав найденную стрелку в сапог.

— Просит, что бы включили пеленг, он сядет, ориентируясь на него.

— Хорошо, сейчас — я встала на колени и стала подползать к консоли управления. Благо мониторы у нас были нового поколения, тачпадные. Тыкаешь в нужное место пальцем и всё. Ничего лишнего.

Оставалось только ждать, пока Васька зайдёт в атмосферу, а потом со щедростью русской души, выжжет эти идиотские растения в радиусе километра. С теми, что забрались сюда, мы справимся, какнибудь сами. Есть ещё один вариант, но он сложнее, нас как бы поднимут, как багаж, и потом, в режиме зависания, просто сделают шлюз для перехода.

— Мальчики — обратилась я к спецам, — будьте добры, запаять все стыки поверху.

— За Сахмет — и вооружившись паяльником, стали запаивать, прямо при мне.

Тихонько подобрался тау. Его огромные фиолетовые глаза смотрели на меня с коктейлем почтения и суеверного страха. Лена выглядела немного растрёпанной, перепуганной и откровенно усталой.

— Не пицать — не упустила я возможности поиздеваться — можете затянуть в морг спальники и предаваться переживаниям там, только не громко.

Думаю, не нужно рассказывать какой семафор я наблюдала на двух юных лицах. Проще, нужно быть проще. Хотя... быть может это и хорошо, что в нашем мире есть кто-то такой вот чистый, как эта Лена. Нельзя, чтобы все люди были такими подонками как я.

Глава шестая. «МЕТЕОРИТЫ»

Я убивала время тем, что читала о Тау и тау. О планете и её жителях. Не мудрено, что я ничего не знала о них, кроме того что это очень наглый народ. Вот, к примеру, это милое создание, Унтана, он на четверть человек, к слову, а ведёт себя как тау чистой воды.

С людьми смешиваются замечательно, но крайне редко, в силу тяжелого нрава и закрытости. Как и ожидалось, Унтана появился в этот мир по тому, что его дедушка, служил в дипкорпусе, и послали его на Землю. Там он благополучно «оземлянился». Ну ладно, что бы просто спал с женщиной с земли, так он ещё и умудрился жениться на ней. Как такое вышло, знать не знаю, и не хочу знать.

Но в результате, ещё добрых пять стандартных лет эта парочка вела свою ядрёную политику с Земли. Потом их перевели на другое место, но там недолго были, где не указано, а потом и вовсе — политика.

Статья больше рассказывала о редкой красоте стеклянной посуде тау и их шальях. Шали мне понравились, я бы купила себе, если бы такое продавали даже на самом чёрном рынке. Но...

— Сахмет!!! — я вынырнула из полусонного состояния, и уставилась на экран консоли.

— Аллах... — будил меня Васька. А смотрела я на экран, демонтировавший мне сообщение «Опасность!». И это по тому, что нас ждал камнепад с неба. Метеориты, они имеют свойство падать не только на саму планету, а и на наше убежище. Я не знала, пробьёт ли камень с неба нашу крышу, стены и вообще...

— Что делать? — спросил Вася.

— Ничего — ответила я — мы ничего не можем сделать, только молиться...

— А вы молитесь? — спросила Лена.

— А ты думала, что? — улыбнулась я так, что, наверное, зубами мудрости сверкнула. — Я — мусульманка.

— А я думала, ты не веришь ни во что, кроме науки.
 — «Вера помогает мне оставаться человеком», — сказала я.
 — Если вы не будете молиться, то...
 — Превращусь в демона.
 — Вы и так демон — Лена внимательно посмотрела на тау, в поисках поддержки. Это она зря. Даже если тау сейчас откроет рот и скажет что я демон, сам он не перестанет быть демонёнком. Как там Лермонтов написал?

Знакомый образ иногда
 Скользил без звука и следа
 В тумане легком фимиама;
 Сиял он тихо, как звезда;
 Манил и звал он, но — куда?..

Но мальчишка промолчал. Зато не промолчали метеориты. Свист падающего космического снаряда — это конечно моё воображение. А вот предсмертный вой в микрофоне — это уже, правда. Мне стало дико, даже мне стало дико от того, что я слышала в тот момент в наушнике. Не нужно быть сто пядей во лбу, чтобы понять, метеорит влетел именно в тот блок, где находились парни с паяльниками.

Я не помню, как соскочила с кресла, и на ходу натягивая свою маску, перецепляясь через стулья, понеслась к шлюзу. Шлюз послушно открылся, что сделал зря. Я вообще сделала тактическую ошибку и человеческую глупость, потому что первое, что я увидела в полуразрушенном блоке, это красный хохолок растения...

Мне даже страшно не было, когда я видела, как раскрывается красный хохолок, готовясь запустить стрелу. Полагаю, это был тот самый эффект, когда замедляется мировосприятие. Я ещё и успела подумать: «Ну, вот и всё, приехали». И тут что-то с силой меня толкнуло.

— Ой, Сахмет! — услышала я издалека.

* * *

— Сахмет, Сахмет, приём — я медленно открывала глаза, очень медленно. Вокруг летали кровавые мухи. У меня было лёгкое сотрясение мозга. — Сахмет...

— М? — это всё что я смогла воспроизвести. Голова кружилась, не сильно тошнило, радовало, то что я ела весьма и весьма давно. Но судя по запаху, рядом был Макс. — Принеси... медикаменты...

Несмотря на то, что в голове у меня была космическая буря, я рассмотрела Лену. Если рядом Лена, то недалеко на орбите — тау. Лена сделать укол не сможет, испугается. А вот тау справиться.

— Унтана, — позвала я.

— Да, Сахмет-ханым, — мальчишка был тёмно — фиолетового цвета.

— Возьми у Макса в коробке лекарства, — распорядилась я — Судя по всему у меня сотрясение мозга, не сильное. Уверена, ты справишься, ты биолог.

Он справился. К моей радости.

— Сахмет, я знаю, что мешаю вам приходиться в себя, — Макс опять оказался в поле зрения. — Но... в Ваську попала стрелка, а парни...

— Они погибли из-за местной атмосферы... — тяжело поговорила я. Это было последнее, что я осознала перед падением. И только в тот момент я поняла, что меня уронил Вася, закрывая от выпущенной стрелки.

— Никто ничего не успевал сделать, — робко сказал Макс.

— Я отослала отчёты, сюда высылают линейный корабль «Вепрь»... — отчиталась Лена. — Оповещены семьи погибших.

— Замолчи — попросила я. — как звали парней?

— Саша и Женя, — из глубины полутёмного помещения отозвался Сеня.

— Сахмет, ты ничего не сможешь изменить, — Макс пытался посадить меня на койку, но двигаться было очень тяжело, клонило в сон. — Ты же знаешь...

Я знала. Знала, что Смерть не ждёт, когда захочешь умирать, она приходит тогда, когда ей это нужно. Я знала, что это так, и нельзя бояться Смерти, не стоит от неё бегать, конечно, если нет причины, продлевать жизнь. Со Смертью нужно быть в мире.

Но...

Мне почти что пятьдесят, я старая, сумасшедшая тётка, а тем парням было всего по двадцать лет. У них семьи, матери, отцы, сёстры, братья, невесты, жены. У них вся жизнь была впереди. Была...

— Сахмет! — из полудрёмливых размышлений меня выдернул Макс — не отключайтесь, я вас прошу.

Я и не отключалась.

Просто размышляла. Бывало время, когда свобода мысли и позволяла мне остаться человеком, а не диким голодным животным. И сейчас мысли не дают мне окунуться в пучину страха. Страх убивает разум, а я уже успела повредить свой разум, не раз и не два.

Тау понимает, что я ни в коем случае не повезу эти растения, кроме как в состоянии гербария. Тем более, я не буду везти на себе живые семена этих растений. И не по тому, что мне не позволят призрачные моральные принципы. А потому, что меня, как и всех остальных будут досматривать и проводить через карантин.

Зато, у Унтаны — дипломатический паспорт. И уверена, что досматривать парнишку никто не будет. Ему конечно и в голову не придёт, что я сунула ему что-то лишнее в чемоданчик. Но вот его родичи, точно поймут, что держат в руках. Да и как забрать тубусы с семенами? Не заявлюсь же я в посольство тау с фразой «Я к Унтане, мы вместе контрабанду возим».

На самом-то деле не факт, что нужен тау с его дипломатическим паспортом. Можно поступить намного проще. Среди препаратов у меня есть мёртвые стрелки, их Унтана собрал, сам и принёс мне, показывать. На их место можно положить живые семена, ведь никто даже не представляет себе, как различить живую и мёртвую семечку. Останется только заменить после прохождения досмотра содержимое пробирок.

Сами мёртвые семечки я пронесу на себе. Это не опасно, совсем не опасно, в причёску заткну...

Этот план, не смотря на его непродуманности и благодаря человеческому расхлебыванию, был мною реализован безукоризненно. Прилёт корабля «Вебрь» я почти не помню. Но, когда я узнала о том, что будет «Вебрь», то поняла, что будут забраны пробы почвы, атмосферы, растительности, только не нашим ведомством, а военными. Проще говоря, Москва будет иметь розовые растения, и их возможности.

Как то мой муж говорил, что в природе всё имеет свой противовес. Политика — как природа, в ней тоже нужно равновесие. Что ж, нужно привнести это равновесие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На корабле «Вебрь» все разбежались по норам. И вы не поверите, но никто особенно не проверял, что у меня было в карманах. Когда отошли от планеты на приличное расстояние, у всех дружно возникло желание поговорить. Разве что мне не очень хотелось, да и Макс, с его то опытом. Тау всё время просиживал рядом с Леной, помогал ей сочинять отчёты.

Заменить в пробирках семена оказалось на много проще, чем я думала. Эх, какая досада, я просто зашла и поменяла. А долетели спокойно. По прилёте нас тоже не досматривали, меня сразу же отправили в клинику при НИИ. Вместе с моим багажом, в котором мирно обитали живые семена опаснейших растений. Никому и не могло прийти в голову, что в моём чемодане есть что — то такое опасное. Хотя... судя по глазам Аничкина, который пришел меня проведать, он подозревал, что я не могу не прибрать к рукам хоть что-то. Но всё же, говорить ничего не стал.

Если учитывать, что садились мы ночью, нас встречали делегации Министерства Инопланетных Дел, НИИ и Министерства Внутренних дел. Унтану забрала семья. Он только и успел помахать Лене ручкой. Посол тау Тан*ма, рослый тау с непередаваемо грустными глазами. Он сам лично явился за сыном.

Не могу сказать, что заметила в глазах у Унтаны радость, по поводу встречи с отцом. Они стояли рядом, словно бы чужие. Унтана лишь слегка прикрыл глаза, прощаясь с Леной. Зато Лена была готова вытряхнуть из меня остатки самообладания. Придиралась к каждому слову, не только её отчета, но и моего.

На следующий день, когда я, наконец, выпалась и была уверена, что никакие тау и Лены меня не ожидают, повстречала на свою голову начальство.

— Сахмет Алиевна, — я коротко кивнула начальству. Начальник НИИ выглядел озадаченным и несколько испуганным. — В общем, вам всем выплатят премию, и отпуск дадут дополнительный, как положено... — Я кивнула, не очень интересуясь тем, что мне там полагается. — Тут это... вас очень хотят видеть... — Я с интересом глянула на на-

чальника, это ж надо так побледнеть — посол Тау. Он уже прибыл и ожидает вас в конференц-зале.

— Алексей Максимович, — обратилась я, более ли менее официально. — Я не очень хочу общаться с этим тау. Мне хватило его сыночка.

— Мне жаль, Сахмет, но он не отстанет... — я только коротко кивнула.

Я, конечно же, прочитала всё, что можно было и местами то, что нельзя обычным людям, про эту семью. Тан*ма сделал себе карьеру в весьма юном возрасте. Он занял отцовское место, на самом — то деле, когда отец в Совет перешел работать. Место своё в мире тау, он укрепил браком с тау, происходящей из весьма, и весьма уважаемого клана.

Унтана — его единственный сын.

— Здравствуйте, Сахмет Додоева — тау встал мне на встречу.

— И вам не хворать. Что нужно? — буркнула я. Пусть даже не думает, что я буду с ним любезничать.

— Вы можете мне грубить столько, сколько считаете нужным. От этого я не изменю своему желанию благодарить вас за то, что вы спасли жизнь моему ребёнку — гордо ответил тау. Я же слегка рассмеялась.

— Ваш ребёнок не так слаб и прост, как вы думаете. Благодарить меня не за что, — продолжала я. — Он сам справился бы, наверное, даже лучше, чем вместе с нами.

— Он очень молод, и очень... импульсивен... Он всё время старается доказать что-то.

— Вы сами таким не были? — моя улыбка переросла в усмешку — Сами вы, значит, не поддались на эмоции юности и не стали строить карьеру поверх отцовской, доказывая всем и вся, что вы самостоятельно способны быть лучше отца? Просто вместе с вами, дорогой посол, платит за глупости и ваш сын, и ваша супруга. Хотя, мне кажется, что ей пальчик в рот не клади, откусит. Вы, для начала, с сыном поговорите не как «его высочество», а как отец и друг. А потом благодарите меня за то, что я спасла его сизую шкурку. От самого себя и от вас я его спасти не смогу, даже если бы хотела.

— Вы правы Сахмет — ханым, — тау отчаянно старался не стать тёмно лиловым. — Правы, конечно. Вашу бы мне мудрость тогда, когда я всё это затевал. А сейчас я прошу вас, вы очень влияете на мнение моего дитя, скажите ему, что не стоит пытаться быть ксенобиологом. Это так опасно, — в ответ я усмехнулась так криво, что тау понял, от меня этого не добиться. — Я просто хочу сохранить ему жизнь...

— Идите, посол, оставьте меня в покое, и наконец, посмотрите, как справляется с этим ваш отец. У него есть, чему поучиться, — я встала и вышла из комнаты.

Если честно, мне было жалко паренька. Но жалко вырастает у пчёлки, а людей жалеть — неблагодарное дело. Пожалеешь, поможешь, защитишь, а в ответ — очередная подстава. Тау очень и очень похожи на людей.

На самом деле, пока мы летели домой, Унтана рассказывал мне, краткую историю своей жизни. Пока я не уснула, успела узнать, что из всей своей семьи он больше всего дружен со своим дядей, слепым тау. Все остальные, хоть и дружелюбны, но не понимают его до конца. Особенно больно ему было такое говорить о матери.

«— Вот если бы у меня была матушка, как у моего отца», — сказал Унтана — она всегда и ко всем внимательна. Мудрость её меня всегда поражала, но она не моя мать. Мой дядя, слепой тау, он всегда говорил мне: «не спеши, ошибки сделать ещё успеешь» ... Я боюсь, что опоздаю. Что я смогу достигнуть, если мой отец старается меня загнать поглубже к нему в штат.

Кто сказал, что жизнь легка? А?

Тау — красивые, безумно красивые существа. И как оказалось их не так уж и много, как, кажется. Их легко убить, и не просто выходить умирающего тау, особенно если он жить не хочет. Кто сказал, что жизнь легка?

Леночка не донимала вообще. Мы пересекались пару раз, но я успешно уходила от перспективы общаться с ней и её семейством. Я передала кота Васи его соседу, а сама вернулась в квартиру. Лететь на Тау я не планировала, в силу того, что мне там нечего делать. Продавать стрелки я передумала. Валялись теперь в трубках в шкафчике.

* * *

Нужно сказать, что я не любила ходить по магазинам никогда. Но нужно же хоть иногда питаться чем-то кроме еды из кафе при НИИ Ксенобиологии. В общем-то, и стало причиной, почему я, вместе с тележкой, прогуливалась по супермаркету в само центре Москвы.

Нужно сказать, что большинство людей, слава аллаху, телевизор смотрят только, когда показывают сериалы, и меня узнавали только пару раз за всё время пребывания в Москве. Так что поход за провизией для одной мусульманки — не велика беда.

— Кура или гусятина? — я примерялась к двум пакетам охлаждённой птицы. — Ну, кто из вас на меня лучше смотрит?

— Сахмет Алиевна, — от этого голоса, я чуть из платка не выскочила. — Сахмет Алиевна, вы чего с курицей разговариваете??? И с уткой...

— Леночка, что ты тут делаешь? — признаюсь, я думала, что за Леночку в магазин ходит домработница.

— Как что... — удивилась девушка. Я уже думала, что она за покупками пошла! — Вас ищу... — наверное, моя физиономия была самым смешным в этом торговом-развлекательном центре.

— Зачем? — сипло спросила я.

— Я вас пригласить хотела...

— Детка, — я усмехнулась — у меня ТАКИЕ ПЛАНЫ, что пить чай мне некогда. Я улетаю... — моментально вспомнилось, что меня Тау приглашали в гости. Вот и скатаюсь к судье. А там, глядишь, и забудет о существовании.

— А... ну тогда, до встречи — мне чем-то не понравилось то, как была одета Лена. Даже моё условное влияние не важно, когда девочка, которая всегда ходила в форме и по форме, надевает некий наряд палевого цвета с длинным широким шарфом муарной расцветки.

Прилёт мой на Тау, ознаменовался ужасной погодой на всей планете. Такой дождь лил, что думала, меня смоеет потоком. Тау, которые сновали по улицам туда сюда, только оглядывались на меня, пробегая дальше. Тут вообще не принято кичиться своим положением в обществе и все тау жили примерно одинаково. Но, всё же, дом Главы Совета узнать можно. Хотя бы по тому, что меня там встречали, близняшки тау.

— Как же вас различать то?

— А ни как! — заулыбались девушки в совершенно одинаковых туниках.

— А мать с отцом как различают?

— Тау всегда отличат двух тау — я испугалась. В холле дома голос его хозяина был подобен Гласу Аллаха. Зато девочки заулыбались этой своей ангельской улыбкой, и моментально перебазировались за спину отцу. Стройные как веточки, девочки — подростки. — Я испугал вас? — Я улыбнулась, коротко, вежливо.

— Здравствуйте Недва — поздоровалась я — нет, не испугали, — тау не поверил, но повёл меня в зал. Там, в кресле, одном из двух освещённых, сидела судья. Невысокая тау, в судейской мантии, с нежными, чуть грустными глазами.

— Здравствуйте Мааро.

— Сахмет — приветственный жест, и мягкая улыбка.

— Я могу узнать, чем я заслужила ваше внимание?

— Конечно, — тау встала, и подошла. — Но сначала, разделите с нами ужин. Сын моего старшего сына признался, что весьма неудачно приготовил национальное блюдо, куту. Думается мне, у меня вышло на порядок лучше...

— Я буду, рада попробовать... — улыбнулась я.

Что ж, я предполагала, что буду пытаться продать тау стрелки. Но продавать их не очень хочу. Тогда чего им от меня на самом деле нужно? Это не те существа, которые будут без причины любезничать.

— В таком случае, мы подождём, пока к нам спустятся все участники сегодняшнего вечера, — загорелось освещение, показывая полукруг из одинаковых кресел. Это что-то вроде семейного зала. А из прохода, ведущего вглубь, появилась Леночка. Наверное, тау были довольны моим видом.

— Думаю, вы перехитрили сами себя — совершенно идентично с женой, улыбаясь, сказал мне Недва.

А В Т О Р Ї

МАРГАРИТА МОСКВИЧЁВА — художник, керамист, поет, прозаик, лауреат Международного литературного фестиваля «Бумажный ранет-2013» (Москва), лауреат Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье-2014 в четырёх номинациях (Одесса) — проза, поэзия, изобразительное и декоративное искусство.

Автор книг «ПЕРЕВЕЛ», «ЗА ГУСТЫМИ СНЕГАМИ».

Печаталась в журналах: «Радуга» (Киев), «Лава» (Харьков), литературном альманахе «Каштановый дом» (Киев), коллективных сборниках «МЫ», «Слово», международном литературно-художественном журнале «Зарубежные задворки «ZA-ZA»» (Дюссельдорф), литературном журнале «Южная звезда» (Ставрополь), историко-культурном и литературном журнале на русском языке «LiteraruS-Литературное слово» (Хельсинки) и в антологии «Иллюзии сада» (Варшава, 2016), литературном альманахе писателей Сумщины "Слобожанщина" (Сумы, 2018), коллективном сборнике "Моремания" (Москва, 2018).

Произведения опубликованы на литературных сайтах Германии, Польши, Беларуси, России, а так же звучали на сумском, харьковском

областном радио и на радио «Московской правды».

Проиллюстрировала и оформила более двадцати книг авторов Украины и Америки.

Представляла свои работы на персональных и Всеукраинских выставках, а так же выставялась в Швеции в 2013 г.

Стихи переводились на украинский, польский и арабский языки.

ІННА ДІДИК (псевдонім — Інна Снарська) народилася у м. Полоцьк (Білорусь). Українська та білоруська письменниця. Поетеса, прозаїк, журналіст. Пише українською та білоруською. Живе і працює в Полтаві

Закінчила будівельний факультет Новополоцького політехнічного інституту (нині Полоцький державний університет) у 1987 році, а також філологічний факультет Полтавського державного педагогічного інституту ім. В. Г. Короленка (нині Полтавський національний педагогічний університет ім.В.Г.Короленка) у 2003 році. З 1987 року живе у Полтаві. З 1998 по 2018 рік працювала редактором телебачення Полтавської обласної державної телерадіокомпанії «Лтава», філії ПАТ НСТУ «Полтавська регіональна дирекція "Лтава"».

Автор та режисер більше 300 телевізійних передач та документальних фільмів, серед яких «стежаками Лесі Українки», «Берегиня Драгоманівського роду» (про Олену Пчілку). Учасниця та лауреат всеукраїнських та міжнародних фестивалів телерадіопрограм: «Калинові острови», «Мій рідний край», «Перемогли разом».

Член Національної спілки письменників України, Спілки білоруських письменників, Національної спілки журналістів України. Автор 9 збірок поезії. Лауреат літературно-мистецьких премій: Олени Пчілки, Івана Котляревського, Василя Симоненка, Панаса Мирного, Леоніда Бразова, міжнародної літературної премії «Нашчадкі Скарюны» (Білорусь) в номінації «поезія». У 2018 книга «Вогнепаклонниця» увійшла у шорт-лист на здобуття Міжнародної літературної премії імені Наталії Арсенєвої (Білорусь).

СЕРГЕЙ МАНУКЯН родился в г. Баку. Экономист, историк, журналист. Проживает в Харькове. Опубликовал печати более двухсот статей социально-экономической тематики и военной истории. Публикации в журналах «Знамя» (№6 2021), «Наука и техника» (Харьков). Автор книг: «Боевые награды Второй мировой войны», «Федеральное бюро расследований. Несекретные материалы», «Полет и кара» и других.

ЕЛЕНА ДАНЧЕНКО — поэт, прозаик, переводчик, рецензент, журналист. Закончила факультет журналистики КГУ (Кишинёв) и училась в Высшей школе переводчиков г. Утрехта (Нидерланды). Автор 6 книг стихов и одной книги переводов, совместно с американским переводчиком. Лауреат и финалист многих конкурсов: имени Ольги Бешенковской (Германия), Дюка Ришелье (Германия-Одесса), Международного литера-турного фестиваля (Прага), «Музыка перевода» (Москва), «Лучшая книга года» (Германия), Премии имени Игоря Царева, лонг-листер Бунинской премии, Волошинского конкурса, Премии «Белла» и других.

Автор публикаций стихов, переводов, прозы и публицистики в журналах: «Дружба Народов», «Новая Юность», «Знамя», «Смена», «Москва», «Иностранная литература», «День и Ночь», Урал», «Зарубежные Записки», «Дарьял» и др.

ТАТА БАРАШКОВА

О себе:

Пишу рассказы, учу начинающих авторов. Блогер, автор сборника рассказов «Диалоги со Вселенной» и мама четверых детей

ИГОРЬ ОТЧИК родился в городе Мозырь Гомельской области 22 декабря 1951 г. Окончив школу с медалью, поступил на физический факультет Белорусского государственного университета, после чего преподавал математику в средней школе. После окончания МЭСИ по специальности экономист-математик был распределен в Кишинев, в отдел АСУ главного управления энергетики и электрификации Молдавии. В дальнейшем работал в различных организациях электроэнергетической отрасли России, специализируясь в программировании, математической статистике, анализе и прогнозировании. Завершал профессиональную деятельность в центральном аппарате РАО «ЕЭС России» в должности начальника отдела бизнес-планирования предприятий электроэнергетики. Входил в состав советов директоров ряда энергетических компаний, ветеран труда, имеет звание «Заслуженный энергетик России». Проживает в Москве.

Выйдя на пенсию, занялся литературной деятельностью. Роман Игоря Отчика «Беседы шалопаев или Золотые семидесятые» был неоднократно представлен издательством «Ridero» на книжных выставках России.

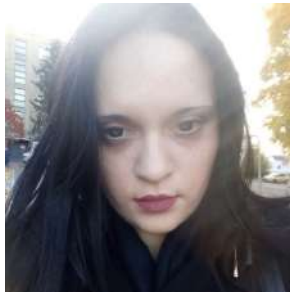
ОЛЕНА МИХАЛЕВИЧ

Публиковалась в альманахах «ИнтеРеальность» и «Каштановый дом» (Киев), журнале «Лава» (Харьков), в сборнике поэзии и прозы «Artelen».

Елена САМСОНОВА

Родилась в 1981 году в Донецке, окончила филологический факультет ДонНУ и начала работать в местных СМИ. Писать стихи и прозу начала с того момента, как... научилась писать. До того — придумывала и записывала свои истории. В 2014-м году переехала жить в Харьков.

Карина АУЛОВА

Родилась в городе Краматорск. Живёт и работает в Харьков

ЭМИЛИЯ ПЕСОЧИНА родилась в Харькове в семье преподавателей английского языка. Доктор медицины. В 2001 г. эмигрировала в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии.

Изданы четыре сборника стихов: «Ковчег и качели» (2001), «Чужой город» (2002), «Волкополье» (2006), «Разговор со звездой» (2011). Стихи включены в международные сборники и альманахи «Эмигрантская лира», «45-я параллель», «Графит», «Время Визбора», «Артелен», «Звезда Рождества», «Ассоль», «Кологод», «Пятая стихия» и др. Публикации в журналах «Этажи» (Россия-США), «Дальний Восток» (Россия), «Новый свет» (Канада), «Новый континент» (Чикаго, США), ДЕГУСТА, в «Литературной газете» (Россия), газете «Гавань» (Новая Зеландия), газете «Оптимист» (Израиль) и др. Творчество представлено на сайтах «Улица Неспящих Фонарей», «Рифма.ру», «Мегалит», «Фабрика литературы», «Клуб «Литературная СТИХИЯ», «Русский Альбион», «Новый Ковчег»,

«Фейсбук», «Свой вариант», др.

Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Визбора. На стихи Эмилии написано более двухсот песен, вошедших в состав более тридцати песенных дисков, создано множество видеоклипов. Лауреат, дипломант и финалист международных литературных конкурсов «Эмигрантская лира», «Русский Гофман», «ПТИЦА», «Пятая стихия», «Созвездие духа», «Звезда Рождества», «Редкая птица», «Человек, судьба, эпоха», «Грани мастерства», конкурса к 60-летию журнала «Москва», «Есть только музыка одна» и проч.

Ольга АНДРЕЕВА родилась в Николаеве. Член Союза российских писателей, Южнорусского Союза писателей и Союза писателей XXI века. Автор поэтических сборников «В случайной точке» (2003), «Эволюция ветра» (2003), «Аритмия» (2003), «Вещь не в себе» (2007), «Оставаясь водой» (2010), «Равноденствие» (2012), «Лестница тавров» (2013), «На глобусе Ростова» (2016). Публиковалась в альманахе «ПаровозЪ», в журналах «Дети Ра», «Нева», «Новая Юность», «Крещатик», «Зинзивер», «Аргмак», «Южное сияние», «Ковчег», «День и ночь» и др. Лауреат конкурса «45 калибр» (2013, 2015). Дипломант Тютчевского конкурса (2013). Финалист Прокошинской премии (2014). Член жюри конкурсов

«Провинция у моря» (2016) и «45 калибр» (2017). Живет и работает в Ростове-на-Дону.

МИЛА ИЛЬИНА

Москвичка, родилась 24 июля 1975 года. Писатель, поэт; окончила Литературный институт (семинар Анатолия Приставкина); работала на тв (социально-патриотическая программа "Улица твоей судьбы", эфир на федеральном канале ТВ Центр); выступала в Московской филармонии имени Чайковского, в Доме Композиторов, в Центре Славянской письменности и культуры, в клубах православной молодёжи. Сотрудничаю с композиторами из объединения "МОСТ". Публикации ("Наш современник", "Поэтический альманах", "Фома", "Эхо Бога", Дружба народов", "Textura", сборник рассказов "В каждом человеке солнце" и др.) Пишу прозу и стихи. Литературный и художественный псевдоним — Мио Гранд (фамилия предка и детско-юношеское прозвище).

ТАТЬЯНА ПЕРЦЕВА (Хельсинки) — поэт, литератор, консультант.

С 1998 года живёт в г. Хельсинки (Финляндия). Организатор (совместно с различными партнёрами) литературных встреч, фестивалей, слэмов: «Käsittämätön runous», «Kulttuuriratikka», «AURORA BOREALIS», «Russian Poetry Slam Helsinki» (Хельсинки, 2005-2017).

Печаталась в журналах: «Гайд-Парк» (Лондон, 2004), «Дети Ра» (Москва, 2005, 2007, 2010), «Кольцо А» (Москва, 2006), «Воздушный змей» (Таллинн, 2006), «LiteraruS-Литературное слово» (Хельсинки, 2005-2017), «Дружба народов» (2008), «Интерпоэзия» (2012), один из авторов сборника «Структура сна», (Изд-во «Алетейя», Санкт-Петербург, 2008). Участница форумов молодых писателей России (Москва), Международных литературных фестивалей и форумов.

Поэтические и прозаические тексты переведены на финский, шведский, французский, грузинский языки.

ВАЛЕРИЯ ТАРГОНСКАЯ родилась (9 августа 1977 года) и выросла в Киеве, в семье врача и журналиста. Получила образование юриста, а позже и профессионала по интеллектуальной собственности. После окончания обучения тесно была связана с защитой прав интеллектуальной собственности, а точнее авторских прав на произведения науки, литературы и искусства.

ВАЛЕНТИН ЩЕРБАНЬ под псевдонимом Тин Фалькон описывает литературный фэнтези мир Хартилон, по которому на данный момент написаны девять рассказов под общим названием сборника «Летопись Хартилона», роман «Ведомые Войной» и серия описывающих мир статей на фандом-википедии. Все вышеперечисленные работы написаны на русском и украинском языках.

НАТАЛИЯ РЕБАЛКО безвременно ушла из жизни 2 сентября 2012 года.

Родилась 27 декабря 1986 года в Харькове. В 2009 году закончила Харьковскую Национальную академию им. Я. Мудрого (магистр, диплом с отличием). Продолжила обучение в аспирантуре Харьковского Национального Университета Внутренних Дел. Но не дожидаясь полтора-два месяца до окончательной защиты диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности криминальное право и криминология; криминально-исполнительное право.